This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ЛѢТОПИСЬ
ФАКУЛЬТЕТОВЪ

На 1835 годъ,

изданная

въ двухъ книгахъ

А. Галичемъ и В. Плаксинымъ.

AAV6058

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
печатано въ Типографіи И. Глазунова.
1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, Апрѣля 30 дня 1835 года.

Цензоръ А. Никитенко.

ЛѢТОПИСИ
ФАКУЛЬТЕТОВЪ

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Открытые для Редакціи, портфели С. Петербургскихъ Г-дъ Литераторовъ и Ученыхъ наполнены *дѣльными* Статьями, Разсужденіями, Взглядами, Трактатами, изъ которыхъ, однакожъ, многіе съ одной стороны слишкомъ пространны и серьозны для журнальнаго, или, такъ называемаго, легкаго чтенія, съ другой слишкомъ кратки, мелки, *брошюрны*, чтобы могли составлять собственно книги; а между тѣмъ всѣ, по нашему мнѣнію, такъ любопытны, что грѣшно держать ихъ подъ спудомъ.

Этихъ статей, по одной въ каждомъ родѣ, набралось у насъ, на нынѣшній годъ 19. Онѣ-то, въ *восходящемъ* порядкѣ занимательности и важности и составляютъ двѣ Книги нашей *Лѣтописи Факультетовъ*. Это не Журналъ, не Альманахъ, не Справочный Словарь, а просто

мысли Ученыхъ, — собраніе сочиненій, писанныхъ не столько Литераторами, сколько людьми, желающими положить свои лѣпты въ общую сокровищницу просвѣщенія, людьми *Русскими*, извѣстными то Высшимъ Учебнымъ Заведеніямъ, то Публикѣ. — Къ этой же категоріи должно отнести и *два*, Редакціи *сообщенныя* и ею — по *исключенію*, на первый разъ, — *не въ примѣръ другимъ*, допущенныя *извлеченія*, одно изъ *Кормчей* книги о *завѣщаніяхъ по разуму древнѣйшихъ узаконеній въ Россіи*, другое изъ Трактата Дрезденскаго Профессора *Шулана* объ *окаянствѣ*.

Лѣтопись Факультетовъ очевидно имѣетъ назначеніе *энциклопедическое*. Въ нее, кромѣ прочихъ образованныхъ любителей чтенія, полюбопытствуетъ заглянуть и Врачь и Законовѣдецъ; и каждый изъ нихъ, ежели не найдетъ положительнаго наученія, то, по крайней мѣрѣ, встрѣтитъ многіе предметы, достойные соображенія, и многія мнѣнія, съ откровенностію высказанныя. Она, открытая для всѣхъ оригинальныхъ и, по предположенію, пространныхъ Трактатовъ, какіе обыкновенно помѣщаются не столько въ Литературныхъ Журналахъ, сколько въ другихъ повре-

менныхъ, болѣе или менѣе, однакожъ, *односторонних*ъ, Изданіяхъ разныхъ Обществъ, Академій, Комитетовъ, принимаетъ въ себя для энциклопедической полноты, и Словесность, какъ стихотворную, такъ и прозаическую. Но она позволяетъ Литературѣ играть роль не главную, не исключительную, а только такую, какая *удѣляется* ей прочими *существенными* отраслями человѣческихъ познаній, за успѣхами коихъ мы слѣдимъ преимущественно.

Если бъ, даже, иныя пьесы и не имѣли высокаго, Европейскаго достоинства, — все-таки для Русскаго читателя любопытно знать, *какими* глазами мыслящій его соотечественникъ смотритъ на свою Науку, въ какомъ *духѣ* подвизается на ея поприщѣ и *какъ* обработываетъ отдѣльныя задачи ея *независимо* отъ чуждыхъ вліяній.

Спасибо же добрымъ Академическимъ нашимъ пріятелямъ за дѣятельное участіе въ нашемъ многосложномъ трудѣ ученолитературномъ. Но нельзя не сказать другаго *спасибо* и С. Петербургскому Книгопродавцу Ил. Ив. *Глазунову*, принявшему на себя хлопоты печатанія нашей

Лѣтописи, коей Книга *вторая*, содержащая въ себѣ Трактаты о предметахъ *Естественной Исторіи*, *Химіи*, *Медицины*, *Математики*, *Философіи* и *Богословія*, выйдетъ въ свѣтъ къ концу Декабря мѣсяца. Ей-то предоставляется исправить непремѣнно и наши недосмотры.

Издатели:

Александръ Галичъ.

Василій Плаксинъ.

С. Петербургъ,
Октября 25 дня,
1835 года.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПЛОВЕЦЪ.

Молчитъ вдали дремучій боръ;
Какъ шаръ серебренный, сіяетъ
Луна изъ-за воздушныхъ горъ,
И вѣтеръ легкій колыхаетъ
На ивѣ дремлющій листокъ....
Не свѣтитъ въ полѣ огонёкъ, —
Все спитъ въ молчаньи гробовомъ!
Лишь на утесѣ вѣковомъ,
Орелъ встревоженный, порою
Взлетаетъ быстро надъ скалою —
И воздухъ бьетъ своимъ крыломъ....

Но вотъ проснулася рѣка,
По струямъ трепетъ пробѣжалъ:
И бѣлый парусъ челнока
Роскошно вѣтеръ развѣвалъ....
И пѣсня звучно покатилась,
Какъ трель пернатыхъ въ небесахъ, —
И въ мертвыхъ, каменныхъ скалахъ
Она, стихая, повторилась...

„Ты родимая рѣка,
„Рѣка быстрая, —
„Глубока и широка —
„Ты могучая;
„Неба звѣзды и луна
„Блѣднолицая —
„Въ твои волны свысока
„Ночью смотрятся...
„Ты кручинушки не знаешь,
„Ты въ узорныхъ берегахъ,
„Словно дѣвица гуляешь
„Съ полюбовникомъ своимъ
„Вѣтромъ утреннимъ, живымъ.
„И лазоревой волною
„Лебедь плещется съ зарёю, —
„Онъ цѣлуетъ, онъ милуетъ
„Свѣтлоструйная, тебя —
„Крылья бѣлы распустя!
„Отъ чего жъ, скажи, тоскуетъ
„Сердце бѣдное мое?
„Не дитя ли я твое?
„Ты вспоила, ты взлелѣяла меня,
„Въ синихъ волнахъ окрестя!
„У всѣхъ есть юныя подруги, —
„Онѣ цвѣтутъ, какъ майскій цвѣтъ,
„Ихъ святы радости и веселы досуги:
„А у меня ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
„Иныхъ малютки утѣшаютъ —
„Забавенъ дѣтскій ихъ привѣтъ, —

„Они — невинные — страдать не знаютъ:
„А у меня ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
„У всѣхъ родимая живетъ, родной:
„Имъ сладокъ Божій свѣтъ;
„А я одинъ живу съ моей тоской —
„Родныхъ и друга нѣтъ, какъ нѣтъ!
„Ты невѣста моя
„Рѣка вѣрная;
„Мнѣ съ тобой душа — рѣка,
„Какъ то весело . . .
„Изъ цвѣтовъ вѣнокъ совью
„И на волны положу,
„Это перстень обручальный,
„Это нашъ залогъ любви . . . “

И пѣснь замолкла; берегъ дальный
Отгрянулъ звуки; тишины
Опять ничто не нарушало . . .
Лишь эхо въ каменныхъ скалахъ,
Какъ струй журчанье въ берегахъ,
Съ прохладнымъ вѣтеркомъ играло . . .

А. Григорьевъ.

СЕМЕЙСТВО РОЗЪ.

ЭЛЕГІЯ.

(Посвящается Ю. А. С.)

1.

Видали ль вы въ долинѣ сокровенной,
Въ тѣни склонившихся надъ озеромъ березъ,
Могильный холмъ — пріютъ уединенной —
Семейства мирнаго пустынныхъ пышныхъ розъ?
Волна прозрачная, любуясь ихъ красою,
Покоитъ на груди трепещущей своей,
И рѣзвый мотылекъ — любимый гость полей —
Летитъ къ нимъ отдохнуть полдневною порою
Въ сіяньи радужныхъ огней.
Вечерній вѣтерокъ, играя ихъ кудрями,
Когда свершается торжественный закатъ,
Несется медленно надъ свѣтлыми полями,
И сыплетъ сладкій ароматъ.
Забытыя въ глуши, подъ яснымъ неба сводомъ,
Любимцы солнцевы — изъ крова своего —
Они любуются блистательнымъ восходомъ,
И тихимъ шелестомъ привѣтствуютъ его.
Заря вечерняя, свѣтило дня скрывая
За рубежемъ далекихъ синихъ горъ,
Встрѣчаетъ ихъ прощальный взоръ,

Даритъ улыбкою послѣдней, догарая.
И въ часъ безмолвія таинственныхъ ночей,
Родными вѣтвями сплетшися игриво,
Они покоятся счастливо
На лонѣ матери своей . . .
Имъ бури не страшны: въ сѣни гостепріимной
Они защищены отъ бурь и непогодъ.
Закроется ль когда небесъ лазурный сводъ
Грядою тучи дымной;
Промчится ли борей сердитый по лѣсамъ;
Прольется ль молнія огнистыми струями;
Отгрянетъ ли перунъ по мрачнымъ небесамъ;
Березы мирными обнимутъ ихъ вѣтвями,
И дождь скользитъ по ихъ верхамъ.
Счастливы розы тѣ въ безпечности невинной!
Но всѣхъ счастливѣе изъ милыхъ розъ одна:
Царица области пустынной,
Какъ упоительна, какъ роскошна она!
Какою нѣгою плѣнительною дышетъ!
Какимъ огнемъ уста ея горятъ!
Какой съ кудрей ея струится аромотъ,
Когда зефиръ главу ея колышетъ!
Не ей ли по ночамъ, въ густой тѣни вѣтвей,
Когда луна течетъ въ порфирѣ позлащенной,
Поетъ столь нѣжно соловей,
Любовью упоенной?
Не ей ли при зарѣ, когда востокъ горитъ,
Когда прохладою предутреннею вѣетъ,
Пѣвцовъ воздушныхъ царь и свищетъ, и дробитъ,

И въ страстной пѣсни млѣетъ?
То ей! то розѣ молодой!
Она задумчиво пѣвцу любви внимаетъ,
Склонясь прелестною главой:
И грудь волнуется, и ликъ ея пылаетъ!
Не тщетно любитъ соловей:
Гласъ сладостный любви для милой розы внятенъ,
И счастливый пѣвецъ любви и красныхъ дней
Для сердца нѣжнаго красавицы пріятенъ.

2.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

3.

О Розы милыя! недолго вы блистали,
Не долго путника вы радовали взоръ!
Еще снѣга не скрыли ближнихъ горъ,
Но вы уже увяли! . . .
Гдѣ свѣтлый вашъ хранитель — Ангелъ былъ,
Когда на озерѣ громады собирались,
Когда въ лѣсахъ сердитый вѣтръ завылъ,
И стаи вороновъ съ далекихъ горъ слетались?
За чѣмъ оставилъ васъ? за чѣмъ своимъ крыломъ,
Во время бурнаго движенія природы,
Не скрылъ отъ бурь и непогоды,
Не отвратилъ низпадшій съ неба громъ?
. . . . . .

Скончалась ночь. Востокъ холоднымъ пламемъ пы-
шетъ;
Въ безоблачной выси скликаются орлы;
Но буря все сильнѣй дыханьемъ бурнымъ дышетъ.
Огромные валы
Стадами тучными на озерѣ пасутся;
Подъ бурей двухъ стихій могильный холмъ дрожитъ;
Древа столѣтнія какъ гибки лозы гнутся,
И съ вихремъ по полямъ зеленый листъ летитъ.
Дрожа отъ холода, съ поникшими главами,
Младыя розочки сплетаются вѣтвями.
Но тщетно все! часъ гибели пробилъ!
И вѣтеръ яростный тяжелыми крылами
Три розы юныя безжалостно сломилъ! . . .
Исчезло все, что сердце здѣсь любило,
Что путника ласкало жадный взоръ!
И солнце свѣтлое, поднявшись изъ-за горъ,
Холодный гробъ красавицъ освѣтило!

. . . . . .

Но волны озера не скрыли ихъ въ водахъ:
Шумя прозрачными крылами,
Они несли сиротъ на пѣнистыхъ хребтахъ,
И окропляли ихъ жемчужными слезами.
Онѣ плывутъ! . . .
Повито трауромъ, какъ факелъ погребальный,
Свѣтило дня бросаетъ лучъ прощальный,
Какъ бы преслѣдуя въ послѣдній ихъ пріютъ.
Но силы бури не слабѣютъ:
Лѣса шумятъ, песокъ летитъ,

Вранъ черный жалобно кричитъ,
И волны озера бѣлѣютъ.
Онѣ плывутъ! . . . за валомъ валъ
Бѣжитъ знакомою стезею;
И вотъ, какъ западъ догаралъ,
Къ пустому острову прибило ихъ волною,
И вѣтеръ бѣлыми песками закидалъ! . . .

. . . . . .

На утро стихнули порывы грозной бури:
Спокойно озеро; не тронется листокъ;
Свѣтило дня восходитъ на востокъ,
И тихимъ пламенемъ разлилось по лазури;
Сверкаетъ искрами песокъ;
Горитъ алмазами кудрявая береза,
И темный боръ златымъ свѣтлѣется вѣнцомъ.
Но на холмѣ береговомъ
Цвѣтетъ одна сиротка — Роза!
Спасенная подъ гибельной грозой
Крыломъ хранителя, отнынѣ
Она одна, своей плѣнительной красой,
Манитъ взоръ путника, заблудшаго въ пустынѣ,
И украшаетъ холмъ родной.

П. Ершовъ.

СЛЕЗА.

Сладостно пѣли безсмертные гимнъ похвалы Іеговѣ.
Чистая радость горѣла въ очахъ ихъ, — и волны Эфира,
Стройно колеблясь, святыя слова доносили до Бога.
Быстро слеталиеь крылатые .... только вдали, одинокій,
Грустный стоялъ Серафимъ, на туманную землю взирая.
Вотъ отдѣлился, отъ сонма безплотныхъ, святой, лучезарный
Ангелъ, — и тихо приблизился къ грустному Ангелу-другу.
О, разскажи, что за грусть не даетъ тебѣ пѣть Іегову?
Онъ вопросилъ, — и печальный отвѣтствовалъ такъ Серафиму:
Братъ, я недавно внималъ сатанѣ, какъ ругаяся небомъ,
Страшно злорадуясь, онъ похвалялся порокомъ вселенной.
Такъ, онъ взывалъ, ты моя развращенная, много и долго
Миловалъ Богъ недостойную, ждалъ покаянія грѣшныхъ.
Нѣтъ, покаянья, исполнилась мѣра святаго терпѣнья!

Братъ, неужели земля совершенно оставила Бога?
Нѣтъ, отвѣчалъ Серафимъ, нѣтъ не вѣрь клеветѣ низкой злобы!
Богъ милосердъ, — и нѣтъ мѣры его милосердью благому.
Тотъ, кто донынѣ, не можетъ измѣрить лишь глубь Океана,
Можетъ ли тотъ измѣрять безпредѣльность Владыки Святаго?
Такъ, онъ клевещетъ хулитель, клевещетъ на Бога и землю.
Я ниспровергну хулу, да, я голубемъ ринуся долу;
Голубемъ Ноя, принесшаго маслину въ радость избраннымъ.
Я принесу тебѣ маслину правды съ земли благодарной.
Рекъ: и ударился долу святой Серафимъ—Утѣшитель.

Вотъ Серафимъ безтѣлесный стоитъ на полянѣ у входа
Храмины скромной. Ручей пробѣгалъ по равнинѣ какъ лента,
Ярко синѣлъ онъ въ брегахъ, муравою зеленой одѣтыхъ,
Море роптало вблизи, — и скала, опѣненная влагой,
Гордо смотрѣлася въ небо, насупивъ чело обнаженно.

Сѣрый туманъ засшилалъ небеса, — и блѣднѣли, тускнѣли
Яркія звѣзды на тверди небесной. Въ храминѣ томно,
Тускло горѣла лампада предъ образомъ Дѣвы небесной.
Тамо, на ложѣ страданья, лежала безвинная жертва
Страшнаго горя. — Недавно она разцвѣтала, какъ роза
Пышная, свѣтлая, — очи какъ чистое небо сіяли,
Счастье лелѣяло жизнь непорочной, вѣнчальный налой
Ждалъ ее съ милымъ; — но смерть, раздраженная счастьемъ невинныхъ,
Взмахомъ ужасной косы подкосила всѣ радости жизни:
Избранный сердцемъ упалъ пораженный безжалостно. Горе,
Тяжкое горе, осталось несчастной въ замѣнъ наслажденья.
Вотъ, утомленная грустью, какъ бурею смятая пальма,
Сладко дремала она подъ иконою Дѣвы небесной.
Грустно смотрѣлъ Серафимъ на страдалицу, жертву несчастья;
Тихо приблизился онъ, — и неслышимо, робкой рукою,
Съ длинныхъ рѣсницъ утомленной спахнулъ онъ слезу осторожно.

Радость горѣла въ очахъ Серафима, — и онъ удалившись,
Вдругъ полетѣлъ въ небеса, разсѣкая сѣдые туманы.

Сладостно пѣли безсмертные гимнъ похвалы Іеговѣ.
Чистая радость горѣла въ очахъ ихъ, — и волны Эфира,
Стройно колеблясь, святыя слова доносили до Бога.
Быстро слетались крылатые . . . только вдали одинокій,
Грустный стоялъ Серафимъ, на туманную землю взирая.
Вотъ и другой Серафимъ прилетѣлъ, — и привѣтствуетъ друга.
Братъ, посмотри, онъ сказалъ, вотъ слеза отъ земли благодарной.
Радуйся, много потянетъ она на вѣсахъ Всесвятаго!
Ахъ, посмотри, какъ чудесно она отражаетъ всю душу:
Вотъ упованье, поникнувъ главой, ожидаетъ пощады,
Чистая вѣра, какъ пламень небесный, горитъ и пылаетъ,
Вотъ и святая любовь, та любовь, что сливаетъ два сердца,
Плавитъ, — и Богу на жертву, какъ праведный Авель приноситъ.
Помнишь, какъ дивно сіяла въ Эдемѣ любовь человѣковъ;

Какъ неразвѣнчанный, свѣтлый Адамъ, любовался
подругой.
Вотъ та любовь, посмотри, какъ она и чиста
и прелестна,
Словно земля въ день седьмый, какъ Владыко свя-
той и могущій,
Дивно устроивъ ее, опочилъ на сіяющемъ небѣ.
О, какъ чиста, какъ свята, высока, ты слеза и на небѣ.
Свѣтлой звѣздой ты займешься предъ трономъ;
но въ день преставленья
Ты не падешь какъ звѣзда, — и навѣчно оста-
нешься въ небѣ.
Ангелы — братья склонились предъ свѣтлой сле-
зой и поднявшись,
Быстро помчались къ престолу Великому Господа
славы.
Сладостно пѣли безсмертные гимнъ похвалы Іеговѣ.
Чистая радость горѣла въ очахъ ихъ, — и вол-
ны Эфира,
Стройно колеблясь, святыя слова доносили до Бога.
Вдругъ, надъ главами безплотныхъ взошла, луче-
зарно сіяя,
Дѣвы слеза, — и хвалебная пѣснь загремѣла звучнѣе,
Очи безплотныхъ восторгомъ пылали, — и вол-
ны Эфира,
Страшно колеблясь, святыя слова доносили до Бога.

С. Добровольскій.

ПРОЗА.

КРИТИКА.

Взглядъ на послѣдніе успѣхи Русской Словесности 1833 и 1834 годовъ.

Смотря на дѣятельность нашей Словесности въ настоящее время, нельзя не удивляться неумѣстности, часто слышимыхъ нами, возгласовъ писателей, которые тоскуютъ о *застоѣ*, о *неподвижности*, объ *усыпленіи* Литературы. Что всякій имѣетъ свое мнѣніе объ этомъ важномъ предметѣ, священномъ народномъ достояніи, — это еще не бѣда; это бы могло доказывать, что всѣ хотятъ разсуждать, что сужденія свои хотятъ основывать на собственныхъ идеяхъ. Но вотъ что странно! Сіи, повидимому, самостоятельные мыслители прямо противорѣчатъ своему предмету. Одни твердятъ, что Литература наша *безцвѣтна, безхарактерна*, что всѣ писатели *не имѣютъ собственныхъ мыслей* и т. п.; — другіе хотятъ насъ увѣрить, что она заснула, что мы совсѣмъ не имѣемъ писателей, потому что всѣ

пишущіе *служатъ;* третіе громко вопіютъ *отъ сѣвера, юга, моря* и *востока*, что мы совсѣмъ не имѣемъ Литературы, да и неспособны имѣть ее; а кто говоритъ противное, того всенародно называютъ *льстецемъ, убаюкивающимъ Литераторовъ.* Есть наконецъ и столь смышленые писатели, которые, признавая торжественно бытіе нашей Литературы, осмѣиваютъ ее, какъ самую пошлую, безтолковую говорунью, перескащицу чужихъ мыслей. Бѣдная Русская Словесность! Ты была счастливѣе, когда тобой менѣе занимались! Бѣдные любители чтенія Русскаго! что вы должны читать! Впрочемъ утѣшимся тѣмъ, что всѣ эти господа порицатели Русской Литературы сердятся и на тѣхъ, кто не читаетъ Русскихъ книгъ, по ихъ мнѣнію, безхарактерныхъ, безсмысленныхъ, безъидейныхъ.

Сознавая себя слабымъ для того, чтобъ вступить въ борьбу съ столь смѣлыми, слѣдовательно *сильными,* писателями разныхъ *приходовъ*, я вѣрю имъ безусловно. Въ слѣдствіе же этого моего вѣрованія говорю: у насъ есть Литература; она имѣетъ свой характеръ, свое значеніе, стремится къ развитію народности; потому такъ думаю, что всѣ эти господа не только себя, но и всѣхъ своихъ пріятелей исключаютъ изъ-подъ строгихъ осужденій своихъ, и ясно намекаютъ, что они на поприщѣ Словесности дѣйствуютъ *характерно, литературно, цвѣтно, самостоятельно,*

смышлено, въ духѣ современнаго просвѣщенія и народнаго значенія. Они правы, да и я правъ. Пусть всякой изъ нихъ докажетъ свою несправедливость, тогда поищемъ другихъ путей къ истинѣ. А теперь, не входя въ споръ съ литераторами, отрицателями и порицателями нашей литературы, я хочу замолвить нѣсколько словъ за нее.

Хотя всякая рѣчь, какъ изустная, такъ и письменная, преимущественно предполагаетъ которое либо одно изъ трехъ назначеній: — или выраженіе знаній, или мечтательности, или чувствованій; но мы не можемъ указать ни на одно словесное произведеніе, которое бы выражало то или другое исключительно. Особенно переходъ отъ чувствованій къ мечтательности, по естеству ихъ, столь легокъ, быстръ и непримѣтенъ, что нѣтъ никакой возможности избѣжать смѣшенія оныхъ. Посему не только литературу, но и всякое отдѣльное словесное произведеніе можно разсматривать во всѣхъ трехъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ писатели и цѣлыя литературы могутъ быть въ одномъ отношеніи подражательны, а въ другомъ самобытны. И притомъ на литературу можно смотрѣть, какъ на естественное свободное изліяніе помысловъ, и какъ на искусство: въ первомъ случаѣ она, выражая большею частію вѣрованія народныя, тогда только бываетъ подражательна, когда сіи послѣднія заимствованы; а во второмъ она всегда болѣе или менѣе

подражательна по самому свойству своего начала ибо законы искусства всегда и вездѣ одинаковы. Но какъ литература только въ значеніи и при условіяхъ искусства можетъ взойти на высокую степень; то и упреки въ подражательности литературы не всегда умѣстны. Когда писатели рѣшаются мечтать и чувствовать по даннымъ образцамъ признанныхъ геніевъ; тогда можно утвердительно сказать, что мечты ихъ будутъ тяжелы и чувствованія холодны. И ежели по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ вся литература состоитъ изъ подобныхъ произведеній, то конечно ее надобно назвать безхарактерною; ибо она живетъ чужимъ духомъ и движется чужою силою. Такова, или почти такова, была вся литература новоклассическая. Но ежели подражаніе ограничивается только одними знаніями, или ежели образцы только возбуждаютъ охоту писать и жаръ пѣснопѣнія, раждаютъ новыя идеи; то оно совсѣмъ непредосудительно, и ни сколько не препятствуетъ литературѣ имѣть свой характеръ, свою особенность. Было время, когда наши писатели не смѣли чувствовать своимъ сердцемъ; когда, вмѣсто мечтаній, припоминали школьные уроки о Грекахъ и Римлянахъ съ ихъ исторіею и миѳологіей; когда воспоминаніе родной старины даже въ исторіи боялось развиваться во всей своей простотѣ; въ то время Словесность наша не имѣла ни какой особенности, которая бы от-

личала ее отъ всѣхъ другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, весь этотъ классическій періодъ хотя отличается изяществомъ формъ произведеній, и хотя далеко превосходитъ предшествующіе періоды богатствомъ произведеній и вообще внѣшними совершенствами; но онъ не выражаетъ ни одного проблеска народности. Впрочемъ, кто понимаетъ необходимую зависимость ученика отъ учителя, при первоначальномъ заимствованіи познаній, тотъ конечно и этого стѣснительнаго положенія нашей Словесности не поставитъ въ укоръ писателямъ; ибо главное достоинство учащагося состоитъ въ томъ, чтобъ онъ умѣлъ усвоить мысли учительскія, не измѣняя, на первый случай, ихъ направленія, пока не утвердится въ пріобрѣтенныхъ знаніяхъ. Иначе и быть не можетъ. Такъ мы долго повторяли чужія представленія, знанія и мечты. Въ слѣдъ за Жуковскимъ мы начали сами чувствовать и мечтать; успѣшныя попытки первоклассныхъ современныхъ намъ поэтовъ и знакомство съ источниками отечественной Исторіи пробудили нашу народность; она не вдругъ была узнана; однако дряхлый классицизмъ и сладкоприторный идиллизмъ умолкаютъ; и піитическая сторона литературы становится болѣе и болѣе самостоятельною, не смотря на случайныя замашки лжеобразователей, которые хотятъ насъ поставить въ раму новой Французской школы, и не смотря на крики ихъ противни-

ковъ, которые думаютъ, что только положительныя нравоученія улучшаютъ человѣка, что изящное само по себѣ не облагороживаетъ насъ. Крайности необходимы во всякой борьбѣ: онѣ производятъ броженіе; между тѣмъ есть люди, которые, по крайней мѣрѣ въ тѣ часы, когда бываютъ проникнуты духомъ своего призванія, дѣйствуютъ независимо отъ постороннихъ вліяній; они-то составляютъ основу литературы. Нынѣ являются у насъ и самостоятельные мыслители, которые созидаютъ не только отдѣльныя знанія, но и цѣлыя системы оныхъ; однако ихъ не замѣчаютъ до того, что тѣхъ же самыхъ знаній ищутъ за границами, на языкахъ чуждыхъ; сходство мыслей рѣшительно всегда называютъ заимствованіемъ; часто совершенно новыя мысли называютъ подражаніемъ, разумѣется, не по убѣжденію, а по привычкѣ. И чѣмъ выше, чѣмъ совершеннѣе произведеніе, тѣмъ оно холоднѣе принимается. Откуда же такое равнодушіе или даже пренебреженіе и недовѣріе къ отечественнымъ талантамъ и произведеніямъ ихъ? — Въ поэзіи всякая особенность, всякая черта народности очевидна; а въ прозѣ, въ рѣчи знаній такъ много общаго, и особенности такъ тонки, такъ незамѣтны, что ихъ можетъ отличить только истинно мыслящій; и потому народъ, отставшій въ просвѣщеніи, всегда кажется подражающимъ, даже и въ то время, когда онъ становится самостоя-

тельнымъ. Дѣйствія разума вездѣ одинаковы; и потому въ самой поэзіи, чѣмъ болѣе обдуманности и глубокомыслія, тѣмъ скорѣе назовутъ ее подражаніемъ; ибо идеи піитическія въ самомъ заимствованіи отъ особенности чувствъ и своевольства фантазіи терпятъ большее измѣненіе; а размышленія и знанія, безъ всякаго соприкосновенія и соотношенія мыслящихъ, могутъ и должны между собою сходствовать. Но я не беру на себя обязанности доказывать, что мы уже свободны отъ всѣхъ заимствованій, что наши писатели совсѣмъ не подражаютъ; — это была бы явная ложь, потому что самыя эти выходки противъ Русской литературы суть слѣдствія западно-Европейской брюзгливости и подражаніе извѣстнымъ крикунамъ; — я только хочу доказать существованіе у насъ литературы, проявляющей свой особенный характеръ, и существованіе писателей, дѣйствующихъ по своимъ идеямъ.

Конечно завистливая судьба, посылающая намъ безталантныхъ писателей, засоряющихъ литературу, и даровитыхъ гонителей оной, лишила насъ многихъ разцвѣтающихъ талантовъ на зарѣ ихъ жизни, которая предвѣщала блестящій полдень; но послѣдніе два года ознаменованы счастливымъ появленіемъ сильныхъ талантовъ, украшенныхъ новымъ просвѣщеніемъ, талантовъ дѣятельныхъ. Между новыми прозаиками, безъ сомнѣнія, первое мѣсто принадлежитъ, и по старшинству явленія на

поприщѣ литературы, и по обширности знаній, и по разнообразію занятій, и по необыкновенной особенности образа мыслей и выраженія, О. И. Сенковскому, извѣстному подъ различными именами. Его статья: *Скандинавскія Саги,* напечатанная въ I № *Библіотеки для чтенія,* одна можетъ составить славу долговременную, какъ свидѣтельство глубокой и разносторонней учености, смѣлаго взгляда; на нее должно смотрѣть не какъ на журнальную статью: она повлечетъ за собою многоразличныя слѣдствія. Конечно, она не столь важна въ отношеніи къ Россійской Исторіи открытіемъ положительныхъ свѣдѣній, сколько приближеніемъ къ истинному взгляду на начало нашей Исторіи и даже на языкъ. Да, общій взглядъ сей статьи истинно геніальный! Но жаль, что сочинитель, увлеченный любовію къ своему предмету и страстію къ новымъ открытіямъ, ниспровергаетъ старое, извѣстное, утвержденное, неопровержимое, и притомъ ниспровергаетъ все это безъ нужды; ибо во первыхъ, приведенная имъ Сага, пополняя и объясняя Нестора, не опровергаетъ его существенныхъ, основныхъ сказаній; во вторыхъ, по сознанію самаго сочинителя, на Сагахъ нельзя основать Исторіи Россіи. — Какъ ни разнородны, какъ ни разнообразны статьи и цѣлыя сочиненія, являющіяся подъ названіями: Сенковскаго, Барона Брамбеуса, Тютюнджи-Оглу, О! о! о!, но направленіе ихъ совершенно оди-

накое: осмѣяніемъ унижать принятыя и уважаемыя другими мнѣнія, не созидая новыхъ. Таковы всѣ, или почти всѣ, критики, выходящія подъ сими именами; въ нихъ часто мы вычитываемъ превосходныя мнѣнія, достойныя памятованія и благодарности, мысли о постороннихъ предметахъ, остроумныя, затѣйливыя замѣчанія о другихъ произведеніяхъ; но рѣдко, рѣдко встрѣчаемъ что либо положительное, достойное замѣчанія, относительно разбираемаго сочиненія. Всѣ эти имена утверждаютъ за собою первенство въ искусствѣ писать легко, прелестно, очаровательно; но о тонѣ и характерѣ мыслей .... Впрочемъ въ короткой статьѣ объ этомъ нельзя говорить; ибо для сего нужны многочисленныя указанія и доказательства и большія выписки. *Фантастическія путешествія* — вотъ вѣнецъ Барона Брамбеуса! Здѣсь онъ является жестокимъ, неумолимымъ, неотразимоубійственнымъ, но прелестно-очаровательнымъ, карателемъ слабостей, пороковъ, предразсудковъ, эгоизма; но и здѣсь нужно сердиться .... Хотя Г. Сенковскій и прежде былъ извѣстенъ въ дѣлахъ литературы; но въ послѣдніе два года онъ сталъ на степень высокую. Какое же призваніе и въ литературѣ нашей значеніе произведеній Барона Брамбеуса? — Этого точно опредѣлить еще нельзя, хотя и можно съ достовѣрностію отгадывать.—Почти таже идея, но несравненно яснѣе и опредѣлительнѣе выра-

жается въ сочиненіяхъ писателя, извѣстнаго подъ именемъ *Безгласнаго*, и скрывающагося подъ таинственными буквами. Между его произведеніями особенное обращаютъ на себя вниманіе *Бригадиръ*, *Катя* и *Княжна Мими*, которыя отличаются предъ другими, и преимущественно предъ *Пестрыми Сказками*, благородствомъ общихъ формъ. Главная мысль, одушевляющая всѣ эти произведенія, есть: дурное воспитаніе и ложное образованіе губятъ людей и вносятъ въ общество членовъ, отравляющихъ оное; и надобно согласиться, что писатель совершенно знаетъ свой предметъ; онъ столь вѣрно разсчелъ мысль свою, что опредѣлилъ всѣ отношенія воспитанія къ жизни частной и гражданской, и выражаетъ ихъ въ разсказѣ столь рѣзко, столь отчетисто, что каждая черта изображаемой картины навязывается памяти, и преслѣдуетъ васъ съ своимъ ужаснымъ, но назидательнымъ урокомъ. Впрочемъ онъ не имѣетъ ничего общаго съ писателями мизантропическаго направленія, которые сердятся на весь родъ человѣческій, и собственною желчію мараютъ его за то, что люди слабы и не умѣютъ пользоваться силами ума, которому назначено борьбою со страстями, посредствомъ просвѣщенія, составлять нравственную гармонію. Нѣтъ! онъ возбуждаетъ любовь къ человѣчеству; и, укрощая человѣконенавистничество, невольно заставляетъ скорбѣть о слабостяхъ людей. Читая и перечитывая *Бригадиръ*,

Катя, Княжна Мими, Балъ, Записки Голазейки, и особенно Бригадиръ, я радуюсь, какъ школьникъ, попавшійся отъ сердитыхъ учителей, которые объясняли все бранью и пинками, къ наставнику строгому, но снисходительному, который объясняетъ ошибки показаніемъ средствъ избѣгать оныя. Языкъ Безгласнаго не столь разнообразенъ, блестящъ, роскошенъ и легокъ, какъ языкъ Брамбеуса; но за то болѣе вѣренъ, отчетливъ и даже болѣе благороденъ. Главная черта его искусства состоитъ въ томъ, что онъ въ легкомъ піитическомъ разсказѣ вливаетъ въ душу читателя глубокомысленныя, назидательныя истины.

Трудно и даже почти не возможно оцѣнить по достоинству современныхъ, вновь появляющихся, писателей; потому что сужденія о нихъ по большей части основываются на первоначальныхъ успѣхахъ, которые часто зависятъ отъ случайныхъ обстоятельствъ; однако истинный талантъ всегда можно замѣтить и по одному произведенію. Такъ въ нынѣшнемъ году явилось нѣсколько въ нашей Словесности повѣствованій, по которымъ конечно мы не можемъ опредѣлить ни направленія писателей, ни степень будущихъ успѣховъ ихъ; но, предположивъ въ сочинителяхъ любовь къ своему дѣлу, стремленіе къ собственному совершенствованію, и желаніе служить человѣчеству, можно предсказать имъ значительный участокъ славы. *Послѣдній Консулъ въ Кафѣ* — Шид-

ловскаго, *Жертва порока* и *Слюлянка* — Шлихтера, *Встрѣча у цыганъ* — В. П., позволяютъ надѣяться, что Словесность наша будетъ болѣе и болѣе обогащаться прекрасными самостоятельными произведеніями. Эти Повѣсти могли бы увеличить славу и давно извѣстныхъ писателей. Первая особенно отличается богатствомъ вымысла и силою характеровъ; Г. Шлихтеръ прекрасно изображаетъ простой семейный бытъ; а Г. В. П. владѣетъ тайною разсказывать и повѣствовать, тайною связывать случаи жизни какою-то непрерывною нитію, такъ что каждый поступокъ, маловажный въ настоящемъ, дѣлается рокомъ для будущаго.

Кто любитъ отечественную Словесность, какъ мысль родины, тотъ конечно радуется всякому новому явленію въ ней, ознаменованному талантомъ и искусствомъ писателя; но когда подъ таковымъ произведеніемъ видишь новое въ литературѣ имя; то радость удвоивается новыми ожиданіями, новыми надеждами. И мы въ послѣднее время были обрадованы появленіемъ трехъ рѣшительно самостоятельныхъ піитическихъ талантовъ — дай Богъ, чтобъ мы могли современемъ назвать ихъ геніями! но это пока останется желаніемъ, надеждою. — Я говорю о Г г. Кукольникѣ, Тимофеевѣ и Ершовѣ. Внимательное чтеніе и глубокое разсмотрѣніе ихъ твореній могло бы указать намъ, хотя до нѣкоторой степе-

ни, разность ихъ силъ; но, считая это малополезнымъ дѣломъ, предоставляю рѣшить времени; между прочимъ постараюсь опредѣлить разность ихъ направленій и степень успѣховъ. Ежели мы предположимъ, что великій талантъ по существу своему долженъ всегда стремиться къ опредѣленной цѣли; то всѣ произведенія его, кромѣ мелкихъ, случайно созданныхъ, должны имѣть единство мысли, такъ чтобъ совокупность ихъ составляла нѣчто цѣлое, или ступени въ ходѣ главной мысли къ высшему ея развитію. Смотря съ этой точки на произведенія Г. Кукольника, нельзя не замѣтить въ нихъ общей характеристической черты — борьбы величія въ человѣчествѣ съ случаемъ, предразсудками и страстями. Эта мысль развита въ *Тассѣ* пока яснѣе, выразительнѣе, съ большимъ искусствомъ, вдохновеніемъ и большею силою, нежели въ другихъ его твореніяхъ. Сколько препятствій долженъ преодолѣть Торквато Тассо, сколько страстей противустоятъ ему, и какъ великъ онъ въ самомъ изнеможеніи силъ его! Въ этомъ отношеніи его драма: *Рука Всевышняго отечество спасла*, будетъ ниже другихъ; потому что въ ней онъ уклонился отъ главной своей мысли, которую ясно означилъ первымъ стихомъ *вступленія: Одинъ, какъ сирота, я возвращаюсь.* Поэтъ долженъ былъ противупоставить болѣе препятствій Минину, которыя онъ самъ исчисляетъ во вступленіи, и которыя выражаютъ главную основу нашей исторической

жизни; тогда драма сія могла бы стать выше самого Тасса. Г. Кукольникъ избралъ великую, трудную мысль. Но при его талантѣ и дѣятельности — можно предвидѣть — онъ выполнитъ развитіе оной. Не такъ легко опредѣлить направленіе Г. Тимофеева; потому что произведенія его столь разнохарактерны, что трудно найти между ими что либо общее: онъ то человѣконенавистникъ, строгій до жестокости, то слабый потаччикъ заблужденій, то возвышенно благочестивый христіанинъ; но считая высшимъ произведеніемъ его мистерію: *Жизнь и Смерть*, и соображая соотношенія ея къ другимъ его твореніямъ, можно предполагать его направленіе. И ежели вѣрно это предположеніе, то значеніе сего юнаго поэта будетъ высоко въ нашей Литературѣ: — Развить борьбу земныхъ желаній съ призваніемъ свыше, борьбу собственнаго эгоизма съ служеніемъ человѣчеству, — эта новая въ поэзіи идея достойна литературы, достойна усилій поэта, достойна нашего вѣка! А ежели эмблеммою его духа принять *Художникъ*, — въ которомъ однако проявляется высокая сила творчества; — то пусть лучше поэтъ, разсердившись на людей, умолкнетъ дотолѣ, пока не примирится съ человѣчествомъ. Впрочемъ это было бы большею потерею для Словесности; ибо каждая его повѣсть, каждое стихотвореніе раждаютъ новыя надежды и выказываютъ самостоятельность поэта. Ежели Г. Тимофеевъ будетъ творить въ значеніи первой

мысли, то онъ, такъ же какъ и Г. Кукольникъ, не будетъ имѣть подражателей; это призваніе слишкомъ высоко для безталантныхъ писателей; но ежели въ значеніи второй, тогда прощай! — сколько у насъ будетъ сердитыхъ мизантроповъ, разумѣется на бумагѣ. Г. Ершовъ первымъ произведеніемъ своимъ обнаружилъ силу творческаго таланта, взлелѣяннаго подъ простымъ напѣвомъ и затѣйливымъ разсказомъ отечественныхъ пѣсенъ и сказокъ. Мы имѣемъ нѣсколько весьма удачныхъ попытокъ народныхъ повѣствованій, разсказовъ и разговоровъ, то отдѣльными произведеніями, то эпизодами въ романахъ; но ничего подобнаго и равнаго *Коньку Горбунку* не можетъ представить наша Литература. Здѣсь видимъ необыкновенное воспоминаніе стараго быта съ его причудливыми повѣрьями и мечтаніями; этотъ разсказъ одушевленъ любовію не только къ самому предмету, но и къ пріемамъ, оживленъ мыслію и облагороженъ изяществомъ формъ. Ежели бы Г. Ершовъ рѣшился воспользоваться своимъ талантомъ и знаніемъ Русской старины и баснословія; собралъ бы всѣ сказанія изустныя и письменныя, изобразивъ значеніе забытыхъ и сохранившихся повѣрій народныхъ, и, давъ связь и единство направленія имъ, составилъ бы *Русскую эпопею;* то рѣшительно предсказываемъ ему успѣхъ блестящій въ семъ подвигѣ, могущемъ прославить его и возвысить самую Словесность. Какъ пріятно, какъ утѣшительно смотрѣть въ бу-

дущее, когда надежды украшаютъ оное радужными цвѣтами; когда на разрушающейся жизни настоящаго возникаетъ жизнь новая съ усиливающеюся дѣятельностію! О, тогда и минувшее для насъ становится милѣе, прелестнѣе, какъ основа, какъ источникъ грядущаго!

Въ то время, какъ юные пѣвцы смѣло прокладываютъ себѣ путь къ храму славы, и первоначальные основатели литературной нашей самостоятельности соревнуютъ съ своими послѣдователями и подражателями ихъ великаго дѣла, В. А. Жуковскій по временамъ напоминаетъ намъ давно знакомые, стройные напѣвы его задумчивой музы. Еще недавно мы слышали съ умиленіемъ духа *Молитву* нашего Оссіана, И. И. Козлова. И. А. Крыловъ не перестаетъ давать намъ мудрые уроки дѣлами животныхъ; А. С. Пушкинъ въ прошедшемъ году, между прочимъ, подарилъ намъ чудную Пиковую Даму. А послѣ Пиковой Дамы невольно вспомнишь Черную Женщину, умную, назидательную, хотя слишкомъ таинственную и слишкомъ говорливую. — Впрочемъ, такъ какъ я хотѣлъ только доказать, что Литература наша никогда еще не была такъ дѣятельна, что она бодрствуетъ, идетъ впередъ, что она имѣетъ самостоятельныхъ писателей и безпрестанно обогащается во всѣхъ родахъ оригинальными произведеніями, что число сильныхъ писателей безпрестанно увеличивается; то и не считаю нужнымъ исчи-

слять въ сей краткой статьѣ всѣхъ повѣстей и романовъ, вновь появляющихся; но нельзя не замѣтить, какъ вслѣдъ за *Фрегатомъ Надежда* разсѣкаетъ волны океана забвенія достойный славы *Мореходецъ Никитинъ*; нельзя не указать и на *Кощея Безсмертнаго*, потому что онъ безсмертенъ, какъ и *Аббаддонна*.

Повременныя изданія въ послѣднее время приняли у насъ какое-то ученое направленіе. — Судя по успѣху оныхъ въ ходѣ, надобно предполагать, что этотъ характеръ ихъ нравится читающему обществу; надобно желать и предполагать, что для соревнованія явятся новые журналы; а судя по возрастающему количеству дѣльныхъ по разнымъ отраслямъ статей и цѣлыхъ сочиненій, можно надѣяться, что и въ самыхъ наукахъ мало по малу освободимся отъ безусловной зависимости чужеземной. Жаль только, что ни одно изъ повременныхъ изданій не можетъ похвалиться критикою, которая, кромѣ обычной односторонности и мѣлочности, еще пріобрѣла какой-то шутовской тонъ, такъ что и хвалитъ и порицаетъ смѣясь.

И такъ все въ движеніи, все болѣе или менѣе оживляется, и принимаетъ видъ самобытности; и высокая драма или трагедія, какъ высшая степень изящнаго, не осталась безъ обновленія. Кромѣ драмъ Г. Кукольника, достойны подробныхъ и дѣльныхъ разборовъ, достойны извѣстности,

хотя не въ равной степени, *Россія и Баторій* — Барона Розена, *Дмитрій Самозванецъ* Хомякова, и *Торквато Тассо* — К.... Но что касается до комедіи, то, въ самомъ дѣлѣ, она у насъ совсѣмъ остановилась; да и надобно признаться, нѣтъ надежды видѣть скоро движеніе оной, потому что каждый кругъ нашего общества, отъ подражательности, имѣетъ совершенно особый характеръ жизни; такъ что высшій кругъ не узнаетъ низшаго, а этотъ не понимаетъ высшаго. Одни не могутъ вообразить иныхъ нравовъ кромѣ Французскихъ, другіе хотятъ видѣть только полуазіатскую жизнь; и потому писатели никакъ не могутъ угодить столь разнохарактерному обществу. Комикъ представляетъ офранцузившагося барина, — простолюдинъ этого не понимаетъ, человѣкъ среднихъ сословій смѣется, а человѣкъ высшаго круга ничего не видитъ въ томъ необыкновеннаго и забавнаго; и обратно тоже можно сказать объ изображеніи низшихъ нравовъ. Отъ того у насъ появленіе оригинальныхъ комедій не производитъ никакого дѣйствія; иногда онѣ остаются совсѣмъ незамѣченными, какъ на пр. комедія: *Смѣшны мнѣ люди* — Перцова; да и *Горе отъ ума* кому нравится? только Литераторамъ и молодымъ людямъ — новому поколѣнію. Вотъ что отбиваетъ охоту трудиться надъ произведеніемъ новыхъ оригинальныхъ комедій.

И такъ пожелаемъ, чтобъ одни, удержавъ

коренной Русскій характеръ, поднялись въ своемъ образованіи, а другіе бы съ Европейскимъ образованіемъ соединили знаніе отечественнаго роднаго быта. Тогда разовьется сія важная отрасль Словесности, и дѣлатели оной будутъ имѣть возможность обличать не только безталантныхъ писателей съ литературными льстецами, но и порицателей оной. А вы, господа отрекающіеся отъ Русской Литературы, скажите, гдѣ она шла скорѣе? Не тамъ ли, гдѣ мишурою она очаровала насъ? — Или у насъ, когда была дѣятельнѣе и живѣе? не въ тѣ ли блаженныя времена, когда она состояла изъ одъ и идиллій?...

В. Плаксинъ.

ЭСТЕТИКА И АРХЕОЛОГІЯ ИСКУССТВЪ.

РОСПИСЬ ИДЕАЛАМЪ ГРЕЧЕСКОЙ ПЛАСТИКИ.

Какъ внѣшняя природа состоитъ изъ цвѣтовъ, звуковъ и тѣлъ, кои творящая сила жизни воздвигаетъ изъ первозданнаго *эѳира* посредствомъ возбужденія, движенія и тяготѣнія; такъ и міръ внутренній населенъ мыслями, начинаніями и сердечными ощущеніями, изъ которыхъ творящая фантазія, въ растворѣ *идеи* образуетъ путемъ *изобрѣтенія*, *расположенія* и *выраженія* или отдѣлки, новыя созданія, воплощая *свои идеалы* въ веществѣ, доставляемомъ природой, и открывая, подобно послѣдней, троякое царство искусствъ, а именно для цвѣтовъ живопись, для звуковъ музыку и слово, для массъ Пластику.

Пластика отличается отъ другихъ художествъ вѣковою прочностію своихъ образовъ, *опредѣлительностію* ихъ значенія и *самостоятельностію*.

Безчисленны созданія рѣзца; но собственно изящными называются изъ нихъ тѣ только, которыя а) не только занимательную мысль изображаютъ въ совершеннѣйшей, т. е. человѣческой

формѣ; но и ставятъ ее на видъ въ свободномъ, со всѣхъ сторонъ открытомъ, положеніи; таковы *статуи*.

Но Греческое ваянье, о которой идетъ рѣчь въ нашей статьѣ, находило свои идеалы въ членахъ семейства Зевесова, приготовленнаго уже для него Гезіодами и Гомерами.

Человѣческій образъ являетъ только *двѣ коренныя* или *естественныя* разности, а именно, разность *половъ* и *возрастовъ съ подчиненною* или историческою разностію *состояній*.

Идеалы пола суть a) *безполая* красота — мальчикъ и скопецъ, b) мужчина, c) женщина, d) безполая же красота баснословныхъ свышечеловѣческихъ ликовъ, иносказательныхъ. Въ идеалахъ возрастовъ мелькаютъ 1) дитя, 2) отрокъ и отроковица, 3) мужъ и жена, 4) старецъ и старица. Наконецъ идеалы внѣшняго быта суть цари, полководцы, жрецы, земледѣльцы и проч., а *внутренняго* быта разныя положенія души человѣческой. Вотъ кругъ, которымъ описываются всѣ эстетическія движенія свободнаго рѣзца!

A) Греческое ваянье сдѣлало весьма счастливую попытку, въ осуществленіи идеаловъ безполой красоты, въ двусмысленныхъ первенцахъ Прометеевыхъ, въ которыхъ полы не успѣли еще явственно обозначиться, либо въ которыхъ оба пола сливаются, т. е. частію въ фигурахъ скопцевъ, для коихъ художество избирало складныхъ

мальчиковъ и въ которыхъ мужская натура, лишенная сѣмянныхъ сосудовъ, сближалась нѣжностію, полнотою и округленіемъ формъ съ женскою, частію въ фигурахъ Гермафродитовъ, которые при женскомъ ликѣ и ростѣ, при дѣвственныхъ персяхъ удерживали естественное знаменіе мужескаго пола. Извѣстнѣйшіе изъ такихъ *прекрасныхъ* анонимовъ пола суть два *лежащіе* Гермафродита Флорентинскіе, а также и Боргезскій, и одинъ стоящій держа правую руку на головѣ.

Характеръ собственно мужчины въ зрѣлыхъ лѣтахъ — отлило Греческое искусство въ форму *Бойцевъ*. Чувство крѣпости въ мышцахъ располагало ихъ къ трудамъ исполинскимъ. Но *Тезей*, *Ясонъ*, *Персей*, побѣдители чудовищъ, (Боргезскій) Боецъ *Агазія*, раненный бирючь *Ктезилая*, 31 статуя *Патрокловыхъ* Атлетовъ, *Аполлоніевы* и *Таурисковы Амфіонъ* и *Зетъ*, укротители буйвола (въ Фарнезѣ), — всѣ эти богатыри суть Пигмеи въ сравненіи съ *Гликоновымъ* (Фарнезскимъ) *Геркулесомъ*, котораго 12 дивныхъ подвиговъ возвысили на степень полубога и которому *Аполлоній* въ знаменитомъ *Торсѣ*, отличающемся сколько огромностію, столько же и плавностію формъ, умѣлъ сообщить идеальное величіе самодовольной доблести.

Но что для мужскихъ идеаловъ значатъ у Грека Геркулесы; то для женскихъ значатъ у него *Этеры*, кои умѣли такъ искусно *играть роль* прі-

ятныхъ собесѣдницъ, не въ состояніи будучи *выдержать характеръ* вѣчныхъ подругъ жизни. Представительница этихъ обожаемыхъ женщинъ есть *Афродита*. Волшебные рѣзцы *Алкамена*, *Агоракрита* и *Праксителя* возвысили ее въ санъ *богини любви*. Изящество формъ полуобнаженныхъ, полнота жизни, чинность въ движеніяхъ, ограждаемая дѣвственнымъ поясомъ, стыдливость въ открытыхъ взорахъ, дышащихъ нѣжною чувствительностію, но не сладострастіемъ — вотъ что читаете вы въ образѣ Венеры *Косской*, *Книдской*, *Паѳосской*, *Медицейской* или *Флорентинской*, — Венеры, которую иные художники, въ качествѣ *побѣдительницы* (V. victrix), въ качествѣ *небесной* дщери Юпитера и Гармоніи (V. Urania) увѣнчали, подобно Юнонѣ, царской діадимой.

Безполый характеръ боговъ и богинь пыталась языческая Пластика представить во *множествѣ* прекрасныхъ ликовъ, коимъ и старалась давать скромность въ покровахъ, благоприличіе въ положеніяхъ и движеніяхъ тѣла. Но выраженіе свышечеловѣческихъ совершенствъ, въ обожаніи опредѣленныхъ, идеаловъ могло у Грековъ быть только *отрицательнымъ*, т. е. могло идеальныя созданія только ограждать отъ недостатковъ; а это было тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе ограниченій представляла самая задача. Не легко было умѣрить сладострастныя движенія Афродиты, неистовство Нептуна, укрощающаго волны, смяг-

чить бивуачный цинизмъ лѣсныхъ боговъ, и пр. *Положительное* же или прямое выраженіе боговъ состоитъ въ томъ, чтобы художникъ и въ фигурахъ половъ, умѣлъ схватить совершенства, *общія образованному человѣчеству*, вездѣ подчиняя самые полы, всегда *односторонніе*, требованіямъ красоты, а отнюдь не жертвуя послѣднею первымъ. Ибо идеалы половъ, если они изображаемы бываютъ не въ человѣческомъ ликѣ, а въ видѣ *на пр.* Анубисовъ, Сфинксовъ, Центавровъ, Химеръ и т. п., совершенно чужды изящества: мужская форма, въ которой выражается необузданная сила, есть *звѣрь*, а женская, подавляемая избыткомъ массы, теряетъ всякую форму и выраженіе; отъ того у животныхъ вездѣ самка *обижена* предъ самцемъ: ибо женскій полъ можетъ только людскостію облагороженъ быть до прекраснаго, тогда какъ мужской и у животныхъ еще интересуетъ своею силою.

Красота высокой людскости должна соединять ясность и свободу вѣдѣнія съ сознаніемъ необходимости бытія. Сей прямо *божественный* характеръ мудрости является въ *мужской* формѣ подъ видомъ побѣдительной силы, умѣющей давать себѣ законы для своихъ дѣйствій, и *Фидій* нашелъ его въ своемъ *Зевесѣ* (*Олимпійскомъ*), въ которомъ по выспреннему окладу лика, по спокойному и вѣчно-свѣтлому челу, по сановитости въ положеніяхъ и движеніяхъ, по величественному

взгляду и мановенію, по наметкѣ волосовъ, развѣвавшихся наподобіе львиной гривы, по перуну въ десницѣ и по фигурамъ жизни и смерти, окружавшимъ престолъ неземнаго величія, Греція узнавала отца боговъ и человѣковъ. Въ *женской* формѣ характеръ этого рода выражается мягкостію нрава, охотно покоряющагося высшей необходимости или Судьбѣ. Таковъ и есть идеалъ *Поликлетовой Юноны Аргосской*, — вѣнчанной, полноокой, съ повелительною миной, съ важною поступью (vera in cessu dea).

Что касается до идеаловъ *возраста*, то древняя Пластика Греческая, вообще говоря, пренебрегала крайностями онаго, какъ задачами неблагодарными; за то съ какою любовію и въ какихъ разнообразныхъ видахъ обработывала она именно *среднія* степени, въ коихъ жизнь роскошествуетъ!

Дитя, какъ художественный идеалъ, принадлежитъ не столько Грекамъ, сколько Востоку. Кто не знаетъ Индійскаго божка, плавающаго въ цвѣточной чашечкѣ лотуса? Кто не знаетъ и Египетскаго *Гарпократа* съ перстомъ на устахъ? Однако жъ позжее Греческое искусство, вслѣдъ за *Фригилломъ*, нерѣдко употребляло дѣтскія формы тамъ, гдѣ хотѣло обозначить высочайшую степень легкой игры жизненныхъ силъ въ маловидныхъ очертаніяхъ. Таковы *Фригилловы*, *Солоновы и Трифоновы купидоны* въ Римѣ, то валяющіеся, то играющіе съ лебедемъ, то ѣздящіе верхомъ на

тигрѣ, то пугающіе одинъ другаго личиной; таковъ и маленькій сосущій *фаунъ*; таковы Геніи. Впрочемъ въ младенцѣ слишкомъ много жизни, чтобы Пластикъ могъ изобразить всѣ очаровательныя ея стороны. Вотъ почему этимъ идеаломъ почти исключительно овладѣла живопись, которая имѣетъ способы одушевлять и взоры, и уста, и ланиты!

Идеаламъ *отроковъ* и *отроковицъ* служатъ основой частію тѣ черты, кои начинаютъ замѣтно оттѣнять полы, частію рѣшительный уже переходъ отъ отрока къ юношѣ, отъ отроковицы къ дѣвѣ, — переходъ, весьма занимательный тѣмъ, что здѣсь открывается извѣстное посягательство на права развернувшейся жизни. Эту послѣднюю форму Греческое искусство увѣковѣчило въ двухъ идеалахъ, — въ *Эротѣ* и *Гебѣ*. — *Гомеровъ* и *Пракситеревъ* Эротъ есть отрокъ, который переходитъ въ юношу, и который, своенравный шалунъ, съ притворною важностію, часто позволяетъ себѣ дерзкія выходки; онъ вѣчно рѣзвится, шутитъ и глумится, хотя дѣйствуетъ по серьозному порученію своей матери. Но когда Греческое искусство дало ему бытіе самостоятельное, онъ сдѣлался коварнымъ проказникомъ, какимъ первоначально не былъ. Художники и поэты, однако жъ, представляли его въ семъ превратномъ видѣ Фригійскаго Барона.

Идеалы *дѣвочекъ* имѣютъ для Художниковъ

цѣну весьма ограниченную: ибо это все еще играющія дѣти; но *отроковица*, или дѣвочка, которая приходитъ въ зрѣлость и начинаетъ *смыслить*, есть *Геба*. Естественныя прелести женскаго пола, цвѣтущій возрастъ, въ которомъ расширяются сосуды и образуются переливающіяся формы, ясность и тишина души, недоступной волненіямъ, — какая дорогая *невѣста* эта (*Навкидова*) Геба не столько для Геркулеса или Бахуса, за которыхъ Греція думала-было ее просватать, и не столько для пригожаго отрока, каковъ Ганимедъ, сколько для прекраснѣйшаго и доблестнѣйшаго изъ юношей Эллады, — для *Аполлона*-Пастушка, для Аполлона, искуснаго звѣроловца, для Аполлона Трубадура, для Аполлона-*Змѣегубителя*, — для Аполлона, котораго *Пракситель* украсилъ серебряною діадимой, а *Канахъ* сіяніемъ, какъ сына Зевесова, для Аполлона *Бельведерскаго*, въ которомъ Винкельманъ ничего, кромѣ матеріи, не находитъ земнаго, и идеалъ котораго перешелъ въ изображенія то *Антиноя*, то Римскихъ героевъ.

Дѣва въ Греческомъ искусствѣ имѣетъ гораздо болѣе варіяцій, нежели юноша. Какъ идеалъ и пола и возраста и непорочныхъ помысловъ, является она въ лицѣ *Артемиды* или *Діаны*, чопорной смиренницы *Праксителевой*, окруженной Ореадами, въ сонмѣ коихъ высится Гфесская *Царь-Дѣвица*. Діана-суровая Амазонка; она любитъ, при сіяніи стыдливой цинтіи, беззаботно *рыскать* по

лѣсамъ, — не тревожимая докуками обожателей, хотя случайная встрѣча съ Эндиміономъ и научила ее въ послѣдствіи глядѣть умильнѣе.

И мужественную *Дѣву* зналъ *Фидій*. Это его Паллада, покровительница ученыхъ Аѳинъ, — рожденная во всеоружіи. Какъ богиня войны, она противопоставляется *Арею* или Марсу: ибо сколько сей въ бою неистовъ и безразсуденъ, столько же Минерва расчетлива и благоразумна.

Отецъ и *супругъ*, *мать* и *супруга*, — Гекторъ и Андромаха, Фокіонъ съ новобрачною сестрою Художника *Кессифодота* — эти идеалы, сложные, не самостоятельные, производные, требующіе групировки и переходящіе въ идеалы состояній душевныхъ, поздно приняты Греками въ ихъ Пластику. Въ Церерѣ слабо намекнута материнская горячность къ дочери Прозерпинѣ, а Юнона — только супруга у поэтовъ.

Старецъ и *почтенная* женщина или *старица* — оба эти идеала принадлежатъ искусству не столько ощутительною полнотою формъ, въ коихъ природа, давно уже довершившая свои созданія, опять начинаетъ разрушать ихъ, а съ тѣмъ и механическую связь частей обнажать, сколько выраженіемъ жизни, уцѣлѣвшей на лицѣ. Такъ въ *поперсяхъ Сивиллъ* интересуетъ насъ восторгъ прорицательницъ, въ бюстахъ *Эскулапа*, *Сократа*, *Демосѳена*, *Сенеки* идея мудрости, въ бюстѣ *Мне-*

мозины или *Корнеліи*, матери Гракховъ самодовольство домовладычицы, *веселящейся о чадѣхъ своихъ*.

Къ идеаламъ власти и возраста примыкаютъ характеры разнаго *быта*. Цари въ порфирахъ и вѣнцахъ, жрецы въ повязкахъ, герои съ мечами, нищіе въ рубищахъ, жнецы съ серпами, хароны съ веслами, циклопы съ молотами, прислужницы съ приподнятымъ концемъ платья и съ ношею, скороходы съ жезлами, — все это суть формы гражданскихъ сословій, занятій, званій, за образецъ коихъ можно брать любой портретъ, снабженный аттрибутами его сословія и въ случаѣ нужды, скрѣпленный подписью. Онѣ представляютъ такія, либо другія лица болѣе въ *общемъ* ихъ *бытіи*, нежели въ *особенныхъ характеристическихъ движеніяхъ духа*.

Идеалы занимательныхъ состояній, въ коихъ душа своею дѣятельною, либо страждущею стороною принимаетъ непосредственное, живое участіе, составляютъ сколько блестящую, столько же и трудную задачу для рѣзца. Но не легко и Наукѣ распредѣлить изящныя произведенія древней Пластики, по причинѣ безконечнаго разнообразія и многосложнаго состава внутренней жизни. Впрочемъ *Картина человѣка* (*) можетъ намъ послужить руководительною нитью *и здѣсь* — въ

(*) Часть вторая, §§ 129 — 436.

первомъ опытѣ приложенія обширнаго и вѣрнаго ея метода къ критикѣ самыхъ художествъ.

Я раздѣляю дошедшіе до насъ отъ древнихъ, пластическіе идеалы душевныхъ состояній на *положительные*, на *превратные* или отрицательные и на *смѣшанные, общіе, безусловные, неутральные.*

А.

Идеалы положительнаго качества.

Первая сторона духа есть сторона его созерцаній, представленій, познаній, коихъ дѣйствіе, однако жъ, болѣе спокойное и трезвенное, оставляетъ развѣ кой-какіе слѣды на челѣ и во взорахъ. Представительницы сего напряженнаго состоянія умственныхъ силъ суть *двѣ* созерцательныя Музы, — *Уранія* и *Кліо.* — Уранія, разсматривающая устройство Вселенной, подмѣчаетъ вѣяніе духа жизни и въ стихіяхъ и въ разрядахъ Органическаго царства, которые и населяетъ своими *Наядами, Тритонами, Ореадами, Гамадріадами, Сильфами, Гномами* и т. п.; видитъ *переливы* сей жизни изъ одной формы въ другую и вызываетъ идеалы *превращеній* (*Дафны* въ дерево, *Ніовіи* въ камень) замѣчаетъ, наконецъ, солнечный круговоротъ, описываемый временами года и временами сутокъ, т. е. на языкѣ художественномъ, *Орами*, дщерями солнца, юными подругами Грацій, ровесницами между собою, всегда пляшущими — въ движеніи *вращательномъ.* — Кліо,

которая слѣдитъ *ходъ Исторіи*, подмѣчаетъ въ ней *три* рѣшительныя эпохи живыхъ званій, т. е. *рожденіе, бракъ* и *смерть*, изъ коихъ *среднюю* предоставляетъ мастерству *Гименея*, а двѣ *крайнія* отдаетъ въ завѣдываніе *Паркамъ* — Властительницамъ судьбы. Но жизнь однѣхъ тварей вѣчно смѣняется новыми поколѣніями; время уничтожаетъ опять то, чему дало бытіе. Вотъ *Сатурнъ, пожирающій дѣтей!* Наконецъ наблюдателю историческаго быта невольно навязывается и нравственная идея *правосудія*, которая всякой твари дозволяетъ значить то, чѣмъ ей быть назначено, которая учитъ отражать нападенія и поступать съ другими точно такъ, какъ они поступаютъ съ нами. Эту мысль *Агоракритъ* умѣлъ изобразить въ Рамносской своей *Немезидѣ*. Изогнутый лѣвый ея локоть символически опредѣлялъ *мѣру* законнаго раздѣла.

Вторая сторона духа, — *практическая* — устремляетъ къ внѣшнимъ благамъ склонности его и желанія, кои въ постоянномъ и привычномъ направленіи получаютъ силу *страстей*. И здѣсь а) въ *порядкѣ одинакаго эгоизма* мы встрѣчаемъ склонность къ многоразличнымъ услажденіямъ грубыхъ чувствъ, страсть къ забавамъ и любостяжаніе. *Пракситель, Пратинъ, Аристій* олицетворили сластолюбіе *мужчинъ* въ образѣ полулюдей.— *Фауновъ, Сатировъ, Силеновъ* (со всклоченными волосами, съ козьими ногами и бородавками на мох-

нашомъ подбородкѣ, съ обезьянскими ужимками, съ пошлымъ профилемъ, съ похотливымъ взглядомъ, съ смѣшною миной, въ неуклюжемъ или пьяномъ положеніи), а грубую чувственность *женщинъ* въ ликѣ удалыхъ *Вакханокъ*. Кто любопытствуетъ видѣть въ *лицахъ* страсть къ *забавамъ* и потѣхамъ; тотъ пускай вглядится въ игривыхъ, курчавыхъ, полнощокихъ, миловидныхъ *Поликлетовыхъ* шалуновъ, — *Эфебовъ*, которые то сами на себя надѣваютъ вѣнки побѣдителей, то играютъ въ зернь, то упражняются въ метаніи копій и которые впослѣдствіи очутились Меркуріями, даже Бахусами. Наконецъ и Греческій *Мидъ* не есть ли воплощенное *корыстолюбіе*? b) Въ порядкѣ *половыхъ* страстей *любовь* играетъ исключительную роль. Группы *Амура* и *Психеи*, *Электры* и *Ореста*, *Эндиміона* и *Діаны*, *Персея* и *Андромеды*, *Федры* и *Ипполита*, *Юпитера* и его свойственницъ, — какое разнообразіе нѣжной склонности то дѣтской, то родственной, то рыцарской, то срамной и нечестивой! c) Въ *общежитіи* страсть вообще питается чувствомъ истиннаго или мнимаго превосходства надъ другими. Это самочувствіе свойственно всѣмъ богамъ и богинямъ, облеченнымъ властію и имѣющимъ обширный кругъ дѣйствія, — *Плутону* съ *Прозерпиной*, *Нептуну* съ *Ѳетидой*, *Флоръ*, *Пану*, *Церерѣ*. Тутъ Художникъ обыкновенно подымаетъ ростъ своихъ

фигуръ, сообщаетъ имъ гордый видъ, окружаетъ свитой подчиненныхъ тварей и вооружаетъ аттрибутами власти. Но оскорбленное чувство достоинства выкликаетъ *ненависть*, даже *мщеніе*. Греческая Пластика олицетворила эту страсть въ *фуріяхъ* — съ неистовствомъ во взорахъ, съ змѣями на головѣ, съ пламенниками въ обнаженныхъ рукахъ.

Третья, сторона духовнаго быта есть *сердце*, питающееся ощущеніями многоразличныхъ состояній, которыя оно либо получаетъ отъ встревоженныхъ мыслей и задерживаемыхъ желаній, либо причиняетъ само себѣ. Хотите ли вы видѣть изумленіе, испугъ, страхъ, *ужасъ* во всей его красотѣ? — подрудитесь остановиться предъ *Скоповой* группой — *остолбенѣлой матери Ніовіи*, въ глазахъ коей Діана умертвила стрѣлами семь дочерей, а Аполлонъ семерыхъ сыновей. Хотите ли видѣть изступленіе *гнѣва*, возбужденнаго *ревностію*? — Полюбуйтесь, если можете, *Медеей*. Эта фурія отмщаетъ невѣрность супруга терзаніемъ собственныхъ своихъ дѣтей, съ улыбкою принимающихъ смерть отъ той, которая при появленіи ихъ на свѣтъ сорвала съ нихъ первый поцѣлуй и первую улыбку. — Что касается до *радости*, то мы читаемъ ее на лицѣ пляшущихъ *Эратъ* и *Терпсихоръ*, въ быстрыхъ движеніяхъ и въ игривой наружности всѣхъ фигуръ *славы* и *побѣды*, подобно какъ идею жесточайшихъ *стра-*

даній тѣлесныхъ и душевныхъ не столько въ прозаическихъ образахъ смерти, *на пр. Пета* и *Арріи*, или *Клеопатры*, не столько и въ ликахъ сѣтующей *Гекубы* или вопіющаго *Филоктета*, сколько въ неподражаемой *Агезандровой* группѣ *Лаокоона*, который, претерпѣвая отъ угрызенія змѣй мучительнѣйшую боль во всѣхъ частяхъ тѣла, силится скрыть ее отъ дѣтей, тщетно умоляющихъ его о помощи.

Но спокойствіе сердца часто — посредственнымъ образомъ — возмущаемо бываетъ и такими мятежниками, которыхъ оно воспитываетъ въ собственномъ своемъ нѣдрѣ, т. е. *стыдомъ* и *раскаяніемъ*. *Стыдливы всѣ Нимфы*, *Весталки* и *Поликлетовы Канефоры*, т. е. дѣвы храма, несущія на головѣ въ корзинкахъ священную утварь. Горько *кается* Троянскій Донъ - Кихотъ *Аяксъ*, увидѣвъ, что онъ ратовалъ не съ полководцами Греческими, а съ баранами; горько кается и (*Пирготелевъ*) *Геркулесъ* въ умерщвленіи собственныхъ своихъ дѣтей, рожденныхъ отъ Мегары.

Наконецъ сердцу мудраго знакомъ и внутренній *миръ* въ человѣкѣ, — миръ съ природой и Исторіей, миръ съ самимъ собой. Это блаженное состояніе *самодовольства* есть идея *Бахуса* и (Бельведерскаго) *Мелеагра*, или, такъ называемаго, *Антиноя*, — прекрасныхъ *мужчинъ*, кои по *совершеніи* подвиговъ, принадлежащихъ еще самимъ Аполлонамъ и по одолѣніи всѣхъ желаній и страстей,

всего того, что могло бы возмущать спокойствіе души и тѣмъ искажать черты лица, не имѣютъ иной задачи, какъ любоваться созерцаніемъ своихъ совершенствъ и дремать въ сладкой, женоподобной нѣгѣ. Напрасно Анакреонъ даетъ любимому своему Бахусу чашу съ виномъ въ руки, напрасно вѣнчаетъ его чело плющемъ, либо розами, напрасно заставляетъ дружину тѣшить его пѣснями и плясками, — любимецъ Адріаная милъ и безъ всѣхъ этихъ случайныхъ принадлежностей.

Четвертая, окончательная, сторона духовной жизни есть та, которая не только познаетъ, желаетъ и чувствуетъ, но всѣ явленія сознанія силою *фантазіи* или свободнаго творчества облекаетъ въ ощутительныя формы. Греки раздѣлили эту задачу между 7-ю *дѣловыми Музами* Поэзіи, музыки, пляски и мимики и между *Прометеемъ,* родоначальникомъ Ваянья.

В.

Идеалы превратнаго качества.

И въ изображеніи отрицательныхъ идеаловъ Греческая Пластика сдѣлала попытку. Однако жъ самыя ея *Горгоны* отнюдь не вѣдьмы съ клыками. Красотѣ одной изъ сихъ *трехъ* сестеръ, — *Медузы* героини Тритонскаго озера, удивлялся Персей съ своими Греками даже въ чертахъ отрубленной головы.

C.

Идеалы смѣшаннаго, общаго, неутральнаго качества.

Вообще — какую бы тему ни обработывала Греческая Пластика, — изъ какого бы міра ни брала свои идеалы, — она считала священнѣйшею обязанностію и въ пропорціи частей тѣла и въ его положеніяхъ и движеніяхъ, и въ наметкѣ одѣяній, — во всемъ тщательно соблюдать естественность, благородство и красоту выраженія. Этой дани безусловно требовали *Хариты* или *Граціи*. *Первая* изъ нихъ, *выспренняя*, идеальная, неприступная для профановъ, *небесная*, бесѣдуетъ съ мудрецами, съ художниками, съ Музами въ часы вдохновеній, содѣйствуетъ Вулкану въ сотвореніи божественной *Пандоры*, отверзаетъ уста Улиссу, водитъ рѣзцемъ Фидія, при изваяніи его Юпитера Олимпійскаго, умильно проглядываетъ въ *Каламисовой Созандрѣ*, въ *Ніовіи* и т. п. *Вторая*, — *средняя*, привѣтливая сестра, рожденная во времени, сближаетъ горнее съ земнымъ, и охотно открывается тому, кто ее ищетъ. Она-то заимствуетъ поясъ у Афродиты, чтобы сдѣлать Юнону прелестнѣе въ глазахъ Громовержца, скрываетъ обветшалыя формы, умѣряетъ дикіе порывы безобразнаго сѣтованія и гнѣва, такъ какъ и навѣваетъ тихимъ зефиромъ радость на лице, *на пр. Левкотеи*, — вообще философствуетъ

со страстями и движеніями сердца. *Третья* Грація, низшая, ребяческая, простонародная, смѣется въ дѣтяхъ, шалитъ въ фаунахъ, роскошествуетъ въ картинныхъ положеніяхъ и движеніяхъ Вакханокъ.

А. Галичъ.

ТЕАТРЪ.

ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ ИСТОРІЮ ТЕАТРА.

Много писали о Театрѣ; много сдѣлано ему ученыхъ опредѣленій; но всякое мнѣніе, всякое изслѣдованіе и ученіе, придуманное въ кабинетѣ, а не на мѣстѣ, или по крайней мѣрѣ не надъ живыми памятниками и слѣдствіями того предмета, дѣйствія или происшествія, о которомъ говорится, всегда отзывается кабинетнымъ догматизмомъ, который при всей вѣрности въ выводахъ мыслей, почти никогда не бываетъ согласенъ съ предметомъ. Я не говорю уже о мнѣніяхъ людей свѣтскихъ и всезнаекъ съ газетнымъ образованіемъ, которые судятъ о всемъ по настоящимъ впечатлѣніямъ, не соображая ихъ даже съ собственными прежними представленіями; они рѣдко переживаютъ день своего рожденія. И такъ оставивъ всѣ мнѣнія, раскроемъ самый предметъ.

Театръ есть зрѣлище, на которое мы собираемся для того, чтобъ посмотрѣть, какъ люди живутъ и дѣйствуютъ. По чему же мы не довольствуемся созерцаніемъ людей, живущихъ въ дѣйствительномъ мірѣ, гдѣ жизнь является и въ большемъ объемѣ и въ разнообразнѣйшихъ формахъ? Во первыхъ потому, что въ дѣйствительномъ мірѣ большая часть людей такихъ, коихъ вся жизнь не представитъ намъ ни одной черты

занимательной; во вторыхъ потому, что и жизнь людей необыкновенныхъ, даже великихъ, есть только отрывокъ изъ цѣлаго огромнаго творенія, съ которымъ она не только началомъ и концемъ соединена, подобно отрывку Поэмы, но и каждою точкою своего продолженія находится въ соприкосновеніи съ другими параллельными ей жизнями; въ третьихъ, отъ того самаго драма дѣйствительнаго міра, видимая нами, всегда неполна и одностороння, какъ бы мы не расширяли объемъ ея. Мы должны смотрѣть на сцену дѣятельности человѣческой только въ извѣстное время и въ тѣсныхъ границахъ мѣстности, не видя соотношенія оной ни къ предшествующему, ни послѣдующему, ни современному, отдѣленному отъ насъ пространствомъ. Наконецъ, мы потому не можемъ видѣть современной намъ общей жизни, что сами участвуемъ въ ней. Но что же препятствуетъ намъ разсматривать жизнь и дѣятельность человѣка въ Исторіи? Тамъ нѣтъ ничего мелкаго; человѣчество является въ связной цѣлости; все минувшее можемъ разсмотрѣть вполнѣ; можемъ быть безпристрастными зрителями и судьями, какъ посторонніе созерцатели. Однако и здѣсь встрѣчаются неудобства, еще большія: первое состоитъ въ томъ, что въ этомъ созерцаніи не участвуютъ чувства, слѣдовательно оно лишено сильнѣйшаго очарованія; второе въ томъ, что зрѣлище Историческое, по необъятности своей, въ

цѣлости недоступно и для воображенія, которое совсѣмъ здѣсь теряется въ мракѣ отвлеченнаго созерцанія, возводящаго исторію на степень науки, съ изученіемъ которой всегда неразлученъ трудъ — работа; притомъ, историческій человѣкъ доступенъ и понятенъ только для немногихъ; наконецъ, здѣсь мы видимъ человѣка не прямо, такъ сказать, лицемъ къ лицу: насъ раздѣляетъ посредникъ — Историкъ. Каждое изъ сихъ неудобствъ въ большей или меньшей мѣрѣ встрѣчается также при чтеніи Романа и Поэмы, кромѣ того, что въ этихъ произведеніяхъ общее дѣйствіе, по объему и по значенію своему, доступнѣе и понятнѣе исторіи, потому, что здѣсь значеніе дѣйствователей опредѣляется человѣкомъ, а въ соотвѣтственность оному назначается и дѣйствіе удобовообразимое съ сообразными ему способами и формами.

Но мы хотимъ видѣть жизнь и дѣятельность достойныя памятованія, которыя бы легкостію, объятностію и красотою формъ прельщали наши чувства; живостію и быстротою движенія очаровывали воображеніе; полнотою, связностію и умнымъ значеніемъ занимали умъ; смѣлостію, благородствомъ и доблестію возбуждали удивленіе, уваженіе и любовь; намъ также нравится и то, что странностію своею, противоположностію съ своимъ значеніемъ и состояніемъ, не нарушая законовъ природы и не оскорбляя чув-

ства приличій, возбуждаетъ смѣхъ. Однако мы еще болѣе удивляемся *высокому*, еще болѣе любимъ *прекрасное*, когда они, встрѣтясь, вступаютъ въ борьбу съ своими противоположностями; слѣдовательно для полнаго удовлетворенія нашимъ требованіямъ нужно злое, безобразное и низкое, по свойству чувствъ, стремящихся къ разнообразію, по свойству смысла, понимающаго все сравнительно и по свойству воли, склонной къ борьбѣ; но все это требуетъ стройности и согласія въ самыхъ противуположностяхъ, требуетъ единства, цѣлости и полноты.

Совокупность столь многихъ разнородныхъ условій можетъ намъ представить Театръ, и только Театръ. И такъ на театрѣ мы хотимъ видѣть живую дѣятельность человѣка, въ формахъ дѣйствительной жизни, человѣка съ естественными желаніями, побужденіями и средствами, поставленнаго въ міръ искусственный, понятный вполнѣ. Этотъ міръ съ своими дѣйствователями долженъ предъ глазами нашими возникнуть, раскрыть бытіе свое, и, совершивъ свое назначеніе, истощивъ всю занимательность, долженъ предъ нами же и разрушиться, исчезнуть въ то мгновеніе, какъ скоро сбудутся или исчезнутъ наши желанія, ожиданія, надежды, опасенія, безпокойства и страхи. Его скоротечные обитатели должны удивлять насъ, страшить, прельщать и забавлять своими дѣйствіями, такъ, чтобъ зри-

тель былъ безпрестанно въ напряженіи страстей, чтобъ безпрестанно онъ или любилъ или ненавидѣлъ дѣйствователей, или, вдругъ любя и ненавидя, смѣялся бы надъ ними. Отъ степени этихъ страстей зависитъ занимательность зрѣлища; ибо что значитъ принимать участіе? Это значитъ любить или ненавидѣть. Отсюда происходитъ, что мы радуемся, когда любимый намъ изъ дѣйствователей торжествуетъ; унываемъ, когда онъ подаетъ или попадаетъ въ сѣти противодѣйствующаго лица; страшимся, когда онъ въ опасности; надѣемся, когда онъ не упадаетъ духомъ, когда твердо противустоитъ опасностямъ; грустимъ о его слабостяхъ; но мы трепещемъ при торжествѣ злодѣя; желаемъ ему неудачь, и т. д. Отнимите же это волненіе страстей, это участіе — и нѣтъ занимательности, и зритель скучаетъ; но все это уничтожить можемъ не иначе, какъ лишивъ дѣйствующія лица внутренней и внѣшней борьбы страстей. И такъ дѣйствователи драмы, представляемой на театрѣ, какъ бы ни были они разсудительны, умны, мудры, тогда только будутъ занимательны, когда увлекаются страстями, и еще занимательнѣе, когда вступаютъ въ бой съ собственными или чуждыми страстями; и слѣдовательно чѣмъ упорнѣе эта борьба, тѣмъ занимательнѣе драма. Отъ свойства страсти, служащей основою драмы, зависятъ свойства дѣйствія и всѣ условія его, т. е.

мѣсто, время и т. п. отъ столкновенія страстей и отъ направленія ихъ, а преимущественно отъ характера лицъ зависитъ форма драмы, которая въ семъ отношеніи раздѣляется на высокую и смѣшную — *Трагедію* и *Комедію*. Первая дѣйствуетъ на насъ положительно, вторая отрицательно. Смѣшеніе высокихъ и мелочно забавныхъ средствъ обнаруживанія страстей образуетъ *Смѣшенную* Драму. Впрочемъ это только разность формъ, а сущность есть совершенно одна. Ежели театръ имѣетъ столь высокое значеніе и предполагаетъ столь многія условія, то совершенство его зависитъ отъ общаго образованія, отъ успѣха и развитія другихъ изящныхъ искусствъ, которыя рѣшительно всѣ здѣсь сливаются и для которыхъ театръ есть какъ бы цѣль, подобно какъ человѣкъ въ ряду всѣхъ твореній.

Таковъ ли театръ былъ при своемъ рожденіи? доходилъ ли онъ когда либо и гдѣ нибудь до такого значенія? Какъ онъ въ разныхъ странахъ, въ разныя времена дѣйствовалъ на общества? Въ какой мѣрѣ зависѣлъ отъ общаго образованія, и какъ способствовалъ или препятствовалъ оному? Какое имѣлъ значеніе и успѣхъ у каждаго народа? Вотъ вопросы, которые должна рѣшить Исторія театра.

В. Плаксинъ.

ПЕДАГОГІЯ.

ГЛАВА I.

Какъ легко испортить прекрасную природу! (*)

Философія состоитъ въ умѣньи смотрѣть на вещи, а преимущественно на людей! — Такъ думалъ и часто приговаривалъ Прямосудовъ, когда давалъ наставленія молодымъ, зависящимъ отъ него, людямъ; такъ часто твердилъ онъ своимъ дочкамъ, когда везъ ихъ въ собраніе, или когда ожидалъ къ себѣ гостей; такъ говаривалъ иногда, слушая ихъ сужденія о всемъ, что онѣ видѣли на балу, въ театрѣ или на гуляньяхъ, особливо, когда эти сужденія отзывались злословіемъ. И такъ Прямосудовъ былъ умный человѣкъ? Да! но для отца не достаточно быть только умнымъ.

Всѣ три дочери его были одинаково имъ любимы, одинаково воспитываемы, ко всѣмъ равно онъ относилъ эти и подобныя имъ слова; но неодинаково были принимаемы его правила, неодинаковое производили дѣйствіе; ни одна изъ нихъ никогда не получала отъ отца своего лишняго или лучшаго предъ другими кусочка ленточки, но

(*) Отрывокъ изъ Романа: *Женское воспитаніе.*

всѣ различно о немъ думали, различныя питали къ нему чувствованія. — Откуда же такая разность? — Еще труднѣе будешь рѣшить сію загадку, когда узнаете, что ихъ обучали одни и тѣ же учители и учительницы наукамъ и искуствамъ; однѣхъ и тѣхъ же онѣ имѣли нянекъ и гувернанокъ; и въ первыя лѣта дѣтства показывали одинаковыя способности, одинаковый нравъ. Однако старшая, Вѣра, была своевольна, надменна, неприступна, нетерпѣлива, взыскательна; средняя, Любовь, жива, скромна, ласкова, снисходительна, послушна, но нѣсколько скрытна; младшая, Надежда, добра, откровенна, но мечтательна, жемачна; она тщеславилась чувствительностію и искуствомъ говорить и пѣть.

А вся бѣда отъ глазъ и цвѣта волосъ: теща Прямосудова, однажды смотря на Вѣру, вспомнила, что и она когда-то имѣла каштановые волосы, на которые хранятся у нея, между дипломами и грамотами покойнаго страдальца ея мужа, сочиненные молодымъ Камеръ-Юнкеромъ стихи. — А мужъ, — мимоходомъ сказать — въ глазахъ ея имѣлъ нѣкоторую цѣну только по чину и богатству. — Начавъ съ волосъ, почтенная прародительница кончила увѣреніемъ, что она въ лѣта Вѣры была также жива, прелестна и мила. И такъ сравненіе сдѣлано! Прекрасные каштановые волосы, понравившіеся семидесятилѣтней Grande maman, рѣшили навсегда судьбу Вѣры на седьмомъ году ея

возраста; и Вѣра сдѣлалась любимицей бабушки: дѣтскія шалости ея умножились и увеличивались по мѣрѣ ея возраста, потому что старушка, и въ нихъ узнавая себя, поощряла къ тому внучку; наказанія, ежели иногда отецъ, выведенный изъ терпѣнія, осмѣливался къ нимъ прибѣгать, отражались костистой рукой покровительницы; выговоры были заглушаемы ея хрипло-троящимся голосомъ. Каждый день Вѣра чему нибудь научалась отъ своей *доброй* бабушки: сперва привыкла каждое утро давать по пощечинѣ одѣвавшей ее дѣвкѣ; потому что это было любимое занятіе старушки и почти единственное движеніе, которое она производила сама безъ посторонней помощи; — потомъ стала смотрѣть на учителей и учительницъ, какъ на людей, которые должны считать себя счастливыми, что удостоились разсѣевать ея невѣжество; потому что бабушка не отличала ихъ отъ работниковъ. Бабушка безпрестанно находила во внучкѣ новыя красоты, и Вѣра привыкла слишкомъ рано считать себя красавицей; Grande maman каждый день толковала, что отецъ ихъ совсѣмъ не знаетъ свѣта, что онъ грубъ, страненъ, смѣшенъ и проч., и потому Вѣра стыдилась съ отцемъ быть въ большихъ собраніяхъ, она бѣгала его, отпускала на счетъ его колкости, — а къ колкостямъ она была способна. — Болѣе же всего она не любила въ отцѣ своемъ прямодушной простоты, по которой онъ

всегда останавливалъ несвязный крикъ разскащиковъ новостей, обличалъ ложь молодыхъ и старыхъ повѣсъ, шумныхъ завоевателей гостиныхъ, которые всему противорѣчатъ, и на все соглашаются. И въ самомъ дѣлѣ Прямосудовъ, ненавидя лжи и лести, часто останавливалъ льстецевъ на половинѣ похвальныхъ возгласовъ; онъ въ глаза называлъ ихъ *чудными зеркалами, въ которыхъ всякъ кажется Сиреной,* т. е. *пока въ него смотришся, видишь прелесть, красоту; обратись спиной, — тамъ всѣ увидятъ урода, чудовища.* — Но и того ужаснѣе для Вѣры было слышать, что отецъ ея не стыдился называть себя сыномъ разночинца. Таковыя привычки Вѣры вполнѣ открыли несносный характеръ ея на шестнадцатомъ году. Ежели она рѣшалась отца своего рекомендовать всякому свѣтскому человѣку „какъ единственнаго чудака, не знающаго ни приличій, ни хорошаго тона, живущаго à la bourgeois"; ежели мать свою не стыдилась назвать „простячкою, которая, какъ будто безстрастная куколка, живя подъ грознымъ закономъ своего мужа, въ сорокъ лѣтъ сохранила еще неопытность дѣвочки, и которая прелести свои бережетъ для царства мертвыхъ", а сестры, несчастныя сестры! — То нужно ли разсказывать о мелкихъ чертахъ ея характера, нужно ли описывать ея отношенія къ людямъ посторонним?

Любовь съ самаго младенчества — столь же милая, какъ и старшая сестра — хотя волосы

имѣла свѣтлорусые и большіе голубые глаза, — столь же рѣзвая, живая, острая, часто досаждала бабушкѣ, отрывая у нее черные купленные локоны, которые ей не нравились, и проворными пальчиками вытаскивала изъ подъ чепца сѣдые волосы, сребристый лоскъ которыхъ прельщалъ ее. И такъ Любовь не имѣла несчастія понравиться *доброй старушкѣ*—какъ она ее называла въ дѣтствѣ. И такъ она осталась безъ покровительства, кромѣ, общаго всѣмъ, отцовскаго: проступки ея не оставались безъ выговоровъ; слова отца были для нее святымъ непреложнымъ закономъ; любовь къ матери первымъ желаніемъ; онѣ образовали главныя черты ея характера; природная живость осталась всегдашнимъ ея лучшимъ украшеніемъ; правила отца содѣлали ее кроткою, и къ остроумію придали разсудительность; наставленія учителей и учительницъ развили ея способности, сообразно симъ правиламъ; ненависть и презрѣніе домашнихъ слугъ и знакомыхъ къ старшей сестрѣ за взыскательность и капризы, не скрылись отъ ея наблюдательности, и заставили ее быть ласковою и снисходительною; жестокость, несправедливость и насмѣшки Вѣры и ея совершеннаго образца бабушки, и невнимательность матери, осудивъ Любовь на одиночество, поселили въ сердцѣ ея недовѣрчивость, пріучили къ скрытности; впрочемъ невинная душа ея чужда была всякой лжи. Желанія Любови очень рѣдко удовле-

творялись; на нихъ обращалъ вниманіе только отецъ, всѣ же прочіе требовали отъ нее уступокъ во всемъ; и потому она сдѣлалась терпѣливою и скромною въ желаніяхъ, словахъ и поступкахъ. Но какъ всегда и все отъ нее было скрываемо; то она пріобрѣла чрезвычайную склонность къ любопытству.

Добрая, чувствительная, кроткая, но всегда склонная къ мечтамъ, супруга Прямосудова казалась не старѣющеюся; свѣжій румянецъ лица украшалъ ее до старости; быстрые черные глаза и, какъ смоль, черные волосы довершали красоту ея. Надежда наслѣдовала всѣ сіи прелести болѣе другихъ сестеръ; — вотъ по чему она сдѣлалась любимицей матери; она болѣе другихъ имѣла права на любовь матери, также и потому, что была младшая дочь. Природная доброта Надежды утвердилась въ юной душѣ ея примѣрами матери, коей ласковое до дружества, снисходительное до слабости обращеніе пріучило Надежду къ откровенности даже и въ такихъ дѣлахъ, которыя дѣвица должна бы и отъ самой себя скрывать, или вовсе не знать, къ такой откровенности, которая иногда походитъ на вѣтреность, иногда на тщеславіе,—а иногда на забвеніе приличій. Романическій характеръ Прямосудовой и чтеніе всѣхъ книгъ, безъ разбора и безъ замѣчаній разсудительнаго руководителя, образовали Надежду мечтательницею, которая, прево-

сходя наставницу свою, мать, пылкостію воображенія, быстротою ума и смѣлостію сердца, простирала мечтательность свою до смѣшнаго излишества. Приличій она не пренебрегала, но забывала ихъ; часто заводила споры о предметахъ самыхъ щекотливыхъ. Мать для Надежды была совершеннымъ другомъ, а потому она знала все, что извѣстно было той, какъ женщинѣ замужней, какъ матери; но такъ какъ скромность не была ея навыкомъ, то, когда была принуждаема къ тому, казалась жеманною. Къ отцу она хотя питала неограниченное уваженіе, но не по долгу дочери, не по естественной дѣтской привязанности, а уваженіе, основанное на сознаніи его достоинствъ; и потому иногда позволяла себѣ жаркіе споры съ нимъ о томъ, о чемъ и говорить бы ей нельзя было. Разговоръ ея всегда былъ исполненъ такой простосердечной откровенности и добродушной настойчивости, что не было никакой возможности уклониться отъ ея вопросовъ; и потому всякій невольно увлекался разговоромъ ея, не смотря на неумѣстность его. При излишней откровенности и мечтательности, ея благородная чувствительность въ глазахъ искателей худаго казалась тщеславіемъ и даже грубымъ, назойливымъ кокетствомъ.

Нужно ли разсказывать, что характеры дочерей Прямосудова не вдругъ таковыми образовались. Это само собою ужъ разумѣется. Мы отъ

природы получаемъ только однѣ способности, сѣмена, то есть, возможность быть тѣмъ или другимъ; но обстоятельства, воспитаніе, случаи развиваютъ эти сѣмена, даютъ направленіе ихъ поростамъ; такъ что каждый случай жизни что либо придаетъ или уноситъ у насъ, улучшаетъ или портитъ насъ; и наконецъ, когда мы начинаемъ сознавать себя, или начинаемъ считать себя полными людьми, всѣ привычки и склонности совершенно обнаруживаются. Такъ и героини наши сначала обнаруживали свои слабости и прихоти робко, не твердо, какъ дѣти, потомъ смѣлѣе и смѣлѣе, и наконецъ поставляли ихъ закономъ для всѣхъ, къ нимъ приближавшихся.

Прямосудовъ все это ясно увидѣлъ, но поздо. Сильно безпокоили его привычки и поступки старшей и младшей дочерей; но, развлеченный многими занятіями по службѣ, по дому, по имѣнію, могъ ли онъ одинъ все исправить, что неусыпно заботились разстроивать злая, упрямая старуха и, хотя послушная, добрая, скромная, но легкомысленная, простодушная мечтательница и толпы льстецевъ, все заражающихъ нашествіемъ своимъ. Онъ избралъ помощникомъ себѣ дальнаго родственника Смѣлова, для окончательнаго ученія Словесности и Исторіи, предполагая посредствомъ сего ученія дѣйствовать на нравы ихъ. Выборъ по всѣмъ соображеніямъ соотвѣтствовалъ намѣреніямъ и цѣли. Смѣловъ былъ человѣкъ отъ природы умный,

осторожный, прямый и честный, съ гибкимъ, проницательнымъ, твердымъ умомъ и характеромъ рѣшительнымъ, наружности незавидной, хотя и не уродъ, двадцати пяти лѣтъ; въ большомъ свѣтѣ совсѣмъ еще не жилъ, онъ тамъ былъ новичекъ, но способенъ знать его. „Свѣтъ, какъ онъ сказалъ при первомъ свиданіи съ Прямосудовымъ, „есть счастливая Аравія; надобно испытать ра„боту Египетскую, чтобъ наслаждаться въ ней „жизнію.“ Узнавъ, что старшая его ученица была уже семнадцати, а младшая пятнадцати лѣтъ, и выслушавъ откровенное мнѣніе о нихъ отца, сдѣлалъ на то ученое замѣчаніе, хоть школьное, но умное, что: „хотя всякой молодой характеръ по„добенъ воску, изъ котораго искусная рука ху„дожника можетъ все сдѣлать; впрочемъ чѣмъ „труднѣе таковое преобразованіе, тѣмъ прочнѣе „произведеніе; ибо легко изъ мягкаго воска сдѣлать „самую прелестную фигуру, но она отъ дѣйствія „теплыхъ лучей солнца еще легче разрушается. „Много труда, много усилій потребно, чтобъ „изсѣчь подобную фигуру изъ гранита или мрамо„ра; но она стоитъ вѣки, и смѣется ѣдкости зла„го времени, о! Labor omnia vincit!“ Такъ заключилъ онъ ученое разсужденіе ученою пословицею. И въ самомъ дѣлѣ, онъ скоро замѣтилъ, что и гдѣ нужно поправить, что пополнить, что и чѣмъ замѣнить. Успѣлъ ли онъ въ этомъ, увидимъ; но

ни тотъ, ни другой конечно не предвидѣлъ, чѣмъ все это кончится.

Къ семейству Прямосудова можно почти причислить и этого молодаго человѣка образованнаго, умнаго, съ большимъ запасомъ познаній, но также съ большою, тяжелою и несносною, по его пылкости страстей и воображенія, бѣдностію. Онъ, какъ дальній родственникъ, человѣкъ нуждающійся и нужный, былъ принятъ Прямосудовымъ *за свой*, для дальнѣйшаго образованія дочерей, и для вспомоществованія... Но не должно касаться этой струны; ибо судьба истощила всю свою безсмысленность и злобу, давъ юношѣ случай и средства развить до возможнаго совершенства высокій, пылкій духъ, но лишивъ его всѣхъ средствъ жить, бросивъ его въ міръ на первый случай даже безъ пристанища и куска хлѣба. Молодой человѣкъ, хотя отъ природы ловкій, но привыкшій къ школьнымъ пріемамъ, сначала обо всемъ судилъ и говорилъ, какъ уже можно было замѣтить по первымъ его словамъ, *по ученому*. И такъ каждая изъ его учениць смотрѣла на сего простяка-мудреца съ своей точки зрѣнія: Вѣра требовала отъ него сужденій и объясненій на всѣ свои вопросы, какъ долга; Любовь осмѣливалась выпрашивать ихъ только взорами, каковыхъ она, при всей своей обыкновенной ласковости, ни на кого не устремляла, и значенія коихъ она и сама долго не могла изъяснить; а

Надежда была съ нимъ, какъ товарищъ; нерѣдко вводила его въ такія разсужденія, отъ которыхъ и студентъ краснѣлъ. Къ наукамъ и искусствамъ онѣ всѣ имѣли сильную страсть; только каждая по своему ими занималась, каждая по своему дѣлала употребленіе изъ нихъ.

ГЛАВА II.

Какъ трудно исправить испорченное!

Отецъ, устремивъ теперь все вниманіе на старшую и младшую дочерей, скоро замѣтилъ ихъ обращеніе съ учителемъ — а нужно бы смотрѣть и на среднюю! — и потому выведенный изъ терпѣнія, однажды вскричалъ, противъ своего обыкновенія сердито: Философія есть умѣнье смотрѣть на вещи, и преимущественно на людей! Вѣра вдругъ почувствовала какое-то необыкновенное движеніе сердца, похожее на смѣсь робости съ гнѣвомъ оскорбленнаго самолюбія, но вспомнивъ о бабушкѣ, сочла себя выше отцевскихъ выговоровъ; — Любовь, зная, что отецъ ихъ всегда любитъ ласковое обхожденіе, и боясь его гнѣва, такъ устремила взоръ на Смѣлова, что если бы Прямосудовъ взглянулъ въ то время на нее, то вѣрно бы и третью бѣду замѣтилъ. Надежда, не выходя изъ обыкновеннаго своего мечтательнаго состоянія, вступаетъ съ отцемъ въ споръ:

— Самый лучшій способъ смотрѣть на людей, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобъ не находить въ нихъ худаго, представлять ихъ въ прелестномъ видѣ. Ежели бы всѣ такимъ образомъ смотрѣли взаимно другъ на друга; то всѣ люди были бы счастливы.

— Да, ежели бы, кромѣ воображенія, люди не имѣли ни какихъ способностей; ежели бы они жили въ мірѣ фантазіи съ мечтами, съ вымышленными идеальными существами, а не съ подобными себѣ людьми, изъ коихъ каждый имѣетъ свои слабости, свои желанія и потребности жизни, противорѣчущія желаніямъ и потребностямъ другихъ; ежели бы чувства могли горькое, мучительное принимать съ пріятностію; ежели бъ голодъ наводилъ сладостное усыпленіе, а сила холода возбуждала бы удовольствіе.

— Но для чего же воображенію давать только одностороннюю силу? для чего позволяютъ ему творить предразсудки, умножать способы мучить себя, а строго запрещаютъ ему истреблять случайныя непріятности и услаждать жизнь?

— Ты разсуждаешь справедливо, но не умѣешь разсужденій твоихъ примѣнять къ жизни и отличать ихъ отъ мечтаній.

— Вы хотите сказать, что я иногда пріятную и полезную мечту предпочитаю скучнымъ, убійственнымъ, ужасающимъ человѣчество разсужденіямъ. Пусть это будетъ и справедливо; все

наки, кажется, раскаяваться не въ чѣмъ. Если же рѣчь идетъ о вымышленныхъ приличіяхъ, то я вслухъ объявляю себя врагомъ ихъ.

— Надинька! ты забываешь свой полъ, а еще болѣе состояніе твое!

— Я однако увѣрена, что женскій полъ не налагаетъ на меня обязанности быть безсмысленною, безчувственною, а состояніе дѣвичье не предписываетъ условіемъ скрытности, лжи и обманчивости; въ противномъ случаѣ я не желала бы родиться дѣвицею.

— Для чего бѣгать за крайностями? надобно держаться середины, надобно стоять тамъ, гдѣ поставила тебя природа.

— Но природа поставила женщину, думаю, не ниже мужчины. По чему же онъ хочетъ имѣть на все болѣе правъ? по чему я не могу говорить все, что думаю, что чувствую, дѣлать, что хочу; а мыслить, чувствовать, хотѣть мы можемъ всегда болѣе, нежели мужчины. Такъ неужели природа, одаривъ насъ сильными и безпокойными способностями, имѣла цѣлію....

— Природа велитъ тебѣ молчать! разсердившись, вскричалъ Прямосудовъ. И такъ, ежели наконецъ ты уже вынудила меня говорить, то слушай теперь, — и въ послѣдній разъ!

— Но я надѣюсь, что я не должна буду это дѣлать противъ моей воли.

— Я надѣюсь, что также имѣю свою волю,

волю отца, которой умѣю заставить повиноваться, ежели добровольно не умѣютъ ее уважать, и которая должна быть тебѣ закономъ. Понимаешь ли ты это?

— Надежда сквозь слезы: за что же вы такъ гнѣваетесь, папенька?

— За то, что ты не знаешь своего отца и его воли, не знаешь твоихъ обязанностей.

— Но батюшка! смѣю ли я васъ спросить, (заливаясь слезами и цѣлуя почтительно руку отца) продолжала Надежда . . .?

— Говори!

— Какихъ обязанностей?

Да! сказалъ про себя Прямосудовъ, она права! Кто указалъ ей эти обязанности? (ласково взявъ ее за руку) Выслушай меня, Надинька!

— Въ это время Вѣра хочетъ итти, но когда отецъ ей сказалъ съ важностію: — Я хочу, чтобъ меня всѣ слушали, отнынѣ нѣтъ мѣста своевольству! — она садится, кругомъ озираясь.

— Первыя обязанности отца — ввести дѣтей въ жизнь нравственную, управлять ими дотолѣ, пока они не узнаютъ своего значенія въ мірѣ, показать имъ свѣтъ, всѣ его блага и зло; долгъ дѣтей принимать это съ благодарностію, пользоваться тѣмъ съ благоразуміемъ и повиноваться съ уваженіемъ. Въ дѣтяхъ повторяется наша жизнь; въ нихъ мы снова молодѣемъ, снова разцвѣтаемъ, снова живемъ; такъ можемъ ли не любить ихъ? —

Всѣ мы ошибаемся; но помня свои ошибки и погрѣшности, предостерегаемъ отъ нихъ дѣтей своихъ. Вы подумайте сами: могутъ ли дѣти быть безъ руководства родителей или наставниковъ? — Вообразите себѣ дитя брошенное, безъ надзора оставленное: это будетъ бѣдное и ужасное животное! И такъ понимаете ли, по крайней мѣрѣ, первое основаніе своихъ отношеній ко мнѣ? — Прежде, нежели скажу вамъ, что такое женщина, каковы должны быть ея отношенія къ сильнѣйшей половинѣ рода человѣческаго, какія ея права и обязанности въ кругу семейственномъ и въ отношеніи самой себя, какое вліяніе она должна и можетъ имѣть въ обществѣ, — прежде всего этого, я говорю, вы должны узнать мой образъ мыслей о вашемъ полѣ, точку зрѣнія, съ которой я смотрю на него, дабы не считать меня пристрастнымъ. Хочу говорить съ вами, какъ другъ, который опередилъ васъ опытностію; не скрою ни выгодъ, ни трудностей, въ которыя васъ поставляютъ природа и свѣтъ. Я ненавижу Амазонокъ, — ежели онѣ въ самомъ дѣлѣ были таковы, какъ намъ ихъ изображаютъ, — за то, что онѣ, лишивъ себя половины прелестей, промѣняли тихую жизнь семейственную на шумный лагерь, за то, что рукою и взоромъ, рожденными для нѣжныхъ ласкъ, старались устрашать; не могу любить Спартанокъ, — съ содраганіемъ удивляясь имъ, — за то, что онѣ могли смотрѣть, съ гордой улыб-

кой, на текущую кровь, умирающаго сына; но мнѣ противны и судорожныя движенія, обмороки женщины при домашнихъ неудовольствіяхъ и другихъ неважныхъ непріятностяхъ. Это — плачевная комедія, или смѣшная трагедія. Я гнушаюсь варварскимъ обычаемъ Востока, гдѣ нѣжный полъ, не смѣя чувствовать, томится въ порабощеніи и не цвѣтя увядаетъ; несносно для меня также и деспотство женщины, когда она употребляетъ скиптромъ своимъ своевольное, грубое упрямство, которое есть неудачное подражаніе мужчинамъ, одареннымъ твердостію и силою. Люблю, когда красавица подаетъ мечъ милому, заливаясь горькими слезами, безъ конвульсій, безъ обмороковъ, умоляетъ его щадить жизнь и здоровье, но при словахъ: *честь, отечество!* съ рыданіемъ умолкаетъ, и вперивъ взоръ на милаго .... желаетъ, но страшится, не можетъ сказать: „раны твои поразятъ, смерть твоя убьетъ меня, а робкаго бѣглеца я не могу любить;“ когда же, возвратившійся съ рубцомъ на челѣ, онъ для нее еще милѣе, когда его великодушіе, состраданіе къ пораженному врагу награждается поцѣлуемъ .... Вотъ непреодолимая прелесть женщины! Люблю, когда красавица и въ слова и въ дѣла тамъ только вступается, гдѣ она нужна, необходима, гдѣ ее желаютъ, ищутъ. Когда она говоритъ о недостаткахъ другихъ только для того, чтобъ прикрыть или скрасить оныя; тогда ее будутъ искать; со-

вѣтъ ея будетъ повелѣніемъ, она будетъ прекраснѣе, совершеннѣе. „Коль хочешь власть имѣть, то розами грози, цѣпями обольщай“ ... Вотъ главное правило женскаго владычества! Люблю, когда женщина или дѣвица говоритъ о Литературѣ, о театрѣ, о музыкѣ, о живописи, о семейномъ счастіи, о привычкахъ дѣтей; пусть она объ этомъ говоритъ тихо, спокойно, не навязывая самовластно своихъ мыслей; ее будутъ слушать, какъ сладкую пѣснь соловья; она собою украситъ, возвыситъ самое изящество, она поработитъ насъ. Съ улыбкой на устахъ, съ веселою, скромною рѣчью она красота общества, законодательница въ разговорахъ. Но, Боже сохрани, когда она шумно заспоритъ о политикѣ, объ учебныхъ курсахъ, о верховой ѣздѣ, о дѣлахъ службы; тогда самая истина приметъ видъ пристрастія, изкажется, какъ прелестное личико изкажается въ жаркомъ, гнѣвномъ спорѣ; тогда прощай красота и изящество!

Женщина не есть, какъ многіе думаютъ, плѣнительно-пріятное, необходимое зло. Такъ думать можетъ только прихотливый самолюбецъ. Скорѣе бы можно было назвать ее горькимъ благомъ. Но и эта мысль показываетъ неумѣнье отличать дѣйствія природы отъ игры случая; потому что человѣкъ вообще родится только съ однѣми способностями, съ зерномъ, могущимъ произрастить добро и зло. Разность въ томъ, что мужчина, рожденный для работъ и занятій труднѣйшихъ,

которыя требуютъ обширнаго соображенія, одаренъ болѣе твердостію силъ душевныхъ и тѣлесныхъ; женщинѣ назначено проводить жизнь въ занятіяхъ легчайшихъ, но требующихъ скораго исполненія и мелкой прозорливости, болѣе остроумія, нежели глубокомыслія; а потому способности ея скоры, быстры, раздражительны. Излишняя раздражительность происходитъ отъ слабаго и изнѣженнаго сложенія тѣла. Ибо чѣмъ дѣятельнѣе духъ въ слабомъ тѣлѣ, тѣмъ онъ раздражительнѣе. И такъ двѣ половины человѣчества, рожденнаго властвовать *природой*, одарены однѣми, но не одинаковыми и не равными силами; слѣдовательно можетъ ли ихъ владычество быть равно, и могутъ ли они имѣть совершенно равныя другъ къ другу отношенія? Нѣтъ! слабость требуетъ покровительства силы, и сознаетъ власть ея. Дикій, грубый, отъ природы буйный нравъ сильнѣйшей половины рода человѣческаго, нуждается въ умягченіи его; мужъ, неодаренный нѣжностію, тончайшею чувствительностію, но способный любить все это, плѣняться сими украшеніями слабаго пола, имѣетъ какъ бы пищу, сладостное успокоеніе въ тихихъ, нѣжныхъ чувствованіяхъ, послѣ боренія съ стихіями и другими частями природы, данными ему въ обладаніе, послѣ боренія съ трудностями работъ и служенія человѣчеству въ гражданскомъ быту. Впрочемъ думать, что женщины произведены только для услажденія жизни, какъ

цвѣты въ саду для увеселенія взора, значитъ подать поводъ къ мысли, что мужчина есть только ограда садовая. И сія взаимная необходимость, какъ законъ природы, опредѣлила ихъ взаимныя права и обязанности: одинъ полъ долженъ силою своею защищать слабость и нести для нее всѣ трудныя работы, имѣя право требовать въ замѣну того нѣжности; другой, пользуясь безопасностію, долженъ подъ мирнымъ кровомъ заботиться объ услажденіи, утомленныхъ трудами, духа и тѣла, и заниматься обезпеченіемъ его отъ домашнихъ безпокойствъ и легкихъ обязанностей, которыя для него несноснѣе всякой тяжести.

Кромѣ таковыхъ правъ и обязанностей, исполненіе которыхъ все еще до нѣкоторой степени зависитъ отъ нашего произвола, природа вложила въ сердца сихъ двухъ половъ невольное другъ къ другу стремленіе, основанное на противоположности нравственныхъ и физическихъ свойствъ ихъ. Естественно желать того, чего не имѣешь, прилѣпляться къ тому, что надѣемся достигнуть, завладѣть; естественно заботиться о сохраненіи того, что есть возможность — потерять. Отъ того желаніе сожитія съ противоположнымъ поломъ; соотвѣтственность, взаимность таковаго желанія составляютъ гармоническое сочувствіе — любовь. Уклончивость желаемаго предмета, раздражая самолюбіе, возбуждаетъ искательство; но это чувствованіе уже не есть та чистая любовь.

Сила чувства сего всегда соразмѣрна природнымъ свойствамъ пола: чѣмъ мужественнѣе человѣкъ, тѣмъ чувствительнѣе, тѣмъ нѣжнѣе для души его нуженъ предметъ любви, тѣмъ сильнѣе, непреодолимѣе въ немъ сіе чувствованіе, и тѣмъ слабѣе онъ предъ силою онаго; женщина съ чувствительнѣйшимъ сердцемъ желаетъ сильнѣйшей, мужественнѣйшей соотвѣтственности; ей нравятся смѣлость, неустрашимость, отважность; равнодушіе избраннаго ею предмета, возбудивъ страшное, непонятное ей самой желаніе, раждаетъ наконецъ презрѣніе, ненависть, соединенную съ неимовѣрною отважностію, и часто убиваетъ ея прелесть, чувствительность и даже самую жизнь. Мужчина слабый, женоподобный, безхарактерный, такъ какъ и женщина слишкомъ твердая, мужеподобная, неспособны чувствовать не только любви, но и дружества, хотя они часто минутные восторги и нѣкоторое сердечное расположеніе называютъ сими именами; они не могутъ также и возбудить сихъ чувствованій; ибо не могутъ составить ни яркой противоположности, ни сходства, на которыхъ основывается согласіе сердецъ, подобно согласію звуковъ и тоновъ; они часто бываютъ надменны, часто унижаютъ себя до ничтожныхъ, своекорыстныхъ и низкихъ желаній; а иногда предаются всѣмъ симъ чувствамъ и наклонностямъ, и содѣлываются предметомъ посмѣянія противоположнаго пола.

Наружная красота въ семъ случаѣ играетъ важную роль. Но это бываетъ не такъ, какъ многіе привыкли о томъ думать; надобно отличать красоту яблока отъ красоты лица; вообще лице требуетъ живости; черты его должны выражать каждое малѣйшее движеніе души. И такъ физіономія есть первое главное достоинство лица. Совершенная физіономія мужчины должна выражать постоянную твердость и величіе души; а женщины, — пламенную нѣжность, подъ едва проницаемымъ покрываломъ скромности. Красота безъ выразительности собираетъ только дань удивленія, а плѣняться ею можетъ лишь человѣкъ безхарактерный, такъ сказать, уродъ своего пола. Красота, при живости лица и при характерѣ, свойственномъ нѣжному полу, есть высшее благодѣяніе природы. Безобразіе, при сихъ достоинствахъ, имѣетъ ту выгоду, что подъ сей мрачный покровъ можетъ проникать только духъ твердый, неустрашимый, который не останавливается при первой непріятности; и слѣдовательно, кто истинно любитъ особу съ безобразнымъ лицемъ, тотъ любитъ крѣпко; онъ проникъ, прошелъ преграду любви чувствительной. Вся наружность мужчины должна являть крѣпость, твердость, силу и мужество, какъ необходимыя условія бытія его. Нѣжность лица мужескаго иногда украшаетъ величіе, а нерѣдко унижаетъ его. Прелесть и красота цвѣта и формъ хотя не суть

единственныя и исключительныя украшенія женскаго пола; но безъ нихъ женщина, и съ прекрасною душей, далека отъ совершенства, потому что цѣль ея прельщать, а она только въ половину прелестна.

Полъ господствующій, ежели употребляетъ во зло силу, порабощая слабость, то дѣлается ужаснымъ, ненавистнымъ; а ежели предается слабости, изнѣженности, потерявъ уваженіе, бываетъ смѣшенъ и презрительно ненавидимъ. Когда прелестный полъ, теряя скромность и не дорожа своимъ достоинствомъ, навязывается съ своею откровенностію или чувствительностію; то при всей красотѣ перестаетъ нравиться, потому что человѣкъ попираетъ ногами множество красотъ природы, которыя дико растутъ въ обиліи вездѣ, а ищетъ тѣхъ, которыя съ трудомъ получаются; плѣняется тѣми, которыя требуютъ заботъ — такова его природа. Если женщина надменная искательствомъ и лестію простретъ свою разборчивость до холодности, неприступность до грубости, или захочетъ, явно плѣняя, насильственно господствовать; то она можетъ быть предметомъ домогательства и даже холоднаго удивленія; но любви никогда не воспламенитъ; любовь не терпитъ никакого насилія; она родится и возрастаетъ свободно и безкорыстно; она укрощаетъ свирѣпый, необузданный духъ; она возвышаетъ надъ ужасами своевольной судь-

бы самую нѣжную, кроткую душу; она возбуждаетъ человѣка къ дѣламъ великимъ, подвигамъ высокимъ. Вотъ тѣ узы и тѣ преграды, которыя соединяютъ и раздѣляютъ два пола человѣчества! Вотъ что даетъ намъ природа и что я вынужденъ былъ вамъ сказать! потому что уже не счелъ нужнымъ скрывать отъ васъ то, что случай открылъ вамъ рано и въ ложномъ видѣ. Есть и еще украшенія, отъ насъ зависящія. — Какъ ихъ пріобрѣтать, какъ пользоваться данными отъ природы, и какъ предохранять ихъ отъ вреднаго вліянія обстоятельствъ и случая, — это вамъ покажетъ В. П. какъ учитель, какъ образователь вашего ума.

Несчастія или вообще препятствія въ желаніяхъ нашихъ, смотря по свойству препонъ, ослабляютъ или усиливаютъ ихъ, но всегда насъ дѣлаютъ раздражительными и недовѣрчивыми; особенно домашнія непріятности, разстройства и раздоры имѣютъ самыя гибельныя дѣйствія на насъ и преимущественно на мужа, по самой природѣ; а семейственное счастіе, согласіе и взаимная любовь съ надеждою раждаютъ кротость, снисходительность, довѣренность въ сердцѣ человѣка. Но это счастіе не иначе можетъ существовать, какъ когда нѣжность жены соотвѣтствуетъ силѣ и дѣятельности мужа, когда жена столько обременяетъ себя внутренними, домашними заботами, сколько мужъ озабоченъ дѣлами внѣшними. Недо-

статокъ занятій важныхъ и мелочныя домашнія заботы портятъ сильный характеръ мужа: дѣлаютъ его безпокойнымъ, мелочнымъ, брюзгливымъ; и напротивъ того отнимете у женщины домашнія мелочныя хлопоты и внутреннія семейныя занятія; дайте ей трудныя дѣла служебныя и важныя глубокомысленныя предпріятія; изъ нея выйдетъ угрюмая мечтательница, сварливая сплетница или заносчивая, придирчивая нелюдимка.

Въ продолженіе рѣчи старикъ попеременно смотрѣлъ на дѣтей, наблюдалъ ихъ движенія, произведенныя его словами. Но онъ нашелъ только то, чего искалъ; онъ не открылъ, что выразительнѣе всего было написано во взорахъ Любови и довольно ясно на открытомъ лицѣ Смѣлова; онъ думалъ, что Любовь слишкомъ робка, Смѣловъ слишкомъ холоденъ .... или лучше, онъ ничего не думалъ.

Вѣра внутренно сознавалась и даже сказала сестрамъ, что отецъ ихъ много говорилъ *умнаго*; — хотя она и не въ духѣ начала слушать. Но она такъ думала не потому, чтобъ хотѣла замѣтить и пользоваться наставленіями, а потому что многое умѣла перетолковать въ пользу своего честолюбія; она повѣряла слова отца зеркаломъ, и узнавала себя въ идеалѣ красоты женской; прочее же признала необходимымъ пересказать своей бабушкѣ; и что же? о ужасъ! скромная сатира на Рахиль едва не выплюнула съ клубящейся пѣной и

сыплющимися ругательствами изъ дрожащихъ ея челюстей послѣднихъ трехъ зубовъ, единственныхъ свидѣтелей счастія покойнаго ея супруга. Любовь слушала съ жадностію о согласіи сердецъ различнаго пола людей, находила слова отца, какъ будто знакомыми, и не зная почему, какъ будто вспоминала давно извѣстное, радовалась, когда по словамъ отца находила Смѣлова сходнымъ съ идеаломъ мужчины, и досадуя, сомнѣвалась въ истинности того, чего въ немъ не доставало; она думала, что отецъ знаетъ какую-то тайну ея сердца. Но что же у меня сокровеннаго есть на сердцѣ, подумала она — и вдругъ оно затрепетало, грудь стѣснило; она украдкою взглянула на Смѣлова, щеки ея запылали. Неужели я не могу прямо, открыто смотрѣть на него? Устремила на него взоръ, и огненная струя пробѣжала въ крови; ресницы невольно опустились, и двѣ слезы засверкали на нихъ; она призналась самой себѣ, что это тайна, и сердце облегчилось.

Надежда, нашедъ новую пищу для воображенія, забывала, для чего все это говорено, она заготовляла вопросы: можно ли исправить недостатки природы? какъ ей оставить то, пріобрѣсть другое? — Она уже въ мечтахъ своихъ составляла общество, соединенное совершеннымъ согласіемъ и чистою любовію; воображала то счастіе, которое нѣкогда будетъ раздѣлять съ милымъ: то, какъ рѣзвая пастушка, бѣгая по душистымъ лугамъ, по

скатамъ горъ, по холмамъ, собирала цвѣты для своего *Фирса;* то вплетала лавры въ розовый вѣнокъ супругу побѣдителю героевъ и завоевателю народовъ и миротворцу, „то розы съ миртами мѣшала, роскошно ложе украшала.“

Но пусть гордая Вѣра и легкомысленная Надежда ищутъ идеаловъ совершенства, волею или неволею влюбляютъ въ себя всѣхъ, кого хотятъ; скромная Любовь узнала, что ей болѣе уже нечего искать, и самой осталось только скрываться.

В. Плаксинъ.

ТЕОРІЯ ИСТОРІИ.

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРІЮ
и
ПРЕИМУЩЕСТВЕННО РУССКУЮ (*).

Девятнадцатое столѣтіе представляетъ такую эпоху, въ которой умы, воззрѣніемъ своимъ на Историческій міръ, далеко опередили мыслителей прошедшаго вѣка. Новѣйшіе Историки пролили свѣтъ на всю Исторію. Этотъ свѣтъ проистекъ натуральнымъ образомъ, но не безъ усилій. Прежніе писатели дорожили вѣрностію повѣствованія, новѣйшимъ открылся иной путь: сблизить событія, сравнить, сдѣлать выводы и умозаключенія. Прежде занимались болѣе событіями, нынѣ началомъ событій и слѣдствіями. Прежде мудрость выходила изъ теорій, нынѣ изъ самаго дѣла; прежде слѣдили правительства, нынѣ народность; прежде господствовала Логика, нынѣ Философія. Успѣхи наши въ Исторіи велики; но онѣ суть послѣдствія изысканій и мышленія предшествующихъ вѣковъ. Слѣдовательно мы умнѣе стали чрезъ бывшую уже сильную работу ума. Мы стали выше, не по одной Исторіи, но во всѣхъ

(*) Отрывокъ изъ статьи, подъ названіемъ: о развитіи Славено-Русскихъ народовъ и Новгородѣ.

наукахъ; а какъ всѣ науки крѣпко связаны однѣ съ другими, какъ онѣ суть дѣло, усиліе одного и того же ума; то, возвышаясь въ одной отрасли познаній, мы необходимо должны были возвышаться и въ другихъ. Не будемъ же горды и презрительны къ тѣмъ, чрезъ кого мы научились. Учители образуютъ юношество, и въ этихъ птенцахъ со временемъ они надѣются увидѣть мужей, творцевъ, которые далеко оставятъ ихъ за собою. Такъ и должно быть, таковъ порядокъ вещей въ природѣ; таковы законы и моральные. Не видимъ ли мы эту истину, и въ нашемъ отечествѣ нѣсколько разъ повторившуюся? Не имѣли ли и мы писателей, которые водили умы наши, какъ водятъ слѣпцевъ? Какъ бы ни былъ великъ геній, онъ не можетъ оставить за собою всего человѣчества. Слѣдовательно и самый геній, въ области изящнаго и наукъ, есть явленіе минутное; но явленіе, оставляющее по себѣ рѣзкіе слѣды. Явленіе таковыхъ геніевъ производитъ эпоху, за которой всегда слѣдуетъ періодъ — рядъ дѣйствій.

Меня увлекаетъ мысль, рожденная желаніемъ видѣть, какъ развился Русской народъ? мысль эта не новая; ее многіе излагали, но, если смѣю выразиться, она еще ждетъ изложенія. Мы еще только надѣемся выразить ее. У насъ, какъ и у всѣхъ народовъ, взглядъ на отечественную Исторію былъ самый неправильный. Во-первыхъ многіе

принимались писать о Россіи, люди умные, извѣстные своею ученостію, но чуждые Россіи и умные не для насъ; мы ихъ уже забываемъ, а можетъ быть и совсѣмъ забудемъ. Во-вторыхъ, люди, неимѣвшіе твердыхъ основаній, желавшіе только выказаться. У нихъ были идеи, смѣло схваченныя, безъ подпоры, безъ системы. Въ-третьихъ люди, напитанные чужими идеями, щеголявшіе чужими познаніями, слѣпые подражатели, или пытавшіе силы свои; и за эти попытки мы обязаны имъ благодарностію; поелику за мышленіемъ ихъ мыслили и мы, и во многомъ уже ушли отъ нихъ. Таковъ законъ духовной природы, какъ я сказалъ выше.

Изъ этого я хочу вывести, что у насъ Исторіи еще нѣтъ, а возрождается только и слѣд. будетъ. До Карамзина у насъ были писатели, которые занимались или критическими розысканіями о древней Руси, или Историки, какъ они назывались или, какъ ихъ называли. Первые большею частію были не Русскіе; ибо это дѣло требовало большихъ познаній, которыхъ у Россіянъ не доставало; вторые же большею частію Русскіе, богатые усердіемъ и желавшіе посягнуть на титло Историковъ. Что же они дѣлали, или сдѣлали? Что? Они собрали лѣтописи, прослѣдили ихъ, выписали событія по порядку, какъ повѣствуютъ лѣтописцы, раскрасили, подвели итоги, и соборную эту лѣтопись назвали Исторіею Россійскаго Государства.

Карамзинъ первый явился въ видѣ Исторіографа, уронивъ своихъ предшественниковъ. Онъ ослѣпилъ насъ богатымъ запасомъ познаній; очаровалъ картинными описаніями; удивилъ ужасною архивною работою, и ставъ на сторонѣ Русской, высказалъ иностранную ученость осьмнадцатаго столѣтія, обличалъ лжемудріе, и мы радовались, какъ дѣти побѣдамъ его. Мы съ нимъ стали умнѣе. Событіе важное въ нашемъ образованіи. И такъ Карамзинъ былъ представителемъ учености чужой и нашей. Время все измѣнило. Отдавая ему справедливую дань, мы начали сближаться и съ его великимъ твореніемъ, всматриваться, судить; явились и критики, но не нашлось и доселѣ порядочнаго разбора. Мы стали чисто на распутіе, когда появилось новое твореніе, богатое мыслію, хотя не совсѣмъ усвоенною — это Исторія Русскаго народа. Авторъ отступилъ отъ правилъ и порядка Карамзина, обличилъ его въ сильномъ вѣрованіи лѣтописцамъ. Далѣе не знаемъ, что будетъ, но побѣда остается за нимъ въ удѣльной системѣ; любимые же его Норманны, Феодализмъ и Саги остаются загадкой (*).

Оба писатели сіи, Карамзинъ и Полевой, знаменитые заслугами въ нашей Исторіи, были въ свою очередь наши пѣстуны, и оба они отдали дань вѣку. Исторія Русская ожидаетъ новаго воз-

(*) О вѣкѣ Татарскомъ я не говорю, онъ не конченъ.

дѣлателя, равно какъ и критики новой, не чуждой, и мы видимъ уже просвѣтъ, обѣщающій ясный, свѣтлый день.

И такъ Исторіи у насъ нѣтъ еще; ибо она начинается, а мы торопились кончить ее. Нѣтъ ее, не у насъ однихъ, но во всей Европѣ, хотя тамъ далеко опередили насъ. Да что же такое Исторія, спроситъ читатель? Исторія, по моему понятію, не есть *описаніе достопамятныхъ происшествій* .... Эти описаніе и разрисовка приличны только древней Исторіи, а у насъ это назовутъ повѣстью, романомъ, лѣтописью или другими именами, неприличными Исторіи. Мысль объ Исторіи еще только показалась; новѣйшіе мыслители только наводятъ еще на чистую историческую мысль. Это кажется съ перваго разу не много странно, но не менѣе того справедливо. Мы знаемъ государства, которыя славятся литературными произведеніями, а грамматики не имѣютъ; такъ и мы писали Исторію, не имѣя порядочнаго опредѣленія, что такое Исторія. Форма, которую намъ сообщили Древніе, доселѣ почитается главнымъ условіемъ; мы не умѣемъ отвязаться отъ нея. Еще одно условіе: если хотите анализировать эту идею, то не толкуйте филологически слово *Исторія*. Какое бы это слово ни было, только она не значитъ *описаніе достопамятныхъ происшествій*. Иначе вы вправѣ спросить, что вамъ нравится въ Исторіи? Од-

нажды принятое, ложное начало повело за собою рядъ заблужденій, которыя повторяются даже до сего дня. Изъ него выводили, что Исторія есть зеркало, что въ Исторіи описываются великія добродѣтели и пороки, что она — завѣщаніе дѣдовъ внукамъ и пр. и пр., всего не перечтешь.

Исторія есть дѣло не одного ума, дѣло силъ не одного человѣка; она есть результатъ, а не начало; выводъ, а не задача. Если мы хотимъ имѣть свою отечественную Исторію, то должны замѣтить, что она сопредѣльна съ другими Исторіями; но не мѣшайте же въ формѣ лѣтописной чужое со своимъ (*). Чужое должно быть высказано прежде, оно должно быть предуготовленіемъ или введеніемъ. Такъ Г. Полевой описалъ хорошо Норманновъ; но изъ-за этихъ Норманновъ не видно Руси. Его любимый феодализмъ, небывалый въ Россіи, такъ хорошъ, что я готовъ былъ, всѣ *срубленные города* представлять замками, князей съ поступью важною и медленною, съ мечемъ въ рукѣ, и говорящихъ не иначе, какъ à basse voix.

Карамзину мы обязаны столкновеніемъ лѣтописей и своихъ и частію чужихъ. Но въ его Исторіи дѣйствуютъ и Польша и Литва, и Вен-

(*). Подъ именемъ формы лѣтописной, я разумѣю описаніе или повѣствованіе по годамъ, въ которыхъ что случилось; — манера прекрасная, въ ней можно выказаться и укрыться.

грія и Швеція, по той же старой формѣ. Если мы вѣримъ развитію народовъ одного отъ другаго: то научите, какъ понять, подмѣтить этотъ ходъ развитія, коль скоро мы не знаемъ, что происходило въ сосѣднихъ странахъ. Неужели мы вѣчно должны полагаться на чужіе умы? Нѣмцы писали много о Славянахъ; трудолюбіе ихъ открыло таинства Историческія; не спорю, но о Славянахъ не можетъ писать Нѣмецъ; ибо тамъ, гдѣ дѣло касается до выводовъ и рѣшеній, основанныхъ на обычаяхъ или на чувствѣ, гдѣ Нѣмецъ возьметъ это чувство? Такъ, если бы кто изъ насъ взялся написать Исторію Франковъ, неужели вы думаете, что онъ успѣетъ? никогда! — Не только чужестранецъ, но и соотечественникъ, ежели онъ пустится въ теорію, не много успѣетъ. Мы помнимъ, что писали: Каченовскій, Полевой, Эверсъ, Сенковскій! Въ последнее время одинъ Погодинъ приблизился удачно къ Русской Исторіи и смотритъ не въ чужое стекло; онъ прямо глядитъ на свой предметъ; но изъ нѣсколькихъ отрывковъ еще ничего нельзя рѣшить, — только взглядъ его вѣренъ. Карамзинъ хотѣлъ точно также глядѣть на Исторію, но не съумѣлъ.

Мы не давно живемъ въ образованномъ мірѣ; но можемъ похвалиться, что имѣемъ Историковъ и Исторію, кои не хуже многихъ Европейскихъ; при всемъ томъ Исторіи будемъ еще дожидаться, — Исторіи новой, въ формахъ не старыхъ,

лѣтописныхъ. Я думаю, что она началася уже новымъ изданіемъ, разборомъ и взглядомъ на лѣтописи. За этимъ послѣдуетъ частная Исторія, а изъ частныхъ созиждется и Общая Исторія Славено-Русскихъ народовъ. Одному человѣку не возможно совершить такой огромный подвигъ, онъ непремѣнно требуетъ раздѣленія работы. Въ помыслахъ нашихъ дивно рисуется Новгородъ, а имѣемъ ли мы его Исторію? Что написано объ немъ въ огромныхъ твореніяхъ Государства Россійскаго и Русскаго народа? Нѣчто мимоходомъ, а изъ этихъ мимоходныхъ очерковъ, скелетовъ въ формѣ лѣтописной по годамъ, составились Исторіи Русскаго Государства и Русскаго народа. Страшно подумать! Югъ, колыбель Россіи, остается забытымъ, неизслѣдованнымъ. О Біарміи, Заволочьи только упоминается; но не спрашивайте объ этомъ нашихъ Историковъ, ни живыхъ, ни мертвыхъ, — они подобными мелочами не занимаются; вы найдете у нихъ очень хорошо изображенный феодолизмъ, прекрасное описаніе характеровъ лицъ, часто безхарактерныхъ; найдете живописныя картины сраженій и проч. и проч.

Я убѣждаюсь и хочу убѣдить другихъ, что надобно оставить общность Исторіи (руководство для учащихся сюда не принадлежитъ), заняться вновь разборомъ и повѣркою лѣтописей и начать Исторію, благословясь, съ Частной, которую легче обозрѣть, иначе мы никогда не прійдемъ къ цѣли.

Понятіе объ Исторіи нынѣ измѣнилось; отъ Историка теперь требуютъ послѣдовательнаго воззрѣнія на предметъ отъ начала его до конца, вѣрнаго изображенія, основаннаго на самыхъ фактахъ, а не на догадкахъ чистаго ума; требуютъ отношеній этого предмета къ другимъ, сліянія причинъ и дѣйствій и опредѣленія взаимнаго вліянія событій? Посему Исторія нынѣ есть не *описаніе*, а философическое изслѣдованіе развитія человѣческихъ обществъ, во всѣхъ ихъ формахъ; развитіе же есть, весьма много значащій и многосторонній, процессъ, потому, что самое начало и формы общественнаго быта чрезвычайно многосторонни и разнообразны. Разсматривая такимъ образомъ Исторію, легко убѣдишься, что мы очень далеки еще отъ этого Историческаго вѣка. Исторія скорѣе раздробится на нѣсколько наукъ, чѣмъ мы достигнемъ конца общихъ желаній. Не выдаю моего мнѣнія за неоспоримую истину; но я на первый разъ высказалъ посильно, что съумѣлъ, и что поддержать надѣюсь.

П. Вознесенскій.

ИСТОРІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

ВЗГЛЯДЪ

На причины различія народовъ.

Родъ человѣческій произошелъ на Востокѣ. Тамъ, въ благословенной странѣ земнаго шара, гдѣ природа, всегда юная и цвѣтущая, красуется дѣвственною полнотою своихъ органическихъ силъ, и на всѣ произведенія свои кладетъ печать любви и совершенства, пришелъ человѣкъ довершить собою цѣпь земныхъ существъ и составить вѣнецъ всего творенія. Тамъ приготовлено было для него и первое жилище — оный чудесный садъ, извѣстный въ Св. Писаніи; тамъ пріятнѣйшіе плоды манили вкусъ своимъ видомъ и благоуханіемъ; тамъ благоразумный слонъ, хитрая обезьяна и другія совершеннѣйшія животныя ожидали его, чтобы раздѣлять съ нимъ его труды, или служить его увеселеніямъ.

По географическому положенію своему, средняя Азія была весьма способна и къ разселенію людей. Возвышенность, лежащая между Индомъ и Евфратомъ, есть какъ бы средоточіе, изъ котораго хребты горъ, въ различныхъ направленіяхъ разсѣкая поверхность Азіи, идутъ во всѣ части

свѣта и выносятъ съ собою рѣки и источники, орошающіе плодовитыя долины Востока. Она была разсадникомъ и проводникомъ царственнаго племени, назначеннаго обладать всею землею. Отсюда вышли аборигены Европы — Лапландцы, Финны, Германцы, равно и Кельты, Кимбры, Готѳы, Гунны, Славяне и другіе народы, которые, въ среднія времена, наводнили собою нашу часть свѣта — что доказываетъ ихъ языкъ и нѣкоторые историческіе памятники. Африка, какъ можно судить по характеру обитателей Нила, также населена Азіатцами, проникнувшими въ нее съ сѣверо-востока. Сама Америка есть чадо той же матери — Азіи, съ незапамятныхъ временъ отторгнутое отъ своего роднаго материка какимъ нибудь переворотомъ.

Въ колыбели Востока началось и умственное воспитаніе человѣчества, коего прогрессивный ходъ такъ ясно показываетъ намъ Исторія. Тамъ образовался (и сохранился донынѣ) односложный языкъ — органъ общества еще младенчествующаго. Тамъ, подъ счастливѣйшимъ небомъ, въ первый разъ пробудилась между людьми поэзія; и юное проявленіе самосознанія человѣческаго, отдѣлившагося отъ неизмѣримой области чувства, было воззрѣніе въ туманную даль прошедшаго — воспоминаніе о первобытномъ, блаженномъ состояніи людей. То былъ первый вопль младенца, вышедшаго на свѣтъ изъ утробы матерней. Со

временемъ, когда пламенный взоръ поэзіи сдѣлался наблюдательнѣе, и сталъ искать болѣе вѣрныхъ слѣдовъ бытія человѣческаго въ прошедшемъ, тогда появилась Исторія, (которая впрочемъ во многихъ чертахъ осталась вѣрною своему поэтическому началу). По мѣрѣ того, какъ испытующій духъ болѣе развивался, и на останкахъ первобытныхъ, таинственныхъ свѣдѣній, уцѣлѣвшихъ въ преданіи, кои, конечно, внушены были самимъ Богомъ, руководившимъ юное племя людей, сталъ воздвигать попытки собственнаго созерцанія, — возникло сѣмя Философіи. Она, или покушаясь міръ нравственный объяснить явленіями внѣшними, облекла загадочными миѳами и символами науку естествовѣдѣнія, или, желая постигнуть будущую судьбу человѣка, наконецъ потерялась въ таинствахъ Астрологіи.

Такъ началось образованіе рода человѣческаго на Востокѣ (*). Отселѣ, съ размноженіемъ людей, оно перешло въ Египетъ и потомъ на острова Эллады. Греки, прививъ къ сему древу знанія новыя отрасли своего оригинальнаго генія и украсивъ цвѣтами изящнаго вкуса, въ свою очередь, пересадили оное на поля Италіи, и въ послѣдствіи распространили по всей Европѣ.

(*) Слѣды древности восточнаго образованія и доселѣ можно видѣть въ исполинскихъ памятникахъ миѳологическаго зодчества, находимыхъ въ Индіи.

Если весь родъ человѣческій произошелъ въ одной странѣ, то безъ сомнѣнія и отъ одного корня, — отъ одной четы; въ чемъ увѣряютъ насъ и Св. Писаніе и всѣ преданія народныя.

Не смотря на сіе, не откажемся ли мы отъ своей любимой мысли при одномъ простомъ взорѣ на безчисленное разнообразіе людей? Въ самомъ дѣлѣ, какая противоположность между бѣлымъ Европейцемъ и чернымъ Арабомъ, между воинственнымъ духомъ Бедуина и лѣнивымъ характеромъ Китайца, между ученымъ Нѣмцемъ и дикимъ жителемъ Америки? — Нѣтъ двухъ листовъ, совершенно одинакихъ, говоритъ Гердеръ; такъ равно нѣтъ и двухъ лицъ человѣческихъ, прибавимъ — и двухъ характеровъ, совершенно сходныхъ. И такъ не естественнѣе ли думать, что Богъ, создавши міръ, въ каждой странѣ поставилъ особое племя людей, и все человѣчество произошло отъ различныхъ родоначальниковъ? На сторонѣ сего мнѣнія многіе ученые мужи. Кантъ въ родѣ человѣческомъ назначаетъ семь главныхъ поколѣній, а Французскій физіологъ Демуленъ (*) насчитываетъ ихъ до 16. — Чтобы защитить мнѣніе, нами принятое, мы раскроемъ причины, которыя такъ измѣнили единство человѣческаго племени.

Но чтобы всѣ сіи причины привести къ одному началу и обозрѣть однимъ взглядомъ, мы

(*) Histoire naturelle des races humaines.

обратимся къ первобытному состоянію людей, и будемъ постепенно развивать оныя изъ идеи сего состояніе.

Жизнь природы поддерживается взаимнымъ бореніемъ силъ. Наша земля есть тѣло, подверженное непрестаннымъ потрясеніямъ. Окаменѣлыя животныя и растенія показываютъ, сколько измѣненій потерпѣла она прежде, нежели получила настоящій видъ и стала жилищемъ людей. Огонь, воздухъ, вода — сіи чада Кроновы, которыя приготовили изъ хаоса видимое разнообразіе горъ, долинъ, пещеръ, во времена творенія, и теперь еще не престаютъ потрясать землю своею бранію, хотя съ меньшею силою, ибо организмъ земли уже созрѣлъ и укрѣпился. Въ памяти людей сохранился одинъ изъ ужасныхъ переворотовъ, который имѣлъ на людей самое пагубное вліяніе. Кто знаетъ, можетъ быть въ послѣдствіи времени, когда земля состарѣется и жизненныя силы ея ослабѣютъ, она разрѣшится въ стихію солнца, или огня, какъ думали Древніе на Востокѣ и въ Греціи, и какъ полагаютъ нѣкоторые изъ новѣйшихъ испытателей природы.

Какъ настоящему состоянію нашей планеты предшествовали многіе катастрофы, такъ и видимое бытіе человѣка приготовлено было величайшимъ переворотомъ. Мы не знаемъ опредѣленно сей критической эпохи, рѣшившей судьбу всего человѣчества, — ибо факелъ Исторіи пога-

саетъ во мракѣ временъ первобытныхъ; только вѣра и преданіе поднимаютъ часть таинственной завѣсы, сокрывающей отъ насъ жизнь человѣка въ ея первоначальномъ источникѣ.

Всѣ древнѣйшія преданія люди принесли съ собою изъ Азіи. Оттолѣ вышло преданіе и о первобытномъ счастливѣйшемъ состояніи людей. Сказанія Еврейскія, Финикійскія, Египетскія, Персидскія, Индійскія, Ламайскія, Греческія, и всѣ сказанія древнихъ сѣверныхъ народовъ, суть не что иное, какъ отголоски одного эха, которое съ горъ Востока разлилось по всѣмъ хребтамъ, долинамъ и ущеліямъ земнымъ.

Преданіе сіе основывается на свойствахъ нашей природы.

Наша душа имѣетъ настроеніе *элегическое*. Живя на землѣ, мы чувствуемъ, что духъ нашъ, какъ странникъ, находится въ чуждой ему странѣ. Грубое тѣло связываетъ его свободную дѣятельность. Видимый міръ противоборствуетъ его высокимъ стремленіямъ. Его безсмертныя желанія часто или погасаютъ въ самомъ зародышѣ, или не имѣютъ успѣха въ своемъ исполненіи. — Противорѣчіе между идеями и поступками, между природнымъ чувствомъ и обыкновенною жизнію необходимо располагаетъ нравственное существо, уклонившееся отъ своего назначенія, къ скорби и унынію. — Вотъ почему мы въ жизни всегда чувствительнѣе для горести, нежели для сча-

стія! — Самыя пріятныя минуты тогда имѣютъ для насъ особенную прелесть, когда оттѣняются нѣкоторымъ ощущеніемъ грусти, или душевнаго томленія. — Вотъ почему всѣ народныя пѣсни, гдѣ въ большей свободѣ и чистотѣ изливается внутренняя, сокровенная жизнь человѣчества, особенно поэмы, воспѣвающія вѣкъ героическій, носятъ печать нѣжнаго, элегическаго чувства, которое такъ сильно говоритъ нашему сердцу. (*) Въ самой природѣ и во всѣхъ изящныхъ искусствахъ болѣе всего плѣняетъ насъ это видимое подобіе или проявленіе сего роднаго намъ чувства.

Но сквозь эту нравственную слабость въ человѣкѣ выказываются иногда необычайныя силы. Какое нибудь неожиданное обстоятельство, великое несчастіе, сильная страсть, великій примѣръ, нерѣдко великій проступокъ и даже болѣзнь тѣлесная внезапно обнаруживаютъ тайну ихъ существованія, — и въ человѣкѣ открывается новый, дотолѣ невѣдомый міръ. Какія чудеса, какія таинства открываютъ во глубинѣ духа человѣческаго: сонъ, бѣшенство, сомнамбулизмъ и магнитическое ясновидѣніе? Въ сихъ явленіяхъ мощный духъ какъ

(*) Симъ чувствомъ особенно дышетъ Поэзія Индѣйцевъ, какъ народа, по своей древности, болѣе близкаго къ вѣку первобытному.

бы насильно прорывается сквозь грубую кору, его покрывающую. Его странные и болѣзненные порывы доказываютъ, что онъ рожденъ не для земнаго, чувственнаго бытія, что онъ былъ нѣкогда свободенъ отъ тяжкаго бремени, подавляющаго его силы. Это плѣнникъ, жаждущій избавленія, который по временамъ потрясаетъ своими оковами, но не можетъ разорвать ихъ. Человѣкъ въ настоящей жизни носитъ въ себѣ развалины нѣкоего великаго и знаменитаго существованія.

Но какое было это существованіе? — Не утверждая съ новѣйшими мыслителями, что духъ нашъ обиталъ первоначально въ силахъ природы, мы, по идеѣ существа духовнаго и по внушенію религіи, скажемъ съ достовѣрностію, что его первобытное блаженство состояло въ высокомъ совершенствѣ, какъ умственныхъ, такъ и нравственныхъ силъ, но что онъ лишился сего совершенства злоупотребленіемъ своей свободы. Мы не можемъ вполнѣ объяснить, какъ произошла съ нашимъ духомъ такая чрезвычайная перемѣна; — это тайна, въ которой теряется нашъ умъ земной. Мы должны только внимать гласу вѣры и преданія.

И такъ человѣкъ, съ потерею первобытнаго состоянія, потерялъ совершенство нравственное. Прежде онъ находился въ тѣснѣйшемъ сообщеніи съ Божествомъ. Его воля имѣла одно благо, въ которомъ сосредоточивались всѣ ея

стремленія. (И если бы первобытное человѣчество сохранило свою невинность, тогда оно во всѣхъ проявленіяхъ своихъ представляло бы счастливѣйшее единство. Это было бы солнце, разливающееся въ безконечныхъ потокахъ свѣта, въ которомъ каждый лучъ отражаетъ въ себѣ весь океанъ свѣтоносный. Такъ мы думаемъ о высшемъ мірѣ духовъ.) Но когда человѣкъ удалился отъ общенія съ Богомъ, его дѣятельность разъединилась. Онъ сталъ въ разногласіи съ самимъ собою. Въ немъ остались еще высокія нравственныя начала; но воля его уклоняется отъ сихъ началъ, и его поступки не удовлетворяютъ волѣ. Кто можетъ опредѣлить нынѣ весь этотъ хаосъ мыслей, чувствъ, желаній, намѣреній и страстей, который, подобно вихрю Декартову, вращаетъ въ какомъ-то смутномъ и необъятномъ пространствѣ душу человѣческую? — Нынѣ жизнь человѣка протекаетъ въ вѣчной борьбѣ между истиною и заблужденіемъ, между добромъ и зломъ, между счастіемъ и несчастіемъ. И среди сей борьбы онъ даетъ жалкое бытіе другому творенію, переливаетъ въ него часть своего поврежденнаго существа, и сія юнѣйшая отрасль человѣчества уже во утробѣ матерней готовится для подобной же участи. Эта нравственная борьба, по свидѣтельству Св. Писанія, обнаружилась въ самомъ началѣ бытія человѣческаго. Еще въ первомъ семействѣ произошло раздѣленіе двухъ племенъ, —

Каинова и Сиѳова, кои цѣлые вѣки шли разными путями и въ нравственномъ и въ физическомъ отношеніи.

Человѣкъ въ первобытномъ состояніи всѣ вещи познавалъ въ чистѣйшемъ свѣтѣ. Теперь остались въ немъ однѣ темныя воспоминанія о первобытномъ вѣдѣніи. Всѣ возвышенныя идеи, какія только могутъ быть ему теперь доступны, онъ извлекаетъ изъ тайныхъ и подавленныхъ чувственностію останковъ созерцаній его блаженнѣйшаго бытія. (Извѣстно, что міръ внѣшній не даетъ намъ понятій; онъ только способствуетъ ихъ развитію.)

Потерявъ вѣдѣніе первобытное отъ вліянія на него тѣла и всей внѣшней природы, человѣкъ сталъ познавать въ частяхъ и смѣшанно то, что прежде онъ созерцалъ въ цѣлой полнотѣ и опредѣленности. Міръ идей, подавляемый чувственностію, въ немъ помрачился, и въ послѣдствіи сталъ проявляться только въ тускломъ и дробящемся созерцаніи. Теперь каждая нація имѣетъ свою отличительную идею, и каждый человѣкъ носитъ особую черту, образующую его характеръ. Теперь и каждый атомъ вѣдѣнія, какой только достается въ удѣлъ сыну Дедалову, теряется въ безчисленныхъ степеняхъ ясности и ощутительности представленій. Есть опыты, что отъ преобладанія внѣшности и всѣ духов-

ныя силы людей нерѣдко дремлютъ въ совершенномъ бездѣйствіи.

Такое умственное и нравственное разъединеніе человѣчества въ послѣдствіи имѣло вліяніе и въ физической его природѣ. Наше тѣло есть отпечатокъ души. Наши идеи, наши чувства, наши страсти просвѣчиваютъ въ немъ, какъ въ зеркалѣ. Св. Писаніе говоритъ, что дикій и злобный нравъ Каина отражался и въ его наружности, и на челѣ его полагалъ ясную печать отверженія Божія.

И такъ еще въ первыя минуты бытія человѣческаго зачалось то сѣмя раздѣленія, которое, постепенно развиваясь, представляетъ нынѣ безконечное разнообразіе въ родѣ человѣческомъ.

Но, будучи удаленъ безчисленными, можетъ быть, вѣками отъ временъ первобытныхъ и привыкнувъ къ настоящей жизни, человѣкъ обыкновенно думаетъ, что онъ всегда былъ таковъ, каковъ есть; и потому мы будемъ смотрѣть на него въ его настоящемъ положеніи и, по самому понятію его обыкновенной жизни, будемъ искать новыхъ причинъ его измѣненій.

Испытавъ надъ собою необычайный переворотъ, человѣкъ не иначе могъ привыкнуть къ новому для него жилищу, какъ приспособляясь къ образу дѣйствованія міра, его окружающаго. Растенія и животныя, какъ существа, болѣе близкія къ природѣ человѣка, имѣютъ извѣстныя

степени своей жизни; сама планета земная имѣетъ свои возрасты. Точно такъ и зародышъ человѣчества, который принесли съ собою на землю первые люди, развивается постепенно; и чѣмъ больше находится въ соприкосновеніи съ внѣшнею природою, чѣмъ болѣе электризуется обратнымъ ея дѣйствіемъ, чѣмъ болѣе принимаетъ въ себя ея силъ и обращаетъ оныя въ свою пищу; тѣмъ живѣе вращается его внутренній механизмъ, тѣмъ въ большихъ формахъ проявляются сокровенные органы его духовности, тѣмъ болѣе образуется соковъ для полноты его самопроизводящей, неистощимой жизненности.

Къ развитію духа приспособляется и самое тѣло. Въ глубокой древности, когда высшія силы духа находились въ усыпленіи, приготовляясь къ новой для нихъ дѣятельности, силы физическія, близкія еще къ своему источнику, расцвѣтали во всей свѣжести и полнотѣ своей юной и свободной жизни; ихъ дикое могущество преобладало надъ младенческимъ состояніемъ духа. Въ тѣ времена нужна была необычайная крѣпость тѣлесныхъ силъ, какъ для скорѣйшаго размноженія людей, такъ и для предотвращенія вреднаго вліянія природы. Посему-то Св. Писаніе замѣчаетъ о исполинѣ Немвродѣ, что онъ былъ ловецъ звѣрей. — Но когда потопъ положилъ конецъ вѣку героическому и преобразовалъ организмъ природы первобытной, тогда и внѣшность чело-

вѣка изъ гигантскихъ, классическихъ формъ, стала постепенно переходить въ болѣе искусственный и утонченный механизмъ, соотвѣтствующій усиливающейся жизни духа, способный ко всѣмъ его многообразнымъ проявленіямъ и напряженнымъ дѣйствіямъ. Нашъ тѣлесный организмъ, стѣсняясь отвнѣ, сталъ сосредоточиваться въ самомъ себѣ, дабы кругъ своихъ отправленій не столько расширять во внѣшней природѣ, сколько совокуплять оныя для внутренней, духовной жизни.

Доселѣ мы разсматривали дѣйствіе духа нашего на природу, его проявленіе во внѣ, и видѣли нравственныя причины измѣненія людей; теперь изслѣдуемъ воздѣйствіе природы на духъ; — и здѣсь взорамъ нашимъ представится необозримый рядъ явленій, въ коихъ и міръ физическій, находясь въ тѣснѣйшей связи съ міромъ духовнымъ, также выказываетъ свое могущественное вліяніе на судьбу человѣчества.

Человѣческое тѣло есть искусственнѣйшій, многосложнѣйшій организмъ во вселенной. Физіологія и Химія представляютъ намъ удивительное зрѣлище, разлагая оный, по возможности, на части, или лучше на тѣла и силы природы, его составляющія. Не одно царство растеній и не одно царство животныхъ возвышаются въ семъ благороднѣйшемъ созданіи. Самыя неорганическія вещества входятъ въ составъ его. Человѣкъ образовался въ массѣ всѣхъ стихій и силъ земныхъ.

Это средоточіе, къ которому проведены невидимыя нити отъ всѣхъ концевъ творенія. Его жизнь пробуждаетъ движеніе во всей природѣ; и потому не возможно, чтобы и самая природа не имѣла на него обратнаго дѣйствія. — Мы со всѣхъ сторонъ подвержены давленію воздуха, насъ окружающаго, и непрестанно пьемъ его электрическія волны, растворенныя непримѣтными для насъ испареніями, выходящими изъ поверхности и изъ нѣдръ земли. Безчисленныя силы природы, кои мы принимаемъ въ себя съ пищею, нѣсколько разъ обновляютъ нашъ организмъ въ продолженіи жизни; перемѣны дня и ночи измѣняютъ часто и наше здоровье, и приносятъ съ собою новое расположеніе духа и новую дѣятельность. Кромѣ солнца и луны, коихъ вліяніе на землю такъ ощутительно, и другія планеты, касающіяся атмосферы нашей земли, можетъ быть, также дѣйствуютъ на насъ, хотя скрытными путями. — Сколько причинъ, имѣющихъ неизбѣжное вліяніе въ жизни человѣка? Сколько случаевъ природѣ располагать судьбою своего владыки, часто слишкомъ далеко простирающаго свои мысли о свободѣ?

Тѣлесный организмъ нашъ стоитъ ближе къ міру внѣшнему, и онъ наиболѣе терпитъ его вліяніе.

Отъ чего люди такъ различны своею наружностію — цвѣтомъ и расположеніемъ лица, организаціею и способностями всего тѣла? — Скажемъ, отъ возвышеннаго или низкаго положенія

страны, отъ теплоты и холода атмосферы, зависящей отъ полюсовъ, отъ почвы земли и ея произведеній; отъ пищи, одежды, образа жизни и другихъ физическихъ причинъ, кои въ общей массѣ обыкновенно разумѣютъ подъ именемъ *климата*. Мы не можемъ особою чертою опредѣлить дѣйствіе каждой матеріяльной силы, свойственной каждой странѣ земли. Это значило бы стараться разложить лучи, сосредоточенные въ фокусѣ. Довольно, если физіологія открываетъ намъ только главные очерки сокровеннаго механизма природы. Такъ въ странѣ, прилежащей полюсу, гдѣ мертвѣющая природа ничего не представляетъ, кромѣ ледяныхъ скалъ и угрюмыхъ гранитныхъ горъ, и въ ослабленіи своихъ органическихъ силъ едва производитъ нѣсколько и то самыхъ скудныхъ родовъ живущихъ тварей и растеній; тамъ и человѣкъ раждается бѣдный и тѣломъ и душею, напримѣръ, безобразный и тупоумный Гренландецъ.

Впрочемъ, говоря о климатѣ, мы не хотимъ вдаваться въ крайность, распространяя слишкомъ далеко его вліяніе на человѣка. Коренное начало измѣненія находится въ самомъ нашемъ тѣлѣ, — въ его организаціи (*). Тѣло наше есть особая природа, которая существуетъ по своимъ зако-

(*) Такъ думаетъ большая часть физіологовъ.

намъ, и развивается собственною, прирожденною, самостоятельною силою. Эта сила торжествуетъ часто и надъ могуществомъ климата. Переселите жителя Африки въ какую угодно страну, — онъ не измѣнитъ своему племени, и всегда останется съ тѣмъ же чернымъ лицемъ, съ тѣми же курчавыми волосами, съ своимъ плоскимъ носомъ и съ большими выпуклыми губами. Только долговременная, вѣковая осѣдлость измѣняетъ породѣ людей — такъ измѣнились всѣ народы — выходцы Азіи, или смѣшеніе родовъ; такъ исчезли въ Европѣ многія племена Могольскія. Творецъ не хотѣлъ, чтобы природа произвольно играла нами; но хотѣлъ, чтобы тѣло наше болѣе зависѣло отъ нашего духа, и въ своихъ отправленіяхъ, сколько можно, удобнѣе отражала его развитіе. Посему генетическая сила нашего тѣлеснаго состава есть какъ бы внѣшній знакъ, или проявленіе воли человѣка, матеріяльный феноменъ его внутренней лабораторіи.

Посредствомъ тѣла міръ физическій дѣйствуетъ и на духъ человѣка. Отличительный типъ климата виденъ во всемъ существѣ его. Душа его выходитъ на свѣтъ вмѣстѣ съ тѣломъ; съ нимъ она растетъ и воспитывается въ извѣстномъ кругу природы. Здѣсь онъ получаетъ первыя на себя впечатлѣнія, въ первые начинаетъ различать предметы; по нимъ настроиваетъ свои понятія. Душа привыкаетъ къ своей отческой

природѣ, какъ привыкаетъ дитя къ своему руководителю, — сродняется съ нею.

Вліяніе климата на духъ человѣческій обнаруживается особенно въ развитіи умственныхъ способностей. — На юговостокѣ, — гдѣ природа являетъ собою осуществленный идеалъ прелести и красоты, — и поэзія настроивается къ пріятной и нѣжной мелодіи. Къ сѣверу, гдѣ неприступные утесы, пропасти и пустыни служатъ символомъ какого-то дикаго величія, — гдѣ взоръ какъ бы помрачается при видѣ ужасающихъ явленій, — воображеніе погрузилось въ меланхолическія, но гигантскія мечты, и восхотѣло проникнуть таинства магіи. Изъ Азіи магія перешла и ко всѣмъ древнимъ сѣвернымъ народамъ, гдѣ въ гористыхъ и приморскихъ странахъ она болѣе всего могла найти для себя пищи.

И религіозныя понятія древнихъ народовъ также образовались по свойству климата. Норманны, дѣти страны грубой, воспитанные кровію животныхъ, не могли иначе представлять своего Одена, какъ божествомъ браннолюбивымъ, веселящимся трупами враговъ. Напротивъ, кроткіе и нѣжные Индѣйцы пролитіе крови считаютъ тяжкимъ грѣхомъ. Роскошная ихъ миѳологія позволяетъ купаться своему богу въ морѣ молока и сласти — (это любимая пища ихъ страны). Приморскіе Перуанцы называютъ море своею матерію и божествомъ, а живущіе далѣе на сушѣ обоготворяютъ землю.

Замѣтимъ частнѣе, какъ въ самой Европѣ дѣйствуетъ на людей различіе климатовъ. Не смотря на ту тѣснѣйшую связь, въ какую настоящія государства поставлены своею религіею, политикою и просвѣщеніемъ, какъ явственно отличается ихъ національный духъ, ихъ разнородныя направленія? — Италія — эта Европейская Индія, между всѣми державами процвѣтаетъ эстетическимъ образованіемъ. Ея живописныя долины — родная страна всѣхъ изящныхъ искусствъ. Другое направленіе имѣетъ Англія, обложенная своими морями и окруженная по большой части угрюмыми картинами природы. Воздухъ, отягченный парами, сгущая кровь ея жителей, охлаждаетъ въ нихъ живую игру страстей, раздражающую нервы пылкаго Италіянца, располагаетъ къ меланхоліи и даетъ всему ихъ характеру черту какой-то гордой важности и глубокомыслія, которая ихъ дѣлаетъ особенно способными къ промышленности и механическимъ искусствамъ, требующимъ постояннаго напряженія силъ. Такой характеръ удержала въ себѣ и самая ихъ поэзія. Въ ней нѣтъ тѣхъ великолѣпныхъ и нѣжныхъ цвѣтовъ, кои Данте и Петрарка такъ удачно собирали у подошвы Аппенина. Оссіанъ, Шекспиръ, Байронъ уклонились въ область мрачнаго, трагическаго чувства, и постигли новый, оригинальный міръ въ духѣ человѣческомъ.

Климатъ имѣетъ сильное вліяніе и на разви-

тіе практическихъ способностей, — на самый образъ жизни людей. Въ древнія времена, когда люди, размножаясь, начали выходить изъ страны, служившей имъ колыбелію, тогда одни остались въ горахъ, въ разсѣяніи провождали суровую жизнь, и звѣриною ловлею снискивали себѣ пищу и одѣяніе. Тѣ, кои сошли въ долины, начали совокупляться въ общества; стада кроткихъ животныхъ, сотворенныхъ для домашней жизни человѣка, блуждали тогда по лугамъ и лѣсамъ, и ожидали только руки, которая бы могла покорить ихъ своей власти и употребить для своей пользы. И отселѣ естественно родились въ средней Азіи скотоводство и земледѣліе, какъ начатки гражданскаго образованія.

Когда племя людей достигло приморскихъ странъ, тогда недостатокъ естественныхъ произведеній заставилъ ихъ искать новыхъ способовъ для своего продовольствія. Они стали заниматься рыбною ловлею, которая предполагаетъ уже многія искусства и свѣдѣнія въ житейскомъ бытѣ. Со временемъ они открыли и торговлю, и тѣмъ положили новое и важнѣйшее звѣно въ лѣствицѣ человѣческаго образованія. Философія Грековъ и древнихъ Италіянцевъ родилась въ приморскихъ, торговыхъ городахъ.

Племя Аравійское представляетъ намъ занимательную картину по роду жизни. Въ знойныхъ и неизмѣримыхъ пустыняхъ своей страны Арабъ

раждается и воспитывается для бурнаго, воинственнаго промысла. Природа, какъ бы нарочно, для его отважнаго ремесла дала ему удивительно чуткое ухо, которое на неимовѣрное пространство слышитъ приближеніе путешествующаго каравана; дала вѣрнаго друга въ его бодромъ и прекрасномъ конѣ. Съ нимъ и въ кругу своихъ храбрыхъ товарищей, онъ веселъ при всѣхъ опасностяхъ своей скитальческой жизни. Его душа свѣтла, какъ его отечественное небо, и тѣло крѣпко, какъ скалы, служащія для него убѣжищемъ.

Такъ благодѣтельная природа во всѣхъ странахъ разсыпаетъ дары свои, и ни одно человѣческое племя не остается безъ ея помощи. Каждый народъ имѣетъ свои выгоды, и счастливъ въ предѣлахъ своихъ понятій и своей родной земли. Мы ошибаемся, если изъ своего круга смотримъ на дикихъ людей, какъ на жалкія и низкія творенія. Нѣтъ! каждый дикарь вкушаетъ свои удовольствія, и онъ своими устами и сердцемъ умѣетъ благодарить Провидѣніе за бытіе, ему дарованное. Съ другой стороны, эта искуственная жизнь, которая кажется намъ такъ пріятною и такъ возвышаетъ насъ надъ состояніемъ людей необразованныхъ, — эта утонченность раждаетъ и многія болѣзни физическія и нравственныя, которыя отравляютъ шумное и блистательное счастіе Европейца. Дикарь живетъ въ мирной простотѣ природы; не знаетъ ни лож-

ныхъ призраковъ воображенія, коихъ мы часто ищемъ въ жизни, ни той чувствительности, которая изнуряетъ нервы просвѣщеннаго сластолюбца. Онъ всегда съ новою свѣжестію души, съ новымъ веселіемъ сердца наслаждается вѣрными благами, которыми надѣлила его матерь-природа.

Изъ нравственной и физической жизни людей образуется жизнь политическая, которая довершаетъ разнообразіе племени человѣческаго.

Человѣкъ, вступая въ общество, теряетъ часть своей естественной свободы. Его дѣятельность умственная и физическая ограничивается законами. Тогда возникаютъ различныя отношенія между членами общества, равно какъ и между цѣлыми обществами, и образуется различный національный духъ, обыкновенно опредѣляемый климатомъ и другими свойствами страны. Въ жизни политической особенно дѣйствуетъ на людей сила *мнѣній*, основывающихся по большой части на авкторитетѣ и на страсти подражанія. Сіи мнѣнія происходятъ отъ предковъ, отъ учредителей обществъ, отъ законодателей, отъ правительства, отъ религіи, отъ воспитанія и множества другихъ обстоятельствъ. Все сіе составляетъ массу причинъ, кои придаютъ новыя черты разности физіогноміи людей.

И такъ отъ взаимнаго дѣйствія природы нравственной и физической произошли всѣ видоизмѣненія, усматриваемыя въ родѣ человѣческомъ.

Но всѣ сіи видоизмѣненія не что иное суть, какъ безчисленные оттѣнки одной картины огромной и великолѣпной. Всѣ мы дѣти одного отца, такъ какъ творенія одного Бога, и Африканскій негръ есть нашъ собратъ, который, вкупѣ съ нами, имѣетъ всѣ права на человѣческое достоинство, всѣ права на нашу любовь и уваженіе. Правда, чувство человѣчества можетъ нѣсколько огорчаться видимою неровностію въ судьбѣ людей, но на дикихъ мы должны смотрѣть, какъ на избранныхъ младенцевъ, коихъ благое провидѣніе въ настоящей жизни воспитываетъ для своихъ премудрыхъ цѣлей. Опытъ показываетъ намъ, что родъ человѣческій идетъ къ своему совершенству не въ цѣломъ, а въ частяхъ. Въ семъ случаѣ человѣчество какъ бы смѣняется на поприщѣ образованія; и одинъ народъ, совершивъ свой опредѣленный кругъ, уступаетъ мѣсто другому, передаетъ ему пріобрѣтенныя имъ сокровища и самъ отходитъ на покой, утомясь отъ напряженія силъ своихъ. Древній житель Востока, или просвѣщенный Грекъ, смотря на болота и дремучіе лѣса Германіи, среди коихъ блуждали толпы дикихъ и страшныхъ по виду людей, могъ ли подумать, что здѣсь нѣкогда возникнутъ благоустроенныя общества и будутъ процвѣтать науки, о которыхъ и самый городъ Минервинъ не слыхалъ въ своихъ Академіяхъ и Лицеяхъ. Мы нынѣ смотримъ съ жалостію или, можетъ быть, съ презрѣ-

ніемъ на грубыя племена, кои въ образованіи отстали отъ насъ на такое разстояніе; но, можетъ быть, какой нибудь переворотъ нравственный или физическій и въ нихъ нѣкогда пробудитъ новую жизнь и новую дѣятельность. Уже теперь мы видимъ, какъ свѣтъ образованія, заходящій съ краевъ Европы, начинаетъ мало по малу освѣщать и пустынныя страны Америки.

В. Пр. — скій.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЧТЫ.

НѢЧТО О РЫЦАРЯХЪ.

Римъ палъ! и міръ явился въ новомъ хаосѣ, увидѣлъ ужасную вольность! Дикіе сыны сѣвера и востока, тѣснясь, съ яростію стремились къ сердцу безжизненнаго уже, нѣкогда страшнаго властителя народовъ. Европа представляла картину боренія блуждающихъ истребительныхъ силъ; города разрушены, поля и села опустошены, права и справедливость попраны; все трепетало передъ сильнымъ, и сильный, низпровергая и порабощая все, дѣлался жертвою сильнѣйшаго. Отважность и дерзость, составляя лучшія и единственныя достоинства, всюду находили послѣдователей и поборниковъ; слабость, вздыхая, молчала подъ тяжкой рукою силы; власть, неосвященная законами, неузнанная невѣжествомъ и непонимавшая сама себя, была безсильна обуздать дикую грубость, руководимую страстями; державы основывались и упадали; на ихъ развалинахъ возставали новыя. Къ концу перваго тысячелѣтія, кажется, злобствующій противъ Запада, Востокъ уставалъ уже извергать грозную, гибельную лаву варварства; — но Европа не была покойна.

При недостаткѣ нравственнаго и гражданскаго образованія, молодое дворянство не могло

имѣть занятій, не могло не скучать отъ бездѣйствія; а сей недостатокъ занятій, эта скука погружали робкихъ и лѣнивыхъ въ постыдныя распутства, и побуждали смѣлыхъ и дѣятельныхъ къ охотѣ и войнѣ. Послѣдняя была часто предпочитаема, тѣмъ болѣе, что она, сближая и обогащая отважныхъ, въ слабыхъ вселяла страхъ, а имъ предоставляла величіе: грубость, не зная пріятностей уваженія, гордится искусствомъ ужасать!

Неопредѣленность правъ и владѣній раждала споры; а при недостаткѣ законовъ, правосудія и сильной земской полиціи, прибѣгали къ оружію, какъ единственному средству рѣшать всякое недоумѣніе въ справедливости. Суевѣріе, назвавъ сію ужасную расправу *судомъ Божіимъ* (*), содѣлало ее въ глазахъ невѣжества священною: сильный былъ всегда правъ! Слабые дѣлали заговоры, составляли союзы. И такъ война сдѣлалась ремесломъ безпокойныхъ, необходимостью миролюбивыхъ; въ войнѣ находили судъ и расправу; въ войнѣ искали без-

(*) Такъ называемый Божій судъ, который получилъ начало отъ мнѣнія, что невинный не можетъ пострадать и всегда остается побѣдителемъ даже самыхъ стихій, рѣшалъ все поединками и вообще сраженіями; а наконецъ до того дошло, что подозрѣваемые въ преступленіяхъ были посылаемы въ воду и въ огонь, въ той увѣренности, что невинный не погибаетъ. Онъ, вѣроятно, былъ усиленъ фатализмомъ Магометанъ, овладѣвшихъ Испаніею.

опасности, которой не могли дать никакія укрѣпленія: ни глубокіе рвы, ни высокіе валы, ни огромныя башни, ни крѣпкія стѣны зáмковъ, выстроенныхъ на утесистыхъ скалахъ. Вездѣ кипѣла война, вездѣ лилась кровь; пылающія села вездѣ возвѣщали ужасъ разоренія, гибель подданныхъ и паденіе владѣтельныхъ домовъ; земледѣліе и торговля, безпрерывно попираемыя междоусобіями, не могли пропитывать и трудолюбивѣйшаго; проѣзжіе были грабимы и убиваемы; прелестный полъ долженъ былъ скрываться: красота дѣвъ и женъ, имѣвшихъ несчастіе встрѣтить взоръ сильнаго, сластолюбиваго злодѣя, влекла гибель цѣлому дому: слезы невинности, узы брака, презрѣніе и ненависть къ похитителю не могли защитить отъ похищеній, не могли погасить неистовыхъ желаній. Ничто, ниже самое Христіанство не могло прекратить сихъ ужасовъ. Напрасно Духовенство учредило такъ называемый Божій миръ (*): гдѣ дѣйствуютъ однѣ страсти, тамъ нѣтъ святаго; гдѣ невѣжество господствуетъ надъ разумомъ и закономъ, тамъ, безпрестанно твердя о Вѣрѣ, забываютъ ее въ дѣлахъ.

(*) Духовенство на Соборѣ постановило, и Папа утвердилъ буллою, чтобы три дня въ недѣлѣ были свободны отъ всякихъ распрь. Сначала сіе постановленіе было не безполезно, а потомъ сдѣлалось гибелью; ибо въ прочіе дни всякія злодѣйства почитались законными.

Минувшее было извѣстно по однимъ только темнымъ преданіямъ: величіе Рима, обычаи всемірнаго властителя, подвиги героевъ его и слава вѣковъ бывшихъ, — все воспламеняя фантазію, волнуя страсти и раждая желаніе подражать дѣламъ славнымъ, увеличивало безпорядки: такъ развалины Рима волновали міръ!

Наконецъ Духовенство южной Франціи, замѣтивъ сіе направленіе духа, умѣло обратить вниманіе молодаго дворянства къ подвигамъ гораздо благороднѣйшимъ, представляя ему, сколь славно поражать враговъ отечества, сколь свято защищать Христіанъ противъ невѣрныхъ, и сколь предосудительно, сколь гибельно извлекать мечъ противъ соотечественниковъ, сосѣдей, единовѣрцевъ. Чтобы воспламенять юношество, разсказывали и украшали новыми вымыслами повѣсти о походахъ Карла противъ Арабовъ. Народныя пѣсни и сказки о геройскихъ подвигахъ его спутниковъ были наполнены несбыточными чудесами, которыя производили Роланды, Экгарты и другіе. Они, разъѣзжая по бѣлу свѣту, для наказанія вѣроломныхъ, для освобожденія похищенныхъ красавицъ и плѣнныхъ Христіанъ, для борьбы съ невѣрными и волшебниками, искали опасностей: вездѣ пѣли о сихъ небывалыхъ подвигахъ. Какая слава, какія лестныя награды! Молодое дворянство съ восторгомъ слушало эти повѣствованія, и пламенѣло желаніемъ сравниться съ сими образцами.

Такимъ образомъ тотъ же самый недостатокъ занятій, та же самая жажда дѣлъ и страсть къ приключеніямъ были причиною, что мечты и вымыслы начали осуществляться: пылкіе юноши, увлеченные мечтательностію, заключали дружескіе союзы, составляли общества. Скоро въ южной Франціи и въ Испаніи возникъ великій орденъ Рыцарей, въ который вступая, всякъ долженъ былъ клясться: поражать Мусульманъ, защищать угнетенныхъ, покровительствовать вдовамъ и сиротамъ, мстить за оскорбленіе слабой невинности, — цѣль мечтательная, но благороднѣйшая! Въ это общество могли вступать только дворяне фамилій безпорочныхъ, и имѣющихъ, по крайней мѣрѣ, три колѣна старшинства. Такая разборчивость еще болѣе облагородила союзъ. Орденъ безпрерывно увеличивался, получалъ большую важность; такъ, что въ послѣдствіи Короли и Императоры за честь себѣ поставляли называться Рыцарями. Дѣти дворянъ съ малолѣтства были приготовляемы къ сему званію.

При вступленіи въ юношескій возрастъ отправляли ихъ къ дворамъ извѣстныхъ Рыцарей, для наученія обязанностямъ и дѣламъ сего общества. Сначала каждый изъ нихъ долженствовалъ быть пажемъ, потомъ (въ Германіи получалъ званіе *Кнаппе*) вступалъ въ должность конюшаго и оруженосца при своемъ наставникѣ. Сопровождая его въ походахъ и странствованіяхъ, подводилъ

коня, подавалъ оружіе, былъ при немъ во время боя; наконецъ, когда уже отличалъ себя мужествомъ, великодушіемъ и храбростію, былъ посвящаемъ въ Рыцари. Посвященіе совершалось различно: когда облекался въ достоинство Рыцаря какой либо знаменитый юноша, то обрядъ сей отправлялся при великомъ торжествѣ, въ собраніи владѣтелей, духовенства, рыцарства, дворянства, знатныхъ дамъ и при великомъ стеченіи народа; а для большей пышности многіе недостаточные оруженосцы были при семъ случаѣ также посвящаемы; — торжество происходило иногда при дворѣ, а иногда въ церкви; но всегда оканчивалось дарами духовенству, раздачею милостынь и шумнымъ пиршествомъ. Бѣдные довольствовались меньшими, соотвѣтственными своему состоянію, церемоніями; а иногда достаточно бывало только простаго троекратнаго ударенія обнаженнымъ мечемъ, чтенія извѣстной молитвы и краткаго увѣщанія, ибо въ этомъ только состояло существенное посвященіе. Иногда герой Рыцарь, непосредственно послѣ одержанной имъ побѣды, на полѣ сраженія посвящалъ юношей, ознаменовавшихъ тотъ день великими подвигами. Часто духовенство заранѣе предписывало посвящаемому набожныя приготовленія, состоящія въ постѣ, молитвѣ, очищеніи, бодрствованіи, раздаваніи милостыни. Такъ въ эти мечтательные вѣки во всемъ господствовало стремленіе къ высокому, и все

прикрываемо было набожностію. Такъ духъ рыцарства, смѣсь набожности съ мечтательностію, быстро разлился по всей Европѣ. Въ XI и XII столѣтіяхъ рыцарство, подстрекая и усиливая всеобщій энтузіазмъ къ крестовымъ походамъ, само безпрестанно еще болѣе возрастало и усиливалось; въ XIII и XIV вѣкахъ вездѣ на Востокѣ и Западѣ раздавались пѣсни въ честь Рыцарей, совершившихъ великіе подвиги за вѣру, за угнетенную невинность и въ честь красоты — идола рыцарства.

Рыцарь долженъ былъ не только пользоваться каждымъ случаемъ доказать свою неустрашимость, мужество и строгую вѣрность въ соблюденіи клятвъ, но искать таковыхъ случаевъ, разъѣзжая изъ страны въ страну. Въ сихъ походахъ часто имъ удавалось помогать прекрасному полу; часто одолженныя красавицы платили сердцами, любовію. Рыцари въ исполненіе клятвъ старались о ихъ спокойствіи и доставленіи имъ удовольствія: угожденія въ сердцѣ скромной, чувствительной дѣвушки рождаютъ благодарность, производятъ душевное расположеніе и ласковое, привѣтливое обращеніе; а въ мысляхъ гордой, прихотливой подстрекаютъ надменность, страсть къ требованіямъ и надежду къ властвованію. Рыцари, пылая славолюбіемъ и слѣдуя непримѣтной нити природы, искали, между прочимъ, случаевъ болѣе и болѣе угождать красавицамъ; ибо тихую

изъ прелестныхъ устъ похвалу, сопровождаемую яркимъ румянцемъ стыдливости, эхо всегда и вездѣ повторяло громче, нежели трубный звукъ славы. Смѣтливыя красавицы не лѣнились съ своей стороны угождать чудакамъ повелѣніями и порученіями самыхъ дерзновенныхъ предпріятій, коихъ они желали, коихъ съ жадностію искали; не упускали случаевъ служить имъ своими прихотями, неограниченнымъ властвованіемъ. Рыцари гордились своимъ раболѣбствомъ.

И такъ къ фанатическому духу рыцарства присоединилось еще *волокитство*. Каждый выбиралъ себѣ красавицу (по своему вкусу). Избранная сначала должна была казаться строгою, непреклонною къ своему обожателю, должна нѣжно томить вздыхателя, являясь то благосклонною, то суровою, возлагать на него трудныя странствованія, въ которыхъ онъ, ища опасностей, могъ бы заслужить ея любовь неустрашимостію и мужествомъ. Часто Рыцарь, тайно вздыхая и по обыкновенію до невѣроятности превозносѣ красоту дѣвицы, раздражалъ тѣмъ другихъ Рыцарей, и долженъ былъ драться на смерть за ту, которая едва знала о существованіи его; часто, не находя средствъ изъяснять страсть свою, умышленно входилъ въ споръ съ другимъ о превосходствѣ ихъ повелительницъ, и вступалъ въ бой на жизнь и смерть съ порицателемъ прелестей и добродѣтели обожаемой имъ, дабы обратить на

себя ея вниманіе. Но когда Рыцарь смѣлъ гласно назвать ее *своею*, тогда на груди носилъ ея изображеніе, имѣлъ что либо изъ ея рукодѣлій; получалъ отъ нея пароль, который во всѣхъ битвахъ, во всѣхъ опасностяхъ произносилъ, какъ бы нѣкое волшебное заклинаніе, могущее содѣлать его непобѣдимымъ, безсмертнымъ; писалъ оный на щитѣ на панцырѣ. Когда отправлялся онъ на рыцарскія игры, прелестная повелительница возлагала на него доспѣхи, и, подавая оружіе, дарила что либо, какъ новое доказательство любви, какъ новый талисманъ, возбуждающій мужество и силу; необходимо должна была присутствовать на сихъ играхъ, и тамъ, во время битвы, подкрѣплять его то взглядомъ, то новымъ подаркомъ. Такъ похвальное уваженіе къ женскому полу, неизвѣстное древнимъ народамъ, быстро возрастая, перешло въ дѣтскія забавы, и наконецъ превратилось въ совершенное сумазбродство. Извѣстный Историкъ Беккеръ разсказываетъ, что одинъ Французской Рыцарь, для полученія руки обладательницы его сердца, по ея повелѣнію, долженъ былъ побѣдить тридцать Рыцарей и отнять у нихъ портреты ихъ красавицъ. Разъѣзжая цѣлый годъ по всей Европѣ, онъ искалъ и вызывалъ въ бой Рыцарей, желающихъ съ нимъ сразиться за изображеніе возлюбленной. По истеченіи сего времени Рыцарь съ восторгомъ счастливаго любовника повергъ сію дань къ ногамъ своей владычицы. Другой, получивъ отъ

милой тиранки длинную золотую цѣпь, которою она оковала ему руку и ногу, долженъ былъ ѣздить пять лѣтъ по всѣмъ странамъ Европы; вездѣ сражаясь за свои оковы, долженъ возвратиться непобѣдимымъ, и промѣнять эти узы на узы брака. Но счастіе сему произвольному. узнику-герою не послужило. Когда, прибывъ въ Парижъ, вызывалъ чрезъ герольда всѣхъ Рыцарей, желающихъ сорвать съ него золотую цѣпь; то явился славный Сонтре, который побѣдилъ его во всѣхъ родахъ сраженій, сорвалъ съ него безцѣнные оковы, и лишилъ еще вожделѣннѣйшихъ узъ.

Наконецъ третій случай, повѣствуемый симъ Историкомъ, еще болѣе показываетъ, съ какимъ усиліемъ мечтатели истощали все остроуміе, дабы содѣлаться болѣе сумазбродными (судя по нашему образу мыслей) и достигнуть высшей степени Рыцарскаго неистовства: въ 1226 году, во время Сейма у Ландграфа Тирингскаго, явился въ Мерзебургъ Рыцарь Вальтланъ фонъ Заттельштетъ. Онъ, разкинувъ великолѣпный шатеръ,— въ которомъ сидѣла его прекрасная молодая жена, имѣя на рукѣ ястреба и у ногъ красивую гончую собаку, — приказалъ Герольдамъ вызывать въ бой на дротикахъ всѣхъ рыцарей и дворянъ, съ условіемъ, что каждый побѣжденный отдаетъ его женѣ кольцо своей возлюбленной, а побѣдитель получитъ его жену, коня, ястреба и собаку. Въ вечеру торжествующій фонъ Заттельштетъ

имѣлъ счастіе видѣть всѣ пальцы надменной молодой супруги, покрытые кольцами.

Такъ называемые, блуждающіе рыцари, образцы Сервантесова Донъ Кихота, были еще смѣшнѣе. Не имѣя ни помѣстій, ни даже скудныхъ средствъ къ пропитанію самихъ себя, они ѣздили по свѣту изъ края въ край, изъ страны въ страну, для исправленія и улучшенія міра; вездѣ требовали себѣ, и часто насильственно, ежедневнаго пропитанія; — монастыри были для нихъ лучшимъ пристанищемъ; — часто голодъ и всѣ роды недостатковъ побуждали ихъ совсѣмъ не къ рыцарскимъ занятіямъ — къ грабежу. Сіи мечтатели нищіе, скитаясь по всему свѣту, влюблялись во всѣхъ знатныхъ прекрасныхъ дѣвицъ и замужнихъ; но никого не прельщая, были всеобщимъ посмѣшищемъ и забавой, даже въ тѣ времена мечтательности.

Таковое изступленіе, состоящее изъ чудной смѣси добродѣтелей и пороковъ, было причиною рыцарскихъ увеселеній — *Турнировъ*, которые, поддерживая воинственный духъ, способствовали вмѣстѣ и распространенію рыцарскаго любезничества.

Отважные искатели приключеній, возвращавшись изъ далекихъ, трудныхъ походовъ, подъ мирнымъ отеческимъ кровомъ любили вспоминать о минувшихъ опасностяхъ: въ правой рукѣ, кипящій виномъ — дѣдовское наслѣдіе — серебряный кубокъ, лѣвою обвившись вкругъ бѣлоснѣжной шеи милой

супруги, съ жаромъ разсказывалъ рыцарь о дѣлахъ и побѣдахъ своихъ; сладкіе, страстные поцѣлуи, разтворяемые виномъ, воодушевляя повѣствователя, украшая повѣствованія, воспламеняли слушательницу. Побѣда, любовь и вино; вино, поцѣлуй и снова побѣда! Воображеніе красавицы паритъ вдаль; кровь закипѣла; она хочетъ видѣть битву!

Скучая бездѣйствіемъ въ мирное время, герои въ темную осеннюю ночь, собравшись вкругъ пылающаго камина, часто и скоро посылали круговую чашу въ воспоминаніе битвъ, опасностей и славы; — шумъ пиршества славитъ шумъ бранный! Молодой пажъ - оруженосецъ, свидѣтель минувшихъ бѣдъ и торжествъ на полѣ чести, — здѣсь подъ сводами огромной готической залы, въ кругу прелестныхъ дѣвъ и женъ, изъ сподвижника героевъ дѣлается поэтомъ-повѣствователемъ — бардомъ; здѣсь одушевленный вниманіемъ слушательницъ, восклицаніями пирующихъ, представленіемъ прошедшихъ трудовъ и успѣховъ, одобряемый взглядомъ живыхъ, пламенныхъ глазъ, онъ живо описываетъ шумный лагерь и грозныя битвы; тамъ, страшный для враговъ, его рыцарь смѣлымъ натискомъ опрокинулъ полки непріятельскіе; тамъ сей посѣдѣлый витязь, презирая тысячи смертей, несъ гибель и ужасъ въ ряды изступленныхъ Мусульманъ; а тамъ сей юноша еще не твердой рукой отразилъ страшный мечъ отъ главы бодраго старца; тамъ собственнымъ щитомъ отвелъ

копье отъ груди своего наставника. Душа въ словахъ, огонь въ очахъ, жизнь въ движеніяхъ повѣствователя! Кто не прочтетъ на пылающихъ щекахъ, орошаемыхъ слезами, на полуоткрытыхъ розовыхъ устахъ юной дѣвы, кто не прочтетъ благодарности за спасеніе ея отца, за столь пламенное къ нему усердіе юноши? — Такъ! она желала бы благодарить его. Но отъ чего стыдилась она сего чувства? Она желала, она думала: почему ты еще не рыцарь? Я бы могла благодарить тебя! — Могли ли прихотливыя красавицы, воспламененныя живымъ, жаркимъ разсказомъ, не пожелать видѣть неустрашимость и мужество своихъ рыцарей? Отважные, услужливые поклонники красоты, разгоряченные воспоминаніемъ, виномъ и любовію, могли ли устоять противъ сихъ желаній? И вотъ они уже въ доспѣхахъ, уже на коняхъ, уже собираютъ воиновъ и, въ полѣ раздѣлившись на равныя толпы, составляютъ дружеское потѣшное сраженіе.

Сначала таковыя собранія были только пріятельскія забавы; потомъ, когда сдѣлались гласными, то въ нихъ начали участвовать и посторонніе люди. Такимъ образомъ сіи игры мало по малу стали быть дѣломъ общимъ, въ которое входили правительства, и для котораго были составлены особенныя правила, законы. Происхожденіе ихъ относятъ къ одиннадцатому столѣтію; но поединки на турнирахъ явились гораздо

позже. Древнѣйшій извѣстный Турниръ, на которомъ сражались одинъ на одинъ, былъ 1203 года.

Большіе Турниры совершались обыкновенно въ честь какого либо торжественнаго дня. Въ семъ случаѣ *судьи* и *смотрители* ратоборства заблаговременно объявляли во всѣхъ сосѣдственныхъ державахъ и при Дворахъ отдаленныхъ государствъ о предстоящемъ Турнирѣ. Въ назначенное время рыцари всѣхъ странъ являлись, въ сопровожденіи многочисленныхъ свитъ, въ богатыхъ убранствахъ, блестящихъ доспѣхахъ, въ грозномъ вооруженіи. Впрочемъ не всѣ рыцари могли участвовать въ сихъ играхъ; многіе собирались только для того, чтобъ быть зрителями. Сюда допускались только изъ владѣтельныхъ и знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій. Каждый желающій участвовать въ сихъ увеселеніяхъ, долженъ былъ явиться къ судьямъ ратоборства и доказать право дѣйствовать на таковыхъ турнирахъ, доказавъ знатность происхожденія, или особенно важныя достоинства, заслуги и подвиги, прославившіе имя его, въ уваженіе которыхъ иногда дѣлалось исключеніе въ пользу рыцарей незнатнаго происхожденія.

Игры происходили въ полѣ; мѣсто, назначаемое для оныхъ, обносили перилами, за коими турнирные служители удерживали народъ отъ безпорядковъ. Дамы и другіе знатные зрители помѣщались на балконахъ и подмосткахъ, устроенныхъ амфитеатромъ. Когда собирались судьи ра-

тоборства, турнирные старѣйшины и всѣ знаменитые посѣтители, герольдъ давалъ знакъ, и все умолкало; провозвѣстникъ читалъ главные законы и условія игръ. За симъ ратоборцы по военной музыкѣ въѣзжали по два въ рядъ за перила; герольдъ провозглашалъ нхъ имена. Впрочемъ, ежели рыцарь желалъ скрыть свое имя, то освобождался отъ сего объявленія, открывшись только однимъ судьямъ.

Въ прежнія времена Турниръ открывался вдругъ общимъ сраженіемъ, а въ послѣдствіи единоборствомъ на дрошикахъ. Въ этомъ случаѣ оба бойцы, пришпоривъ лошадей и держа крѣпко копье, быстро, стремительно съѣзжались, направляя орудія въ грудь противника и стараясь другъ друга сбить съ коня. Часто отъ сильныхъ ударовъ въ твердые латы дротики обоихъ раздроблялись; иногда рыцари оба вдругъ вылетали изъ сѣделъ; иной, жестоко пораженный, но крѣпкій силами, желая удержаться, уже за сѣдломъ затягивалъ поводья, и вмѣстѣ съ конемъ упадалъ навзничь. Послѣ копѣйщиковъ конные и пѣшіе сражались на мечахъ. Здѣсь проворство и ловкость превозмогали силу, хладнокровіе торжествовало надъ запальчивостію; здѣсь часто смѣлый, сильный, искусный, но неопытный витязь, поражая, преслѣдовалъ, тѣснилъ соперника, и безпрестанно учащая и усиливая удары, ожидалъ уже отъ него сознанія въ слабости, уже раздавались

громкія рукоплесканія; красавица изнемогающаго рыцаря съ стыдомъ и досадой потупляла слезящій взоръ — но вдругъ все стихло.

Только сѣча мечей стала чаще, сильнѣй,
Только искры изъ латъ съ трескомъ брызжутъ, летятъ.

Она робко поднимаетъ влажныя рѣсницы, и снова надежда въ сердцѣ, огонь въ глазахъ, улыбка внезапной радости замѣняетъ послѣднюю слезу, катящуюся по розовой щекѣ. Рыцарь ея, спокойно отводя сильные удары пылкаго противника, долго уклонялся отъ его нападеній; но когда видѣлъ его утомленнымъ, собравъ всѣ силы и искуство, ударилъ на мощнаго противника; изумилъ его неожиданною бодростію; бой снова начался съ ужаснымъ ожесточеніемъ. Но одна минута и—неосторожный побѣжденъ. Бой жаркой, но не опасный! Рыцари бывали совершенно покрыты бронями. По окончаніи единоборства на оружіяхъ всѣхъ родовъ, начиналось сраженіе общее. Всѣ рыцари, подъ предводительствомъ извѣстныхъ героевъ, нападали другъ на друга огромными толпами. Тогда старшины и смотрители турнира должны были употреблять всю дѣятельность и расторопность, а иногда и силу, для удержанія отъ излишней запальчивости; ибо часто сія забава превращалась въ совершенно непріязненное сраженіе. Въ заключеніе игръ молодые дворяне оруженосцы сражались для упражненія, что называлось въ Гер-

маніи (Gesellenstechen) сраженіе спутниковъ, оруженосцевъ.

По окончаніи турнира, побѣдители по приговору судей получали изъ рукъ знатнѣйшихъ и прелестнѣйшихъ дамъ *награду* храбрости, такъ называемую, *благодарность*. Сія благосклонность красавицы давала право рыцарю на свободное съ ней обращеніе и даже на поцѣлуи, хотя бы она доселѣ была совершенно ему не знакома. — Послѣ игръ бывалъ великолѣпный столъ, предъ которымъ знатнѣйшія дамы въ особыхъ покояхъ снимали съ побѣдителей все вооруженіе, все воинское убранство отъ шлема до сапоговъ, и одѣвали ихъ въ драгоцѣнныя торжественныя платья; за столомъ побѣдители сидѣли среди прекрасныхъ женщинъ и дѣвицъ; здѣсь они и награждающія ихъ красавицы — царицы красоты — бывали первыми и важнѣйшими особами. Здѣсь при трубныхъ звукахъ, при громкихъ кликахъ и рукоплесканіяхъ за здравіе храбрыхъ и прекрасныхъ, кипящее вино пѣнилось надъ краями блестящихъ кубковъ.

Но не всегда веселіе сопровождало игры сіи. Часто неумышленно отъ излишней запальчивости ратоборствующіе столь сильно нападали другъ на друга, что игры или дѣлались дракой, или вдругъ кончались самымъ плачевнымъ обрядомъ. Такъ на Парижскомъ Турнирѣ въ 1186 году Готфридъ Англійскій Принцъ лишился жизни; а 1269 года Маркграфъ Іоаннъ Бранденбургскій остался

[illegible] [illegible] [illegible] [

Что, кажется, можетъ быть безразсуднѣе, какъ поступокъ Бертранда *Райбау*, который велѣлъ вспахать на двѣнадцати парахъ воловъ, назначенное для турнировъ поле и посѣять 30,000 серебряныхъ монетъ? Нѣтъ! Изступленіе сіе заходило еще далѣе. Вильгельмъ Гросъ де Мартелло приказалъ изготовить весь обѣдъ, назначенный послѣ турнира, на восковыхъ свѣчахъ и факелахъ; а Рамнонъ де Веннанъ предъ глазами всѣхъ посѣтителей и зрителей турнира приказалъ для *прославленія имени своего* жжечь тридцать прекрасныхъ живыхъ лошадей.

Такъ благородное, хотя и романическое *учрежденіе*, достойное, по намѣренію своему, вѣковъ просвѣщеннѣйшихъ, народовъ образованныхъ, безпрерывно измѣнялось, и какъ бы умышленно стремилось отъ мечтательнаго къ смѣшному, отъ смѣшнаго къ безразсудному и отъ безразсуднаго къ пагубному. Въ семъ измѣненіи также весьма много способствовали Трубадуры, творящіе все изъ ничего, превращающіе дѣйствительность въ мечты, и мечты въ дѣйствительность.

Такъ все измѣняется! Такъ неутомимое время, въ быстромъ своемъ круговращеніи всего касаясь, все непримѣтно подтачиваетъ; такъ человѣкъ вездѣ оставляетъ слѣды своего владычества, отпечатокъ характера вѣковъ, народовъ и лицъ! Такъ рыцарство, уступая ѣдкости времени и прихоти людей, наконецъ въ дѣлахъ своихъ не имѣло

мертвъ на мѣстѣ сраженія; въ 1559 году Французскій Король Генрихъ II, сражаясь на дротикахъ съ Графомъ Монтгоммери, былъ раненъ въ глазъ, и отъ сей раны вскорѣ умеръ. Часто подобные случаи возмущали радость торжествъ; но еще чаще личная ненависть во время общихъ ошибокъ находила удобность и силу удовлетворять злобѣ и мстить врагамъ. Такимъ образомъ въ 1175 на Саксонскомъ Турнирѣ пало въ общей свалкѣ 16 рыцарей; а въ Лотарингіи 42 рыцаря и столько жъ молодыхъ дворянъ оруженосцевъ сдѣлались жертвою сихъ забавъ, не смотря на всѣ старанія смотрителей и служителей турнирныхъ.

Мечтательная пышность *и волокитство*, оказываемыя на турнирахъ, часто не только выходили за границы приличія, благопристойности и благоразумія, но и показывали верхъ распутства, наглости и безумія. Рыцари, хвастаясь какою-то фантастическою, смѣшною нѣжностію, позволяли иногда своимъ красавицамъ привязывать себя на цѣпочку, и вводить въ кругъ, назначенный для игръ; въ жару сраженій часто подъѣзжали къ своимъ повелительницамъ, чтобъ получить новый залогъ любви, для подкрѣпленія, для возобновленія силъ и мужества. Случалось, что дамы, отдавая съ себя, безпрестанно подъѣзжающимъ, своимъ поклонникамъ вещи, составляющія убранство и нарядъ, оставались .... но приличіе пришупляетъ перо мое.

Что, кажется, можетъ быть безразсуднѣе, какъ поступокъ Бертранда *Райбау*, который велѣлъ вспахать на двѣнадцати парахъ воловъ, назначенное для турнировъ поле и посѣять 30,000 серебряныхъ монетъ? Нѣтъ! Изступленіе сіе заходило еще далѣе. Вильгельмъ Гросъ де Мартелло приказалъ изготовить весь обѣдъ, назначенный послѣ турнира, на восковыхъ свѣчахъ и факелахъ; а Рамнонъ де Веннанъ предъ глазами всѣхъ посѣтителей и зрителей турнира приказалъ для *прославленія имени своего* жжечь тридцать прекрасныхъ живыхъ лошадей.

Такъ благородное, хотя и романическое *учрежденіе*, достойное, по намѣренію своему, вѣковъ просвѣщеннѣйшихъ, народовъ образованныхъ, безпрерывно измѣнялось, и какъ бы умышленно стремилось отъ мечтательнаго къ смѣшному, отъ смѣшнаго къ безразсудному и отъ безразсуднаго къ пагубному. Въ семъ измѣненіи также весьма много способствовали Трубадуры, творящіе все изъ ничего, превращающіе дѣйствительность въ мечты, и мечты въ дѣйствительность.

Такъ все измѣняется! Такъ неутомимое время, въ быстромъ своемъ круговращеніи всего касаясь, все непримѣтно подтачиваетъ; такъ человѣкъ вездѣ оставляетъ слѣды своего владычества, отпечатокъ характера вѣковъ, народовъ и лицъ! Такъ рыцарство, уступая ѣдкости времени и прихоти людей, наконецъ въ дѣлахъ своихъ не имѣло

ни тѣхъ невинныхъ побужденій, ни тѣхъ непорочныхъ средствъ, отъ которыхъ оно получило бытіе; оно утратило простоту и благородство; удержало суевѣріе и фанатизмъ; пріобрѣло безчинство, развратъ и злодѣйство; бѣдность замѣнило несмѣтнымъ богатствомъ; умѣренность — роскошью; терпѣливость — изнѣженностію; чистоту нравовъ — распутствомъ; простоту сердца — коварствомъ; безкорыстіе — алчностію, корыстолюбіемъ; самоотверженіе — самолюбіемъ; чувствительность — варварствомъ.

Созерцая картину десятаго столѣтія, вижу разсѣянныхъ по всей Европѣ юныхъ всадниковъ — искателей приключеній. Ихъ простота и мечтательность возбуждаютъ улыбку; — но чистая душа, ищущая дѣлъ, но высокое желаніе — очистить землю отъ зла, — но пожертвованіе собой для блага другихъ, раждаютъ въ сердцѣ моемъ уваженіе къ человѣчеству. — И я, не смѣя осуждать заблужденій первобытнаго рыцаря, скажу: Добрый мечтатель, избраніе твое велико, пути твои святы, но ты слабъ! Прейдемъ нѣсколько вѣковъ, и вопросимъ Исторію о сихъ рыцаряхъ; она откроетъ намъ картину совершенно новую, гдѣ въ великолѣпномъ, неприступномъ замкѣ, на мягкопышномъ ложѣ, окруженный толпою угнетенныхъ рабовъ, нѣжится тучный сластолюбецъ, не слыша жалобъ бѣдныхъ, ограбленныхъ имъ, не видя слезъ и рыданій осиротѣвшихъ отъ него, не вне-

мля стонамъ отчаянной невинности, томящейся въ звѣрскихъ когтяхъ его; или самъ томится и стонетъ предъ своенравной тиранкой, принося ей въ жертву и честь и правду, и совѣсть и чувства, и самый разсудокъ.

На вратахъ зáмка, при входѣ въ теремъ, на щитѣ и доспѣхахъ сего клятвопреступнаго лицемѣра, изображены эмблеммы цѣломудрія, умѣренности, покровительства и всѣхъ добродѣтелей. Подъ сей вывѣской честности и доброты, рыцари уловляли невинность, подъ сей личиной совершали насилія и злодѣйства; симъ оградившись, въ угодность прихотливой или злобной красавицы, безбоязненно истребляли семейства и разоряли области. Ибо слово *рыцарь* давало право быть судьею и палачемъ виновнаго и праваго.

В. Плаксинъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

О ПРОИЗВОДИМОСТИ БОГАТСТВЪ

или

О трудѣ промышленномъ.

(Краткій обзоръ перваго отдѣленія Теоріи государственнаго хозяйства).

Политическая экономія или Государственное хозяйство, какъ и всякая другая *Наука*, необходимо должна дѣлиться на двѣ главныя части: на *Теоретическую* или *Общую* и *Практическую* или *Прикладную*. Первая занимается опредѣленіемъ *коренныхъ* понятій о богатствѣ вообще; вторая показываетъ примѣненіе сихъ понятій къ источникамъ удовлетворенія общественныхъ потребностей.

Такимъ образомъ Умозрительной части Политической Экономіи или, такъ называемой, *Хрисологіи* (*), надлежитъ показать всеобщія понятія о богатствѣ. Но какого порядка держаться намъ при изложеніи сей Теоріи, и въ чемъ именно

(*) Отъ Греческихъ словъ χρῦσος — золото, богатство, и λόγος — слово.

она должна состоять? Вопросы эти разрѣшилъ для насъ, незабвенный въ лѣтописяхъ просвѣщенія, *Жанъ-Батистъ Сей* (Jean-Baptiste Say), подведши всю Хрисологію подъ три главныя задачи: 1) какимъ образомъ богатство *производится*, 2) какъ оно *распредѣляется* и 3) какъ *потребляется*. Раздѣленіе это кажется теперь самымъ обыкновеннымъ, самымъ простымъ; но какихъ глубокихъ соображеній стоило оно *Сею* въ новой, еще необработанной наукѣ!

Вторая или Прикладная часть Политической Экономіи, — которую *Пелицъ* называетъ Государственнымъ хозяйствомъ (Staatswirtschaftslehre), подобно какъ нашу первую или умозрительную — хозяйствомъ народнымъ или національнымъ (Volkswirtschaftslehre), показываетъ какъ мы уже замѣтили, примѣненіе началъ, преподанныхъ Хрисологіею, къ *источникамъ* удовлетворенія потребностей общественныхъ. Источники сіи состоятъ: 1) въ *прямыхъ* или *частныхъ* доходахъ съ промышлености и 2) въ *посредственныхъ* доходахъ съ оной, въ *доходахъ государственныхъ*, получаемыхъ отъ различныхъ налоговъ (*). Промышленость служитъ основою всему благоденствію государства: народъ обогащается ею, приводится

(*) Если мнѣ возразятъ, что и государственные доходы получаются часто *непосредственно*, *прямо* съ промышлености, что наприм. у насъ правительство имѣетъ нѣкоторыя, свои собственныя, фабрики и мануфактуры; то

въ состояніе уплачивать повинности свои, — а чѣмъ и поддерживается государство, какъ не сборомъ этихъ повинностей?

Изъ двоякаго рода сихъ источниковъ слѣдуетъ раздѣленіе Прикладной части Политической Экономіи на двѣ статьи: доходахъ *частныхъ* или *прямыхъ* съ промышлености земледѣльческой, мануфактурной и торговой; о доходахъ государственныхъ или *посредственныхъ* съ промышлености, словомъ, раздѣленіе на *экономику* и *финансы*, изъ коихъ какъ та, такъ и другая, составляя примѣненіе Хрисологіи, очевидно должны, въ изложеніи своемъ, соотвѣтствовать тремъ главнымъ категоріямъ *Сеевымъ:* какъ доходы, частные или государственные, 1) производятся, 2) распредѣляются и 3) потребляются.

Каждое изъ сихъ трехъ отдѣленій Хрисологіи необходимо въ составѣ цѣлой науки. Но очевидно, *производимость богатствъ*, какъ предметомъ своимъ, такъ и рѣшительнымъ вліяніемъ на *распредѣляемость* и *потребляемость*, далеко превосходитъ сіи послѣднія два отдѣленія Хрисологіи. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ мы будемъ основываться при изложеніи законовъ распредѣленія и по-

---

на это можно отвѣчать, что благотворное правительство наше завело фабрики не для полученія съ нихъ прямой выгоды, но для улучшенія издѣлій, для распространенія изобилія и водворенія дешевизны оныхъ.

требленія богатствъ, не зная условій и правилъ, по коимъ богатства сіи образуются? За всѣмъ тѣмъ первое отдѣленіе Теоріи Политической Экономіи не приведено еще понынѣ въ систематическій видъ, не составляетъ еще полнаго цѣлаго (*). Конечно *Сей*, который первый подвелъ всю Хрисологію подъ сіи три начала, излагаетъ весьма подробно статью о производимости; но у него нѣтъ той строгости методы, которая такъ необходима для полнаго успѣха науки, у него не видно причины, почему онъ располагалъ предметы свои такъ, а не иначе; къ тому же ошибка его, относительно богатствъ невещественныхъ (**), повлекла за собою еще и многія другія, — кои постараюсь разкрыть въ краткомъ семъ обзорѣ производимости богатствъ, — предпринятомъ не съ тѣмъ, чтобы замѣчать слабыя стороны знаменитаго Французскаго Политико-Эконома, пролившаго благодѣтельный свѣтъ на все государственное хозяйство, — но съ тѣмъ, чтобы, сколько нибудь, содѣйствовать успѣхамъ еще новой науки.

(*) Впрочемъ, это можно сказать, если и не о всей вообще Политической Экономіи, то по крайней мѣрѣ о Хрисологіи.

(**) *Сей* распространяетъ предметъ Политической Экономіи и на нематеріальныя богатства (cours complet d'Economie Politique Pratique. 1828, Г. 1 p. b); но неосно-

Родственная связь человѣка съ подобными себѣ и вообще со всѣмъ, его окружающимъ твореніемъ, вовлекаетъ его въ непрерывныя сношенія съ внѣшнимъ міромъ, побуждаетъ его, такъ или иначе, изъявлять волю свою, — словомъ: заставляетъ его *трудиться*. Такимъ образомъ *трудъ* (въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова) есть *явленіе нашихъ начинаній вообще*. Но, трудъ нашъ бываетъ или *полезенъ* или *безполезенъ*: полезенъ, — когда онъ доставляетъ какую либо положительную *выгоду*, *полезность*, т. е. придаетъ предметамъ такое качество, по которому они дѣлаются способными *удовлетворять* нашимъ потребностямъ; безполезенъ, — когда не произ-

---

вательность этого расширенія открывается сама собою: ибо a) *Сей* признается здѣсь въ *мнимой* ошибкѣ своей, будто бы сдѣланной имъ въ прежнемъ Traité d'Economie Politique, и, слѣдовательно, принимаетъ на себя обязанность исправить ее въ настоящемъ cours complet; что жъ онъ сдѣлалъ? — Цѣлые шесть томовъ его говорятъ о богатствахъ *вещественныхъ*, а *невещественныхъ* едва касается. b) Какимъ образомъ подвесть богатства матеріяльныя подъ три главные его вопросы? Могутъ ли они быть распредѣляемы или потребляемы? Наконецъ c) если принять въ Политическую Экономію нравственныя и умственныя богатства общества, тогда въ ней необходимо должно будетъ говорить и о всѣхъ мѣрахъ, предпринимаемыхъ правительствомъ для образованія народа, тогда предметъ ея будетъ необъятенъ: онъ составитъ не государственное хозяйство, но политику въ обширнѣйшемъ значеніи, совокупность всѣхъ наукъ политическихъ.

водитъ ни какой полезности или выгоды. Въ первомъ случаѣ онъ составляетъ *трудъ производительный;* во второмъ — *непроизводительный.* Производить или, лучше сказать, придавать полезность мы можемъ какъ предметамъ вещественнымъ, такъ и невещественнымъ: профессоръ, сочинитель, чиновникъ, живописецъ, столяръ, булочникъ, купецъ—всѣ, равнымъ образомъ, трудятся производительно; — одни только тунеядцы, люди, живущіе обманомъ или подаяніемъ, могутъ быть причислены къ непроизводительному классу. Правильны ли мысли о производительномъ трудѣ въ трехъ главныхъ системахъ Политической Экономіи — Меркантильной, Физіократической и въ системѣ Адама Смита или, такъ называемой, промышленной системѣ, равно какъ и у новѣйшихъ писателей, напр. у *Сея*, у *Дроза*, у *Пелица* и у другихъ? — увидимъ.

Меркантилисты почитали производительными однихъ только фабрикантовъ и купцовъ; Физіократы — только занимавшихся промышленностію земледѣльческою; Адамъ Смитъ — только трудящихся вещественно. Отъ чего произошли всѣ эти ошибки, не исправленныя и доселѣ? — Отъ смѣшенія *производимости съ промышленостію* (production et industrie). Такъ Меркантилисты одинъ только трудъ фабрикантовъ и купцовъ называли производительнымъ, вмѣсто того, чтобы (разумѣется по ихъ началамъ) называть его промышленымъ; такъ Физіократы однихъ только

земледѣльцевъ почитали производительными, вмѣсто промышленныхъ; такъ *Ад. Смитъ* считалъ производительнымъ одинъ только трудъ вещественный, вмѣсто того, чтобы считать его также только промышленнымъ; такъ *Сей* ввелъ въ Политическую Экономію богатства невещественныя, потому что онъ говоритъ въ ней о трудѣ производительномъ, между тѣмъ, какъ слѣдовало говорить только о промышленномъ; такъ, наконецъ, и Пелицъ далъ слишкомъ ограниченное значеніе труду производительному (Die Staatswissenschaften im Lichte unsrer Zeit 2 Th. 76 s.)

Трудясь производительно, т. е. придавая полезность какому либо предмету, мы тѣмъ самымъ производимъ богатство (*), какого бы рода оно ни было: — придавая полезность вещественнымъ предметамъ, мы производимъ богатство вещественное же; придавая ее предметамъ невещественнымъ, мы и богатство производимъ неве-

(*) Богатства вообще раздѣляются на *вещественныя* и *невещественныя*. Первыя бываютъ или *естественныя* или *общественныя;* вторыя или *умственныя* или *нравственныя*. Политическая Экономія должна говорить только о богатствахъ *матеріяльныхъ общественныхъ* и притомъ только такихъ, кои *производятся трудомъ промышленнымъ* (см. ниже). — Полезность также бываетъ двухъ родовъ: или *естественная* или *искуственная*. Послѣдняя *придается трудомъ;* первая же — *самою природою*.

щественное. Но скажутъ мнѣ: какъ можемъ мы производить богатства? Ихъ производитъ одна только природа.—Нѣтъ, богатства производитъ не природа, а собственный нашъ трудъ. Природа даетъ намъ только матеріялы, — она предлагаетъ намъ *дары* свои, которые составляютъ только возможность богатства, а недѣйствительность онаго; но присвоить ихъ себѣ, *приспособить ихъ къ нашимъ нуждамъ*, можетъ одинъ только человѣкъ непосредственнымъ трудомъ своимъ — *трудъ составляетъ единственный источникъ, единственную причину народнаго богатства* (*).

Г. Дрозъ, членъ Французской Академіи, въ своихъ „*Началахъ науки о богатствѣ* (1832. Пер. Барона Ю. Корфа. стр. 39)", говоритъ, удивляясь этой *ошибкѣ* Смита: „*Непостижимо, какъ столь „глубокомысленный наблюдатель могъ не видѣть „истины, очевидной при первомъ взглядѣ. Человѣкъ, „окруженный силами природы, можетъ вообразить „себя въ обширнѣйшей мастерской, въ кругу мно„гочисленныхъ работниковъ; но что можетъ онъ „произвесть безъ помощи сихъ послѣднихъ? Что*

(*) An Inquiry into the Nature and causes of the Wealth of Nations. By Adam Smith. Изд. M. Culloch, 1828, стр. 9: Ежегодный трудъ каждаго народа есть фондъ, который *первоначально снабжаетъ* его всѣмъ необходимымъ и пріятнымъ въ жизни, ежегодно имъ потребляемымъ и состоящимъ или въ непосредственныхъ произведеніяхъ сего труда, или въ томъ, что покупается на сіи произведенія у другаго народа.

„будетъ человѣкъ, если невидимая десница, приведшая всѣ силы природы въ движеніе, остановила „бы оное?“ и пр. Безъ сомнѣнія, человѣкъ не можетъ, самъ собою, произвесть ни малѣйшаго атома матеріи; но онъ можетъ снабдить ее свойствами, какихъ она не имѣла прежде; придать ей полезность, содѣлать ее богатствомъ — единственно зависитъ отъ его воли, отъ его труда. — Дѣйствуютъ ли силы природы по плану, по предначертанію человѣка? — служатъ ли онѣ ему какъ вѣрные работники, исполняя во всемъ его желанія? Въ природѣ видимъ мы противное: стихіи ея отъ вѣчности враждуютъ съ человѣкомъ, и только разумъ, только сила духа его можетъ устранить враждебныя ихъ дѣйствія. Такъ человѣкъ построилъ себѣ жилище, сохраняя себя отъ погодъ; такъ заставилъ онъ землю, покрытую болотами, камнемъ, пескомъ, произращать различные плоды. На послѣдній же вопросъ Дроза: *„что будетъ человѣкъ, если невидимая десница, приведшая всѣ „силы природы въ движеніе, остановила бы оное?“* отвѣчать не трудно: тогда не было бы ничего; ни человѣка, ни природы, ни даже *Политической Экономіи Дроза*, который, впрочемъ, заимствовалъ свое мнѣніе у *Сея* (см. Traité d'Écon. Polit. 1817, T. 1 p. *x lix.*)

Я замѣтилъ уже, что трудиться производительно или придавать полезность, мы можемъ либо предметамъ тѣлеснымъ, либо безтѣлеснымъ.

Въ первомъ случаѣ мы производимъ богатства *матеріяльныя*, во второмъ *идеальныя:* производительный трудъ нашъ есть или *вещественный* или *невещественный*. Послѣдній опять бываетъ или *умственный* или *нравственный*. Политическая Экономія, занимаясь одними вещественными богатствами, не можетъ принять на себя обязанность излагать Теорію трудовъ идеальныхъ, и потому говоритъ *только о трудѣ производительномъ вещественномъ*. Далѣе: производительный трудъ вещественный опять можетъ быть либо *промышленный*, когда предмету, имѣющему уже полезность, придаетъ или возвышаетъ также и *цѣнность* (*) или содѣлываетъ его предметомъ мѣны; либо *непромышленный*—когда сихъ послѣдствій не имѣетъ (**). Полезность служитъ основаніемъ каждой цѣнности: гдѣ нѣтъ полезности, тамъ и цѣнности быть не можетъ; но гдѣ находится цѣнность, тамъ

(*) *Цѣнность* есть свойство предметовъ, составляющихъ богатство, по которому они могутъ быть *промѣниваемы*; — иначе *промѣниваемость*. Ад. Смитъ (Vol. 1 стр. 51) раздѣляетъ цѣнности на *цѣнности въ пользѣ* и *цѣнности въ мѣнѣ* (the value in use and the value in exchange); первыя суть просто *полезности*; вторая собственно *цѣнности*.

(**) Для легчайшаго обзора видовъ *труда* прилагается табличка:

Трудъ въ общ. смыслѣ
производительный — непроизводительный
вещественный — невещественный
промышленный — непромышленный

необходимо должна быть и полезность. Слѣдовательно *промышлять* значитъ *придавать цѣнность вещественнымъ предметамъ.* Ибо предметы идеальные не могутъ подлежать мѣнѣ: кто назоветъ учителя промышленникомъ? Богатства, получившія *цѣнность*, все равно *посредственно* ли, или *прямо* отъ промышлености, — богатства, какъ предметъ, въ первомъ случаѣ, *финансовъ*, во второмъ экономики, могутъ быть названы *богатствами промышленными*, и *ими-то исключительно должно заниматься Государственное Хозяйство.* Въ самомъ дѣлѣ, что есть Политическая Экономія? — Только обширное развитіе труда промышленнаго, слѣдствія коего суть доходы общественные. Что было бы безъ него государство? — Толпа дикихъ невѣждъ, голодныхъ, нагихъ, безпріютныхъ.

1. *Отношеніе производительнаго непромышленнаго труда къ труду промышленному.* Не смотря, однакожъ, на то, что Политическая Экономія занимается исключительно *однимъ* только видомъ труда производительнаго — трудомъ промышленнымъ, она принимаетъ въ извѣстное уваженіе и остальныя формы перваго, — по необходимой связи, существующей между всѣми видами одного и того же рода. Трудъ производительный непромышленный, въ большемъ или меньшемъ улучшеніи своемъ, много способствуетъ къ большему или меньшему улучшенію труда промышленнаго. Всякое новое открытіе въ наукахъ, имѣющихъ близ-

кое отношеніе къ промышленности, сильно дѣйствуетъ на успѣхи сей послѣдней: химикомъ найденное новое, дешевое средство добывать углеводородный газъ, тотчасъ было примѣнено промышленными предпринимателями къ потребностямъ общественной жизни, и многіе города Англіи, Лондонъ, Эдинбургъ, Ливерпуль, Манчестеръ и др., начали освѣщаться газомъ изъ каменнаго угля. — Опытъ, сдѣланный ученымъ, положилъ начало множеству новыхъ фабрикъ, занялъ множество промышленныхъ рукъ. Точно также всякое улучшеніе, всякая новая сторона въ трудѣ вещественномъ непромышленномъ, подвигаетъ впередъ и трудъ промышленный.

2. *Виды промышленнаго труда.* Промышленость давно уже раздѣляютъ на земледѣльческую, мануфактурную и торговую, хотя, собственно говоря, она составляетъ одно, нераздѣльное цѣлое, какъ замѣчаетъ и самъ *Сей* въ своемъ Cours Complet d'Economie Politique (1828, T. I. p. 212). Однако жъ раздѣленіе необходимо въ Наукѣ: для ясности ея мы всегда должны общее разлагать на частное и, въ этомъ частномъ, опять отыскивать общее. Отъ чего же именно только три вида промышленности, а не болѣе? Разсматривая различныя промышленныя занятія, мы въ самомъ дѣлѣ находимъ, что *одни* изъ нихъ состоятъ только въ *присвоеніи* вещественныхъ предметовъ (разумѣется съ придаваемою имъ цѣнностію) *прямо*

изъ рукъ природы, все равно, были ль они естественнымъ произведеніемъ ея, или она произвела ихъ только по нашему, такъ сказать, вызову, *безъ всякаго однакожъ, съ нашей стороны, измѣненія. Другія*, напротивъ, состоятъ *только* въ химическомъ или механическомъ *измѣненіи* сихъ предметовъ; *третьи*, наконецъ, въ большемъ *приспособленіи* ихъ, *по мѣсту*, къ нашимъ нуждамъ. Вотъ три главные вида промышленнаго труда: промышленость *земледѣльческая, мануфактурная* и *торговая*. Но, каждое изъ сихъ трехъ родовъ занятій, можетъ быть и непромышленнымъ; — *промышленнымъ производимымъ предметомъ* можетъ быть только *та вещь, которой придана цѣнность*, она должна содѣлаться предметомъ.

Подъ словомъ *земледѣліе* разумѣется здѣсь, какъ это видно и изъ самаго опредѣленія, не одно только собственно хлѣбопашество, но вообще всякое добываніе произведеній природы въ первоначальномъ ихъ видѣ; такъ къ земледѣлію относится ловля дикихъ животныхъ, не поступившихъ еще ни въ чью собственность, копаніе рудъ и пр. Земледѣліе, какъ мы уже замѣтили, можетъ также быть и *непромышленнымъ*; и это бываетъ тогда, когда мы добытымъ нами предметамъ *не придаемъ цѣнности;* такъ, напримѣръ, крестьянинъ, занимаясь воздѣлываніемъ земли своей, для собственнаго, домашняго обихода, и не продавая остатковъ отъ потребленія своего, хотя и за-

нимается земледѣліемъ, однако жъ не промышляетъ; такъ какой нибудь любитель охоты, проводя цѣлые мѣсяцы въ полѣ, теряя свое здоровье, свое имѣніе, если онъ не продаетъ своихъ произведеній, онъ *не промышленникъ.*

Къ мануфактурной промышлености относится не только *измѣненіе* предметовъ естественныхъ, но и измѣненіе *уже измѣненныхъ* предметовъ: сюда принадлежитъ не только приготовляющій изъ шерсти сукно, но и дѣлающій изъ сукна платья. Да и мануфактурныя занятія не всегда бываютъ промышленными. *Сей* въ своемъ Cours Complet d'Econ. Pol. Prat. 1828. T. I. p. 215, считаетъ всѣ занятія наши, которыми мы дѣлаемъ только какое нибудь измѣненіе въ предметѣ, мануфактурною *промышленостію.* Но отъ чего онъ такъ жестоко ошибается? Опять отъ того, что смѣшиваетъ *трудъ производительный* съ *трудомъ промышленнымъ;* это подтверждается послѣдними словами его, гдѣ онъ называетъ хозяйственный трудъ женщины мануфактурнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что собственно значитъ слово мануфактура? — Не болѣе, какъ только ручная работа, рукодѣлье, рукомесло. Но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы всякая ручная работа была въ то же время и промышленною: трудъ женщины въ домашнемъ хозяйствѣ можно также назвать мануфактурнымъ, но только *непромышленно-мануфактурнымъ.* Ужели всякій, кто чинитъ, для

письма своего, перья, занимается промышленостію? — Повторяю: большая часть ошибокъ въ Политической Экономіи произошла именно отъ неправильнаго понятія о трудѣ промышленномъ, отъ смѣшенія его съ производительнымъ. — *Промышляемъ* мы *только тогда,* когда придаемъ предметамъ *цѣнность,* когда *подвергаемъ* ихъ *мѣнѣ.*

Торговая промышленость состоитъ только въ бо́льшемъ приспособленіи предметовъ, — вышедшихъ уже изъ рукъ двухъ первыхъ родовъ промышлености, — въ отношеніи къ мѣсту, къ нуждамъ нашимъ, или короче, *она сближаетъ товары съ потребителями.* Такимъ образомъ, не одинъ только богатый купецъ, внѣшнею торговлею занимающійся, *торгуетъ,* но и хозяинъ каждой мелочной лавочки; не одинъ только капиталистъ, закупающій товары на Нижегородской ярмаркѣ, и перевозящій ихъ для перепродажи въ Петербургъ, занимается торговою промышленостію, но и всякій владѣлецъ небольшой табачной лавки. — Можетъ ли быть и торговля непромышленною? Ничего нѣтъ естественнѣе, какъ отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно; въ самомъ дѣлѣ, всѣ мы почти привыкли почитать мѣну торговлею, и торговлю мѣною. Но эта сбивчивость не должна существовать въ наукѣ: мѣна есть необходимое условіе всякой промышлености; безъ мѣны не было бы и промышлености, ни земледѣльческой, ни мануфактурной, ни торговой, а былъ бы, можетъ быть,

одинъ только непромышленный, хотя и производительный, трудъ земледѣльческій, мануфактурный и торговый. *Промышленость* торговая не можетъ существовать безъ мѣны, но мѣна можетъ существовать безъ торговли. Такимъ образомъ и трудъ нашъ, которымъ мы хотя и *приближаемъ товары къ потребителямъ,* но съ тѣмъ вмѣстѣ *не придаемъ первымъ цѣнности, не есть* трудъ *промышленно-торговый,* а только *производительно-торговый:* — торговля также, въ одномъ случаѣ, можетъ быть непромышленною. Но если мы допустимъ, что *всѣ* занятія земледѣльческія, мануфактурныя и торговыя, суть вмѣстѣ съ тѣмъ и промышленныя, тогда всѣ мы должны будемъ называться *промышленниками:* не каждый ли изъ насъ *закупаетъ* нужныя для себя произведенія, *привозитъ* ихъ домой, *отдаетъ* ихъ своему семейству? Не каждый ли изъ насъ *дѣлаетъ какое нибудь измѣненіе* въ *какой нибудь* вещи; чинитъ *перо,* сшиваетъ *изъ бумаги* тетрадь, дѣлаетъ *изъ нея* пакеты, и пр.? Наконецъ, не каждый ли почти изъ насъ занимается земледѣліемъ? Еще разъ скажу: всѣ мы производительны, но не всѣ мы промышленны.

Сіи три вида промышлености большею частію совокупляютъ силы свои въ произведеніи одного и того же предмета; такъ прекраснымъ Французскимъ табакомъ, la Ferme, обязаны мы всѣмъ тремъ родамъ промышлености; сначала про-

мышлености земледѣльческой, потомъ мануфактурной, и наконецъ торговой; — это ясно для всякаго.

Не распространяясь о сродственности системъ Меркантильной и Физіократической, изъ коихъ первая отдавала исключительное преимущество промышлености мануфактурной и торговой, а вторая — земледѣльческой, замѣтимъ только, что ни одной изъ сихъ промышлености нельзя присвоивать первенства предъ другою; всѣ онѣ равнымъ образомъ содѣйствуютъ къ обогащенію народа, накопляя большее число предметовъ, удовлетворяющихъ его потребностямъ; всѣ онѣ равнымъ образомъ необходимы для благосостоянія государства; всѣ онѣ, наконецъ, составляютъ одинъ полный промышленный трудъ націи.

3. *Лица, необходимыя во всякой промышленной операціи.* Разсматривая какую нибудь промышленную операцію, мы всегда находимъ здѣсь *предпринимателя, капиталиста* и *работника,* — лица, необходимо и постоянно участвующія во всякомъ трудѣ промышленномъ; они суть единственные производители какъ цѣлой промышлености, такъ и каждой отдѣльной ея отрасли. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы начать какую либо промышленную операцію, нужно прежде всего, чтобы кто нибудь *предпринялъ* ее, но одного намѣренія, одного предпріятія мало: требуются еще и средства къ его исполненію, требуется *капиталъ* для пріобрѣтенія нѣ-

которыхъ предметовъ, необходимыхъ въ сей операціи: такъ, если она земледѣльческая, нужны земля, сѣмена, сохи, бороны, косы, грабли, ружья, капканы, сѣти и пр.; если она мануфактурная,—матеріялы и разныя фабричныя орудія; если она торговая, предметы и орудія торговли. Такимъ образомъ, во всякой промышленной операціи необходимъ какъ *предприниматель*, такъ и *капиталистъ;* предпріятіе сдѣлано, готовы средства къ исполненію его, но оно еще не исполнено: нужны руки къ приведенію его въ дѣйствіе, нужны *работники*, — третіе необходимое лице въ промышлености. Раздѣленіемъ этимъ промышленыхъ людей на предпринимателя, капиталиста и работника, я не хочу еще сказать, чтобы сіи лица, въ каждомъ промышленномъ производствѣ, были *отдѣльны*; — напротивъ, весьма часто случается, что предприниматель, капиталистъ и работникъ заключаются въ одномъ и томъ же лицѣ; какой нибудь *бѣдный* портной самъ начинаетъ свое *предпріятіе*, изворачивается своимъ собственнымъ капиталомъ, и въ то же время, самъ *исполняетъ* свою работу. Но это бываетъ только при самомъ *началѣ* промышлености: — обогащаясь ею, мало по малу, промышленникъ заводитъ постепенно большее и большее число работниковъ. Что касается до капиталиста, то онъ, большею частію, составляетъ одно лице съ предпринимателемъ, но тѣмъ не менѣе они раздѣльны между со-

бою въ дѣйствіи на промышленость. Различныя соединенія сихъ трехъ лицъ мы можемъ видѣть въ дѣйствительной промышлености какого нибудь народа.

Кто разсматриваетъ относительную важность необходимыхъ участниковъ промышленнаго труда, для того предприниматель, кажется, какъ замѣчаетъ и *Сей*, заслуживаетъ преимущество предъ другими. Въ самомъ дѣлѣ, капиталистъ *ссужаетъ* только свой капиталъ, а *располагаетъ* имъ предприниматель; работники, равнымъ образомъ, исполняютъ только его *распоряженія*. Но изъ этого не надобно заключать, что предприниматель болѣе необходимъ въ промышлености, нежели капиталистъ и работникъ: всѣ они равно необходимы, но не всѣ равно важны въ ея производствахъ.

Сей (Cours compl. d'Ec. Pol. Pr. 1828. T. I, p. 191) также принимаетъ три рода необходимаго участія въ промышленномъ трудѣ — участіе (не капиталиста, а) *ученаго, предпринимателя* и *работника*. Опровергнуть въ этомъ случаѣ *Сея* намъ будетъ не трудно: — мы знаемъ, что трудъ невещественный никогда не можетъ быть промышленнымъ: слово производимость опять устранило *Сея* отъ прямаго пути. Впрочемъ и *ученый* можетъ быть въ одномъ случаѣ промышленнымъ, когда онъ, напримѣръ, или самъ предпринялъ промышленную операцію, или ссудилъ для нея свой капиталъ, или, какъ имѣющій глубокія познанія,

занимается въ промышленномъ заведеніи, наблюдая, подъ главнымъ надзоромъ предпринимателя, за ея производствомъ; но въ этомъ случаѣ онъ участвуетъ въ промышлености не какъ *ученый*, но просто, какъ *предприниматель* или *капиталистъ* или *работникъ*. Въ самомъ дѣлѣ, если бъ вдругъ профессоръ химіи явился къ какому нибудь промышленному предпринимателю, и потребовалъ отъ него извѣстной доли изъ прибыли съ его заведенія, основываясь на томъ, что предприниматель воспользовался распространенными имъ свѣдѣніями,—что отвѣчалъ бы ему тогда предприниматель? *Сей*, желая доказать, однако жъ, свое мнѣніе, говоритъ: „Il (l'entrepreneur) a dû *s'instruire* des procédés d'agriculture, au moyen des quels on le fait arriver à bien." И, нѣсколько далѣе, „.... le négociant.... *a dû avoir des connaissances* géographiques et commerciales." Но, можно ли тѣмъ, что всякій промышленникъ имѣетъ необходимость знать ремесло свое, доказать участіе *ученаго* въ промышлености? Такое доказательство не только странно, но даже смѣшно. Ученый *содѣйствуетъ* успѣхамъ промышлености, но это еще не значитъ, что онъ *прямо* въ ней *не участвуетъ*. Просвѣщеніе необходимо не въ одной промышлености; оно составляетъ первое условіе успѣховъ всей вообще гражданственности. Ученый проливаетъ благодѣтельный свѣтъ своихъ познаній и на государственное управленіе, но

этимъ, однако жъ, не *участвуетъ* еще въ *самомъ управленіи государства.*

4. *Улучшеніе промышлености и признаки онаго.* Промышленость народная не можетъ оставаться въ одномъ и томъ же положеніи: она всегда или возвышается или упадаетъ. Въ мірѣ нѣтъ ничего постоянно-пребывающаго въ одномъ видѣ: понятіе о *степени* необходимо соединено съ каждымъ, по крайней мѣрѣ, конечнымъ существомъ. Но по какимъ признакамъ можемъ мы угадать, когда промышленость улучшается, или когда она упадаетъ? Признаки эти весьма просты; они извѣстны каждому промышленному лицу, хотя и весьма рѣдкій промышленникъ дѣлаетъ изъ нихъ правильное заключеніе; это *изобиліе, доброты* и *дешевизна произведеній.* Вотъ тѣ свидѣтельства, изъ которыхъ всякій можетъ узнать упадокъ или возвышеніе народной промышлености, сравнивая ихъ въ извѣстныя точки времени, если только онъ вникнетъ въ цѣлую промышленость, а не будетъ выводить свои заключенія изъ какихъ нибудь частныхъ случаевъ. Однако жъ, по одному только, или по двумъ изъ означенныхъ признаковъ, не льзя еще судить о ходѣ промышлености — всѣ три должны быть вмѣстѣ: только *въ соединеніи своемъ* они могутъ намъ дать истинное понятіе о ея состояніи. — Все то, что способствуетъ къ изобилію, добротѣ и дешевизнѣ произведеній, составляетъ, слѣдовательно: —

5. *Необходимыя, прямыя и посредственныя условія для успѣховъ промышлености.* Эти условія,— съ которыми столь тѣсно связанъ промышленный трудъ, отъ которыхъ столько зависитъ развитіе и благоуспѣшный ходъ промышлености, что, смотря по бо́льшему или ме́ньшему удовлетворенію оныхъ, и самая народная промышленость возвышается или понижается въ своемъ улучшеніи, — по справедливости могутъ быть названы *необходимыми* для успѣховъ промышленнаго труда, они составляютъ краеугольный камень всего промышленнаго зданія. Народная опытность показала намъ ихъ необходимость; — теорія подтвердила оную и привела въ порядокъ. Одни изъ сихъ условій *прямо* необходимы для промышлености, другія — только *посредственно.* Къ первымъ относятся: *раздѣленіе занятій, мѣна, капиталъ* и *деньги,* куда принадлежитъ *монета* со всѣми *кредитивными бумагами;* ко вторымъ — *народная образованность, религія, законы* и пр. Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая сіи условія, мы находимъ между ними нѣкоторое различіе: одни необходимы именно только для промышлености; другія — для всей политической системы, а для промышлености только посредственно.

А. *Непосредственно - необходимыя условія.* а) *Раздѣленіе занятій.* Промышленость возвышается тогда, какъ мы замѣтили, когда произведенія ея становятся изобильнѣе, лучше и дешевле. Но

что можетъ болѣе способствовать этимъ тремъ признакамъ успѣховъ промышлености, какъ не раздѣленіе промышленныхъ занятій? Конечно, если бъ человѣкъ былъ всемогущъ, если бъ онъ былъ вѣченъ, онъ могъ бы, безъ помощи своихъ ближнихъ, одинъ, доставлять себѣ все нужное и въ изобиліи и прекрасныхъ качествъ и дешево; но кто скажетъ, чтобы человѣкъ, существо конечное, ограниченное, былъ въ состояніи удовлетворить одинъ, и по качеству, и по количеству, и по дешевизнѣ своихъ произведеній, потребностямъ своимъ и своихъ ближнихъ, болѣе, нежели съ помощію себѣ подобныхъ? Эта ограниченность силъ человѣческихъ, эта нужда въ большемъ количествѣ произведеній, въ лучшемъ ихъ качествѣ и въ дешевизнѣ ихъ, заставила человѣка прибѣгнуть къ раздѣленію его занятій, содѣлать оное необходимымъ условіемъ не только промышлености, но и всего производительнаго своего труда (*). Не стану распространяться о немъ: подробнѣйшее изложеніе его мы можемъ найти у *Сея* въ Cours Complet (T. I. pp. 338 — 423); скажу только, что это раздѣленіе занятій повело къ изобрѣтенію

(*) Примѣры раздѣленія занятій безчисленны: мы видимъ ихъ на каждомъ шагу. Высочайшую степень онаго находимъ мы въ примѣрѣ Смита (перваго, изъяснившаго это условіе промышлености) — въ *произведеніи иголокъ*; еще большую въ примѣрѣ *Сея* — въ *произведеніи картъ*.

машинъ, сообщившему новую силу, новую жизнь промышлености. Были многія опроверженія противу введенія машинъ; но нелѣпыя опроверженія сіи давно изгнаны изъ области ученыхъ изслѣдованій. Замѣтимъ, наконецъ, что при разсмотрѣніи безчисленныхъ примѣровъ раздѣленія занятій по тремъ родамъ промышлености, мы находимъ самое большее раздѣленіе въ промышлености мануфактурной; въ торговой оно уже ограниченнѣе; въ земледѣльческой же ограничено еще болѣе: — границы эти въ каждой отдѣльной промышленной операціи должна опредѣлять благоразумная опытность предпринимателя.

b) *Мѣна.* Изъ того же источника, какъ и раздѣленіе занятій, т. е. изъ ограниченности силъ нашихъ, соединенной съ различіемъ потребностей каждаго человѣка и разнородною производительностію въ разныхъ странахъ природы, произошла и мѣна. Необходимость ея для человѣка неоспоримо доказывается разсмотрѣніемъ человѣческаго общества, отъ самыхъ просвѣщенныхъ, до самыхъ дикихъ народовъ. Дикарь, *нуждаясь* въ челнокѣ, съ радостію отдаетъ за него, лишнюю для себя, по крайней мѣрѣ въ это мгновеніе, пищу: онъ сытъ, и ему хочется порыскать по дикимъ, какъ и онъ самъ, волнамъ океана; богатый Англичанинъ отдаетъ груду золота за четверть *награднаго быка* (*). —

(*) Частные люди въ Англіи дѣлаютъ весьма часто

Мы можемъ различить два рода мѣны: *мѣна промышленная* и *мѣна непромышленная;* какъ та, такъ и другая, однако жъ, для промышлености необходимы. Промышленно мѣняемъ мы тогда, когда *получаемый посредствомъ мѣны предметъ, вносимъ въ кругъ промышлености;* непромышленно, *когда мѣняемъ только для своего потребленія;* первою мѣною занимаются люди промышленные; второю — всѣ остальные. Но и *промышленные* люди занимаются также мѣною *непромышленною:* купецъ, покупающій сукно *для своей одежды,* мѣняется *непромышленно;* тотъ же купецъ, покупающій сукно *для перепродажи* онаго, мѣняется *промышленно.* Такимъ образомъ *мѣна непромышленная* есть *непосредственно-необходимое* условіе для *всего* труда *вещественно - производительнаго,* и, только *посредственно*-необходимое для *промышленнаго;* но *мѣна промышленная* составляетъ *непосредственно - необходимое условіе для всей промышлености.*

c) *Капиталъ.* За вычетомъ всего необходимаго, полезнаго и пріятнаго, у меня, при благоразумномъ, нерасточительномъ потребленіи, можетъ оставаться еще и *излишекъ.* Этотъ излишекъ, который я могу употреблять въ различныхъ обо-

---

родъ выставки (*chew*) рогатаго скота и другихъ земледѣльческихъ произведеній, и кто представитъ лучшее, тому назначается награда. Быкъ, получившій первую награду, называется *prize ox.*

ропахъ, *не дѣлая* его, однако жъ, *предметомъ мѣны, не мѣняя* его, называется *капиталомъ*. Слѣдовательно капиталъ есть не иное что, какъ *запасъ вещей, превосходящихъ нужду*. Какая же цѣль накопленія капиталовъ? Дѣлать посредствомъ ихъ различные выгодные обороты? — Такъ; но эта цѣль только посредственная: обороты дѣлаются только для новаго, большаго накопленія капитала. Но въ чемъ состоитъ конечная цѣль всякаго накопленія? Именно въ томъ, чтобы, въ случаѣ нужды, *посредствомъ мѣны*, получить на капиталъ нашъ все, для насъ необходимое, или полезное, или пріятное. Всякій капиталъ образуется въ *слѣдствіе мѣны*, и *слѣдствіемъ* каждаго капитала опять бываетъ *мѣна*. И такъ *главная цѣль* всякаго *накопленія* капиталовъ есть *мѣна*; но въ чемъ состоитъ *главное условіе* сего накопленія? Оно состоитъ въ *бережливости* — это каждый знаетъ, или, по крайней мѣрѣ, долженъ знать. Капиталы раздѣляются обыкновенно на четыре вида: *стоячій, обращающійся, производительный* и *непроизводительный*. Въ самомъ дѣлѣ, они служа намъ подобно машинамъ, будучи орудіемъ нашей производимости, могутъ, однако жъ, *не измѣнять* своего *вида, не измѣнять* своей *формы*: домъ, составляющій излишекъ въ моемъ обыкновенномъ потребленіи, я отдаю въ наемъ, и получаю съ него извѣстные проценты; онъ составляетъ *орудіе моей производимости*: — на процен-

ты, приносимые имъ мнѣ, я произвожу какую бы то ни было полезность; онъ *не измѣняетъ своего вида:* онъ остается всегда домомъ, приносящимъ мнѣ извѣстный доходъ. Вотъ *капиталъ стоячій.* Другіе капиталы, напротивъ, — *обращающіеся,* — имѣютъ то отличительное свойство, что, посредствомъ самой производимости, они всегда измѣняютъ свою форму, хотя въ сущности своей также остаются неизмѣнными. Изъ излишковъ моего потребленія, я скопилъ огромный магазинъ муки; этотъ капиталъ я мѣняю за извѣстную сумму денегъ; потомъ на эти деньги строю домъ, который опять продаю, и т. д., здѣсь внѣшняя форма моего капитала безпрерывно измѣнялась, принося мнѣ этимъ самымъ важныя выгоды, тогда, какъ сущность его осталась неизмѣнною. Такимъ образомъ, мы видимъ, что всякій капиталъ бываетъ всегда или *стоячій* или *обращающійся;* но этого мало: капиталъ можетъ быть еще или *промышленный* или *непромышленный,* я говорю *промышленный,* а не *производительный,* какъ обыкновенно называютъ его, потому что всякій капиталъ, (не исключая даже и мертваго), какого бы онъ вида ни былъ, всегда есть производительный, всегда приноситъ намъ какую либо пользу. *Промышленнымъ капиталомъ* называется тотъ, который мы *употребляемъ въ промыслахъ; непромышленнымъ* — котораго мы для обогатительныхъ видовъ мѣновой цѣнности *не употре-*

бляемъ, слѣд. сей послѣдній слова можетъ быть или *потребляемый* или *мертвый*. Мертвый, хотя производительный капиталъ, есть, наприм., капиталъ скряги, котораго все удовольствіе состоитъ единственно въ томъ, чтобы любоваться своимъ золотомъ. Что касается до, такъ называемыхъ, *кладовъ* или забытыхъ, скрытыхъ сокровищъ, то они не могутъ называться капиталами; ибо капиталъ всегда предполагаетъ владѣльца. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о взаимномъ отношеніи четырехъ видовъ капитала: 1) Всякій капиталъ *стоячій* можетъ быть *промышленнымъ* и *непромышленнымъ:* домъ мой я могу отдать подъ фабрику, но могу также отдать его и лицу непромышленному. 2) Но всякій капиталъ *обращающійся* всегда есть *промышленный* и, слѣдовательно, не можетъ уже быть *непромышленнымъ*; *обращеніе* его есть уже промышленость. 3) *Промышленный* капиталъ можетъ быть или *стоячій* или *обращающійся*: лавка купца есть капиталъ стоячій; товары его — капиталъ обращающійся. Наконецъ 4) капиталъ *непромышленный*, изъятый отъ обращенія, всегда есть *стоячій*. Общій признакъ всѣхъ капиталовъ есть тотъ, что каждый изъ нихъ служитъ *орудіемъ нашей производительности*.

d) *Деньги*. Человѣкъ, побуждаемый потребностями своими ко взаимной мѣнѣ произведеній, нашелся бы въ величайшемъ затрудненіи при ихъ

сбытѣ, если бъ проницательный умъ его не успѣлъ отвратить всѣхъ неудобствъ размѣна: — онъ изобрѣлъ *деньги*. *Деньги* суть тотъ родъ предметовъ вещественныхъ богатствъ нашихъ, который, отъ извѣстныхъ условій, получилъ столь великую способность промѣниваемости, что составилъ *орудіе всякой мѣны*, т. е. на деньги можно получить всегда и отъ всѣхъ каждый предметъ нашихъ богатствъ. Такимъ образомъ, деньги, какъ свидѣтельствуетъ о томъ и Исторія, могутъ быть и не металическими: у однихъ народовъ состояли онѣ изъ лоскутовъ кожи, у другихъ изъ соли и пр.; матерія ихъ зависитъ отъ времени, мѣста и просвѣщенія. Однако жъ, чтобъ быть прочнымъ *орудіемъ мѣны*, деньги должны имѣть и всѣ качества, способствующія безостановочнымъ движеніямъ оной. Сихъ качествъ считается три: *рѣдкость*, *прочность* и *удободѣлимость*. *Рѣдкость:* — потому что въ противномъ случаѣ надлежало бы употреблять *слишкомъ большее* количество денегъ, чтобы пріобрѣсти другой предметъ, болѣе ихъ цѣнный; — это затруднило бы мѣну, а съ нею и промышленость. *Прочность:* — потому что, служа орудіемъ мѣны, въ безпрестанномъ употребленіи своемъ, деньги безъ этого могли бы издержаться и потерять свою цѣнность. *Удободѣлимость:* — вещь, принятая за деньги, должна имѣть цѣнность и въ малѣйшихъ своихъ частяхъ; ибо, въ противномъ случаѣ, она затруднила бы собою про-

мѣнъ ея на предметъ малоцѣнный. Всѣ сіи три необходимыя качества денегъ находимъ мы въ металлахъ, но не во всѣхъ, а только въ металлахъ драгоцѣнныхъ; по тому-то у всѣхъ, хотя нѣсколько просвѣщенныхъ народовъ, деньги состоятъ изъ золота, (платины) и серебра. И такъ неужели тѣ государства, въ которыхъ обращается и мѣдь, находятся на весьма низкой степени просвѣщенія? — Ни сколько! — Мѣдныя деньги не составляютъ монеты въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; онѣ суть только предметъ, имъ вспомоществующій: есть многія вещи, которыя по цѣнности своей несравненно ниже всякой, самой мелкой, серебряной монеты; для уравненія послѣдней съ сими вещами, надлежало бы такъ раздробить ее, что она легко могла бы теряться; для этого выдуманы мѣдныя деньги, которыя, такъ сказать, служатъ помощницами золоту и серебру. Цѣнность денегъ заключается въ самомъ предметѣ ихъ, а не въ тѣхъ изображеніяхъ, какія на нихъ дѣлаются для обезпеченія ихъ хода. Исторія показываетъ намъ, что произошло во Франціи съ принятіемъ предложенія *Ло*.

Но и при золотыхъ и серебряныхъ деньгахъ могутъ также встрѣчаться неудобства: надобно всякій разъ узнавать, сколько въ данномъ слиткѣ *вѣса* и какой онъ *пробы*; — послѣднее въ особенности затрудняетъ мѣну. Для этого-то, сперва нѣкоторые частные люди, а потомъ

и правительства, начали чеканить *монету* съ обозначеніемъ *вѣса* ея и *пробы* или достоинства. Чтобы облегчить пересылку монеты изъ одного мѣста въ другое, чтобы содѣлать ее еще болѣе вмѣстительною, были изобрѣтены такъ называемыя *кредитивныя бумаги*, которыя хотя сами по себѣ и не составляютъ денегъ (ибо внутренняя цѣнность ихъ ничтожна), однако жъ служатъ представительными знаками монеты и основываются на довѣріи. Подробности о монетѣ и кредитивныхъ бумагахъ мы можемъ найти у Сея въ его Traité d'Econ. Politique T. 1 p. p. 299 — 427.

Деньги были причиною тому, что всѣ предметы получили точную опредѣлительность своей цѣнности или цѣну. *Цѣна* есть та же цѣнность; но только уже *установленная* и *выраженная деньгами*. Цѣна предметовъ можетъ быть двоякая: либо *цѣна производства*, т. е. та сумма денегъ, въ какую производителю обошлось произведеніе вещи, либо *цѣна производства и вмѣстѣ трудовъ производителя* — цѣна *дѣйствительная*, которая беретъ въ счетъ не только всѣ издержки, употребленныя на произведеніе вещи, но и трудъ производителя. Не смотря, однако жъ, на то, что цѣна вещи зависитъ отъ издержекъ и трудовъ, на произведеніе ея употребленныхъ, она не можетъ измѣряться ни издержками, ни трудомъ производителя: произвести одну и ту же вещь для одного можетъ стоить и большихъ

издержекъ, и большихъ усилій, нежели для другаго; однако жъ за произведеніе перваго, если оно не лучше произведенія втораго, даютъ одно и то же количество денегъ. Смитъ измѣряетъ цѣну вещей количествомъ труда, на нихъ употребленнаго: — это справедливо, но не полно. Издержки и трудъ *первоначально* опредѣляютъ цѣну, но *дѣйствительно назначаетъ* ее только *запросъ* съ одной стороны и *предложеніе* съ другой; запросъ — со стороны *потребителей;* предложеніе — со стороны *производителей.* Въ самомъ дѣлѣ, если бъ кто нибудь вздумалъ торговать въ Россіи Китайскою одеждою; то хотя товары его и имѣли бы *цѣну* (ибо на нихъ сдѣланы издержки, на нихъ употребленъ трудъ); но эта цѣна была бы ничтожна: мы не имѣемъ нужды въ Китайской одеждѣ, на нее не было бы *запроса;* но, предположимъ, что эта одежда вошла въ моду: — въ ней чувствуется потребность, на нее дѣлается запросъ, и она, по мѣрѣ увеличенія его, получаетъ все большую и большую цѣну. Эта цѣна называется *цѣною рыночною*, и вся основывается на запросѣ и предложеніи. *Чѣмъ болѣе запроса и менѣе предложенія, тѣмъ болѣе цѣна сія увеличивается; чѣмъ менѣе запроса и болѣе предложеній, тѣмъ болѣе она понижается.* Такимъ образомъ, главная цѣна есть *цѣна рыночная*, которая въ то же время служитъ масштабомъ настоящей цѣны каждаго предмета, и которая, по вышесказанному,

основывается на запросѣ и предложеніи, такъ, какъ запросъ и предложеніе опять основываются на нашихъ потребностяхъ, т. е. полезности предлагаемыхъ предметовъ. Слѣдовательно, цѣна значитъ то же, что и цѣнность? Конечно; — цѣна предмета есть та же цѣнность его, но только выраженная деньгами.

В. *Посредственно - необходимыя условія промышлености.* Первое условіе благосостоянія народа есть его образованность. Дѣйствуя на цѣлое государство, на всю политическую систему вообще, просвѣщеніе подымаетъ и самую промышленость; — эта истина дознана опытомъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, отъ чего болѣе зависятъ успѣхи промышленнаго труда нашего, какъ не отъ большаго или меньшаго образованія и промышленниковъ и потребителей? Религія, науки, искусства — вотъ залогъ всякаго усовершенствованія промышленныхъ силъ. Истинная религія внушаетъ своимъ послѣдователямъ честность, добросовѣстность, столь необходимую во всѣхъ человѣческихъ сдѣлкахъ, — она просвѣщаетъ наше сердце. Науки даютъ разуму новыя силы, заставляютъ его отыскивать вѣрнѣйшія средства къ достиженію цѣли жизни нашей, къ достиженію общественнаго благополучія. Религія и науки облагораживаютъ вмѣстѣ наши искусства, доводятъ ихъ до высшей степени совершенства. Необходимость познаній, и опыт-

ныхъ и теоретическихъ, сопряжена со всякимъ трудомъ. Промышленное предпріятіе никогда не будетъ имѣть успѣха, если промышленникъ не имѣетъ познанія о настоящихъ потребностяхъ народа, по времени и мѣсту. Зависимость промышленности отъ благодѣтельныхъ законовъ очевидна. Благоуспѣшный ходъ дѣлъ въ мѣстахъ правительственныхъ, справедливыя рѣшенія судовъ, внутренняя и внѣшняя тишина и безопасность — все это вмѣстѣ составляетъ хотя и посредственныя, однако жъ необходимыя условія успѣховъ промышленности.

6. *Вліяніе промышлености на благосостояніе государства*, явствуетъ какъ изъ того уже, что она, совокупными силами народа, стремится удовлетворить и потребности и прихоти каждаго отдѣльнаго лица, такъ и изъ того, что въ ней заключается источникъ всѣхъ общественныхъ сборовъ, доставляющихъ правительству средства не только къ безбѣдному продовольствію гражданъ, но и къ огражденію внутренней и внѣшней ихъ безопасности.

Петръ Дж.

ПРАВОВѢДѢНІЕ.

О ЗАВѢЩАНІЯХЪ ПО РАЗУМУ ДРЕВНѢЙШИХЪ УЗАКОНЕНІЙ ВЪ РОССІИ (*).

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О завѣщаніи вообще.

1. Завѣщаніе есть законное изъявленіе воли о томъ, что желаемъ, дабы учинено было послѣ нашей смерти.

2. Завѣщатель долженъ быть здоровъ умомъ, а не тѣломъ.

3. Мужескаго пола особы могутъ завѣщать по совершеніи 14 лѣтъ отъ роду, а женскаго по совершеніи 12 лѣтъ.

(*) Статья, заимствованная изъ градскихъ законовъ, заключающихся во второй части *Кормчей* Книги. Дѣла о завѣщаніяхъ, какъ извѣстно, состояли до временъ *Петра Великаго* въ духовномъ вѣдомствѣ; почему и постановленія о семъ предметѣ необходимо должны были войти въ составъ Каноническаго Права. Подробное же изысканіе какъ о Кормчей Книгѣ вообще, такъ и о градскихъ законахъ, въ особенности, кои, по мнѣнію автора, составляютъ полное Уложеніе, вѣроятно имѣвшее свою силу въ самыя древнѣйшія времена, вскорѣ по принятіи Русью Христіанской религіи, онъ обѣщаетъ представить публикѣ въ отдѣльномъ трактатѣ.

4. Завѣщаніе принимаетъ учрежденіе отъ трехъ законныхъ источниковъ: отъ гражданскаго права, постановленія и преторскаго права. По гражданскому праву требуется, чтобы оно было совершено въ присутствіи свидѣтелей вмѣстѣ и всѣми утверждено; по постановленію, чтобы завѣщатель и свидѣтели подписали завѣщаніе; по преторскому праву требуется нужное число свидѣтелей и приложеніе ихъ печатей. Все сіе постановлено въ предосторожность того, чтобы нельзя было въ завѣщаніи употребить какого либо обмана; посему завѣщатель долженъ написать собственноручно имя назначеннаго наслѣдника слѣдующими словами: „Я назначилъ такого-то моимъ наслѣдникомъ;“ а ежели сего не сдѣлаетъ, то нужно, чтобы свидѣтели объявили имя наслѣдника.

5. Поелику сказано, что свидѣтели должны приложить и печать, то надобно знать, что можно печатать всѣмъ одною печатью.

6. Можно даже ночью печатать и подписывать завѣщаніе.

7. Тотъ, кто пишетъ завѣщаніе, принимается какъ свидѣтель онаго.

8. Кто по причинѣ болѣзни тѣлесной лишится ума, тотъ не можетъ дѣлать завѣщанія во время припадковъ безумія; но долженъ это сдѣлать въ промежуткахъ, когда приходитъ въ себя.

9. Слѣпой отъ рожденія или отъ болѣзни можетъ сдѣлать завѣщаніе неписьменное въ при-

сутствіи 7 или 5 свидѣтелей, назначая именно наслѣдниковъ съ ихъ примѣтами, чтобы не было ошибки.

10. Хотя бы имѣніе находилось у братьевъ въ общемъ владѣніи, однако жъ никому изъ нихъ не запрещается дѣлать завѣщаніе по благоусмотрѣнію; нераздѣльность имѣнія сему не мѣшаетъ.

11. Если подвластный или рабъ, или малолѣтній сдѣлаетъ завѣщаніе, то оно не утверждается, хотя подвластный умретъ, освободясь отъ власти, недоросль сдѣлавшись совершеннолѣтнимъ, или рабъ вольнымъ.

12. Грамотный человѣкъ, желающій сдѣлать распоряженіе между своими дѣтьми, долженъ собственноручно написать лѣта и имя каждаго изъ нихъ, и притомъ назначить не цифрами, а буквами, части, которыя предоставляетъ имъ въ наслѣдство, дабы все было ясно и вѣрно; ежели онъ захочетъ раздѣлить между ними свое имѣніе, или цѣлое или часть онаго, или сдѣлать распоряженіе о наслѣдникахъ: то нужно, чтобы примѣты всѣхъ были обозначены, дабы не возникло никакого спора между дѣтьми; ежели захочетъ отказать и женѣ своей или другимъ постороннимъ что либо, или свободу рабамъ, то завѣщатель долженъ также собственноручно написать все въ завѣщаніи и словесно объявить предъ свидѣтелями, что онъ самъ написалъ все написанное въ завѣщаніи и желаетъ, чтобы оно имѣло полную силу и дѣй-

ствіе, и чтобы никто не могъ сказать: такъ значится на бумагѣ, но въ сей бумагѣ не соблюденъ надлежащій порядокъ завѣщанія; онъ долженъ только объявить, что актъ имѣетъ силу правой руки его и языка; и ежели до смерти его завѣщаніе останется въ семъ видѣ, никто да не осмѣлится свидѣтельствовать, что завѣщатель имѣлъ намѣреніе отмѣнить оное и сдѣлать новое: ибо онъ могъ бы разодрать первое завѣщаніе, и сдѣлать по желанію другое, изъявляющее послѣднюю его волю, которая должна имѣть полную силу; и мы позволяемъ ему сіе сдѣлать, и именно объявить въ присутствіи 7 или 5 свидѣтелей, что онъ сдѣлалъ-было такое-то завѣщаніе, но теперь отмѣняетъ оное и дѣлаетъ новое; сіе учредить онъ долженъ или въ совершенномъ завѣщаніи, гдѣ соблюдены всѣ законные обряды, или въ письменномъ изъявленіи своей воли такъ, чтобы видно было, умеръ ли онъ при письменномъ или неписьменномъ ея изъясненіи; прежнія же предписанія отмѣняются всегда послѣднимъ, по совершенному завѣщанію или изъявленію воли.

13. Первое завѣщаніе, даже письменное, уничтожается вторымъ, хотя сіе есть совершенно.

14. Если доказано будетъ, что завѣщатель имѣлъ желаніе учредить наслѣдниками и другія лица, а между тѣмъ лишился языка, то и лица,

прежде сего назначенныя наслѣдниками, также не наслѣдуютъ.

15. Если завѣщатель не хочетъ, чтобы свидѣтели знали написанное имъ; то можетъ свернуть и запечатать свой актъ до того мѣста, гдѣ написано, и поднести свидѣтелямъ къ подписанію, объявивъ имъ на словахъ: вотъ мое завѣщаніе; и когда свидѣтели за одинъ разъ подпишутъ оное и приложатъ печать, то завѣщаніе его утверждается.

16. Кто раненъ будетъ на войнѣ, и потомъ на дорогѣ приближится къ концу своему, тотъ не только въ присутствіи трехъ свидѣтелей можетъ сдѣлать завѣщаніе, но ежели найдется и не болѣе двухъ лицъ, удостовѣреніе ихъ достаточно и завѣщаніе утверждается.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О завѣщаніи дѣтей, состоящихъ подъ родительскою властію.

1. Дѣтское имѣніе (Peculium) относится къ подвластнымъ и бываетъ или благопріобрѣтенное или родовое (родительское) (panicum).

2. Благопріобрѣтеннымъ называется то, что достаетъ кто нибудь самъ собою отъ рукодѣлія, или на войнѣ, или отъ какой нибудь должности, или по наслѣдству.

*

3. Родовымъ называется то, что родители даютъ дѣтямъ для ихъ употребленія и надобности, или что послѣдніе пріобрѣли отъ дара родительскаго.

4. Много различій между родовымъ и благопріобрѣтеннымъ дѣтскимъ имѣніемъ: a) благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ подвластный можетъ распоряжать по завѣщанію, а родовымъ не можетъ, хотя бы отецъ и приказалъ ему.

b) Отецъ въ гнѣвѣ можетъ отнять у него имѣніе родовое, а надъ благопріобрѣтеннымъ не властенъ.

c) Если кто долженъ и заимодавцы принуждаютъ его къ продажѣ имѣнія, онъ можетъ отчуждить дѣтское имѣніе, данное родителемъ, а благопріобрѣтеннаго не можетъ.

d) Если кто умретъ, оставивъ нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ одно имѣетъ достояніе свое благопріобрѣтенное и родительское, то родительское принадлежитъ всѣмъ дѣтямъ, а благопріобрѣтенное тому только, кому оное досталось въ удѣлъ.

5. Всякое имѣніе, пріобрѣтенное подвластными дѣтьми въ дальнихъ походахъ и путешествіяхъ, при буряхъ, зноѣ и зимахъ, принадлежитъ имъ въ собственность, которою они могутъ распоряжать по завѣщанію; если же родители ихъ заплатили что нибудь, то они обязываются возвратить родителямъ то, что имъ слѣдуетъ, а остальнымъ имѣютъ право распоряжать по завѣщанію.

Равнымъ образомъ все, что пріобрѣтутъ отъ художества, торговли, отъ всякой должности и званія, есть благопріобрѣтенное.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О завѣщаніи вольноотпущенныхъ.

1. Родство есть общее наименованіе, и родственники раздѣляются на восходящихъ, нисходящихъ и боковыхъ. Сіе родство существуетъ относительно къ свободнорожденнымъ; для отпущенныхъ на волю древніе не признавали ни восходящихъ родственниковъ (ибо какъ возможно было знать ихъ тому, кто родился въ рабствѣ?) ни боковыхъ, (ибо кто не имѣетъ восходящихъ родственниковъ, тотъ и боковыхъ имѣть не можетъ, потому что сихъ послѣднихъ можно отыскать только по первымъ); и такъ вольноотпущенные имѣютъ только нисходящихъ родственниковъ, т. е. дѣтей, внуковъ и правнучатъ и проч. Посему въ случаѣ смерти вольноотпущеннаго безъ завѣщанія, если остались у него дѣти, рожденныя прежде или послѣ отпущенія его на волю, либо вмѣстѣ съ нимъ или прежде его на волю отпущенныя, то они наслѣдуютъ ему; а если нѣтъ дѣтей, то прежній господинъ его наслѣдуетъ ему; если же онъ сдѣлавъ завѣщаніе, не оставилъ ничего прежнему своему господину и не имѣлъ дѣ-

тей и внуковъ, или имѣя лишилъ ихъ наслѣдства, а послѣ того умеръ и дѣти его не могутъ уничтожить завѣщанія: то прежній его господинъ получаетъ третью часть наслѣдства, не обязываясь уплачивать отказа (Legata).

2. Не только прежній господинъ, его жена, дѣти, внуки ихъ и всѣ отъ нихъ происходящіе имѣютъ право наслѣдовать отпущенному, но и боковые ихъ родственники до 5й степени.

3. Когда есть дѣти одного, двухъ или болѣе прежнихъ господъ или женъ ихъ, тогда тотъ, который ближе по степени, вступаетъ въ наслѣдство имѣнія отпущеннаго на волю раба.

4. Если же есть двое дѣтей отъ одного прежняго господина и трое отъ другаго, то наслѣдство раздѣляется на пять частей; то же дѣлается и относительно къ боковымъ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

О завѣщаніи Епископовъ и иноковъ.

1. Все, что Епископъ имѣлъ прежде, чѣмъ нарѣченъ Епископомъ, можетъ дарить, отчуждать по волѣ и послѣ смерти завѣщать или отказывать кому заблагоразсудитъ; а все, что пріобрѣлъ онъ, бывъ Епископомъ, принадлежитъ церкви, и не можетъ быть подарено или завѣщано имъ по произволу, развѣ когда досталось то ему по наслѣдству, отъ родителей, дядей и братьевъ.

2. Кто хочетъ поступить въ монастырь, то есть, принять иноческій санъ, долженъ прежде всего завѣщать имѣніе свое и тогда вступить въ монастырь; ибо послѣ того все его имущество причисляется къ достоянію монастырскому, и онъ не имѣетъ на оное никакого права, хотя бъ и не сказалъ именно, что приноситъ оное въ даръ монастырю.

3. Кто приметъ монашескій санъ, имѣя дѣтей, тотъ можетъ и послѣ вступленія въ монашескую жизнь раздѣлить свое имущество между дѣтьми и за собою удержать одну часть, которая называется монастырскою; ежели же онъ умретъ безъ завѣщанія, то дѣти получаютъ слѣдующую имъ часть, а прочія остаются монастырю.

4. Кто оставитъ одинъ монастырь и пойдетъ въ другой, тотъ лишается своего имущества и не можетъ взять ничего.

Н. Р.

СТАТИСТИКА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О НАЧАЛѢ И ПОСТЕПЕННОМЪ РАЗВИТІИ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНІИ ГОРНАГО ПРОМЫСЛА ВЪ РОССІИ (*).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи горное производство было извѣстно за долго до того времени, когда начала о немъ говорить Исторія. Вездѣ горное дѣло слыло одною изъ древнѣйшихъ промышленностей въ народѣ, и вѣроятно въ нашемъ отечествѣ оно явилось гораздо прежде гражданской образованности, чему свидѣтельствуютъ древнія *Чудскія копи,* о которыхъ не упоминаетъ Исторія, и которыя донынѣ служатъ руководительницами къ открытію богатѣйшихъ рудныхъ пріисковъ.

Если же Исторія и не свидѣтельствуетъ,

(*) Ограниченность времени, удѣленнаго мнѣ на составленіе сей статьи и тѣсныя рамы, въ которыя я долженъ былъ оную вставить, заставили меня пропустить многія любопытныя подробности, а вмѣстѣ съ этимъ не позволили и при каждомъ историческомъ извѣстіи, показывать и источники, изъ которыхъ она заимствована. Тѣ же самыя причины помѣшали мнѣ изложить и горную литературу, а потому я только скажу, что она началась въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, а самою блестящею эпохою оной было царствованіе Екатерины II.

умѣли ль наши предки добывать и обработывать металлы, то по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что литейное и монетное искусства существовали въ Россіи прежде того времени, въ которое, по словамъ Исторіи, родилась мысль о водвореніи у насъ горнаго дѣла. Истуканъ Перуна, описанный Несторомъ, есть представитель плавильнаго производства въ нашемъ отечествѣ, а дошедшая до насъ монета вѣка Ярослава говоритъ, что и въ то время Русскіе не были чужды монетнаго дѣла. Россіянинъ Борисъ, жившій въ Княженіе Симеона Гордаго, отливалъ колокола въ Москвѣ и Новѣгородѣ.

До конца XV столѣтія, Исторія не упоминаетъ ни слова о горномъ дѣлѣ, и только съ этого времени начинаютъ проявляться, хотя слишкомъ неудовлетворительныя, извѣстія о началѣ онаго въ Россіи.

Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ Великій, возобновивъ (въ 1482 году) сношенія съ Венгерскимъ Королемъ Матѳѣемъ Корвинымъ, просилъ его о присылкѣ въ Россію горныхъ мастеровъ, искусныхъ въ добываніи руды золотой и серебряной и въ очищеніи металловъ отъ земли. Вѣроятно, сіе требованіе не было удовлетворено: ибо въ наказѣ Траханіоту, отправлявшемуся къ Римскому Императору, въ 1490 году, было предписано отыскать и принять въ нашу службу художниковъ и горныхъ мастеровъ.

Въ 1491 году, два Нѣмца Иванъ и Викторъ, вѣроятно вывезенные Траханіотомъ, были отправлены съ Андреемъ Петровымъ и Василіемъ Болтинымъ къ устью Печеры для отысканія серебряной руды. Возвратившись чрезъ семь мѣсяцевъ въ Москву, они увѣдомили, что нашли серебро съ примѣсью мѣди на рѣкѣ Цыльмѣ. „Съ того времени,“ говоритъ Карамзинъ, „мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету „изъ Русскаго серебра, даже и золота. На первой „тогдашней золотой монетѣ изображенъ Св. Николай въ Епископской одеждѣ; правою рукою „благословляетъ, а въ лѣвой держитъ книгу; на „одной сторонѣ у него образъ Спасителевъ, на „другой Маріинъ; въ подписи сказано, что Государь изъ собственнаго золота вылилъ сей единый талеръ и подарилъ своей дочери Ѳеодосіи.“

Въ царствованіе Василія Іоанновича запрещено вывозить за границу оружіе и желѣзо. Въ это время, золотая монета была иностранная, а серебряная и мѣдная отечественная. Серебряную монету бить и чеканить позволялось каждому серебряныхъ дѣлъ мастеру; правительство наблюдало только за тѣмъ, чтобъ въ ней были установленный вѣсъ и чистота.

Іоаннъ Васильевичъ Грозный, желая распространить въ Россіи рудный промыселъ, дозволилъ (въ 1569 году) Англичанамъ завести селеніе на рѣкѣ Вычегдѣ, съ тѣмъ, чтобъ изъ Англіи

вывезенные мастера научили своему искусству нашихъ соотечественниковъ. Вмѣстѣ съ симъ было дозволено вывозить въ Англію желѣзо съ платою по деньгѣ съ фунта.

Къ этому же времени принадлежатъ первые Русскіе заводскіе строители, Яковъ и Григорій Строгановы, которымъ сначала было позволено строить соляныя варницы, но *не дѣлать руды*, а если таковую отыщутъ, то увѣдомлять правительство (*). Второю же грамотою, данною въ 1574 году, имъ велѣно строить укрѣпленія на берегу Тобола, и вести войну съ Кучумомъ для защищенія жителей Югорскихъ, за что они получили право выдѣлывать желѣзо, мѣдь, олово, свинецъ и сѣру для опыта, до нѣкотораго времени. Грамота Строгановымъ послужила поводомъ къ завоеванію Сибири, тогда мало населенной и еще менѣе полезной, но которая въ послѣдствіи съ увеличеніемъ образованности, а съ нею и промышленности, наконецъ содѣлалась для Россіи богатѣйшею житницею на поляхъ горнаго дѣла и торговли.

Вообще до царствованія Михаила Ѳеодоровича, горное дѣло въ Россіи было весьма непрочно и для плавки металловъ не существовало ни одного заво-

---

(*) Соляныя варницы Строгановыхъ были расположены на Вычегдѣ и имъ пожалованы земли внизъ по Камѣ до Сылвы и берега Чусовой.

да; только соляныя варницы доказывали, что у насъ, хотя слабо, но пользовались богатствами, сокрытыми природою подъ недоступнымъ земнымъ черепомъ. Сіи варницы принадлежатъ глубокой древности: ибо о существованіи оныхъ въ старинной Россіи говорятъ Иродотъ и Константинъ Багрянородный. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ оныя находились въ Старой Руссѣ, въ Перми, Вычегдѣ, Топьмѣ, Кинешмѣ и Соловкахъ.

Ницынской заводъ, первый въ Россіи, построенъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, въ 1628 году, гдѣ чрезъ два года началась выплавка желѣза. Сей предокъ горныхъ заводовъ въ Россіи сгорѣлъ въ 1637 году, и хотя въ послѣдствіи былъ возобновленъ, но вскорѣ, по неизвѣстнымъ причинамъ, вовсе оставленъ.

Около этого времени началась проплавка желѣзныхъ рудъ въ Тулѣ, и послужила основаніемъ извѣстному заводу Тульскому, который, славясь отдѣлкою оружія, уступаетъ въ оной немногимъ Европейскимъ заводамъ.

Въ 1632 году построены около Тулы *Городишенскіе* вододѣйствующіе заводы, на которыхъ проплавлялся чугунъ и которые принадлежали построившему ихъ Голландцу Виніусу. Новость заводскаго механизма доставила хозяину привилегію, которою въ теченіе десяти лѣтъ воспрещалось соискательство.

Кромѣ этого завода, Голландцы Виніусъ и

Акема и Датчанинъ Марселіусъ, вступившіе въ товарищество съ первымъ, построили заводъ Вологодской Губерніи на рѣкѣ Вагѣ.

Почти въ то же время, на землѣ Строгановыхъ, при рѣкѣ Яйвѣ, открытъ *Кушгурскій* желѣзный рудникъ, который разработывался при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и руды коего проплавлялись на Пыскорскомъ заводѣ, построенномъ при Камѣ, ниже Соликамска.

Близъ нынѣшняго Пыскорскаго завода, что въ Пермской Губерніи, открытъ мѣдный рудникъ; для разработки его былъ отправленъ Бояринъ Свитейщиковъ съ 15 иностранцами, которыми устроенъ Пыскорскій мѣдный заводъ на рѣкѣ Камгоркѣ. Сначала сей заводъ состоялъ въ казенномъ завѣдываніи; но потомъ отданъ Тумашевымъ и наконецъ совсѣмъ покинутъ. Хотя послѣ и былъ посланъ иностранецъ для возобновленія сего завода, но по его смерти все было оставлено и находившіеся при заводѣ люди отправлены въ 1656 году къ осажденной Ригѣ. Въ 1722 году найдены слѣды этого завода и въ 1724 онъ снова воспринялъ свое дѣйствіе.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича положено основаніе Каширскимъ, Поратовскимъ и Угоцкимъ заводамъ.

Къ этому же времени принадлежитъ и постройка заводовъ въ Олонецкой Губерніи, послужившихъ основою нынѣшнимъ Олонецкимъ за-

водамъ. Они началомъ своимъ одолжены Голландцу Бутенанту, извѣстному у насъ подъ именемъ Розенбута, которому и были отданы съ тѣмъ, чтобъ онъ ежегодно поставлялъ извѣстное число чугунныхъ пушекъ, бомбъ, ядеръ и гранадъ.

Въ 1671, 1672 и 1676 годахъ отправлялись партіи въ Уральскія горы для отысканія серебряной руды; но эти попытки, по причинѣ тогдашней дикости странъ, остались безъ всякаго успѣха, и только Фришъ и Герольдъ привезли нѣсколько кусковъ мѣди и желѣза.

Не смотря на столь малый успѣхъ рудоискательныхъ экспедицій, Россія уже имѣла свои желѣзодѣлательные и мѣдиплавиленные заводы, коими и ограничилась вся горно-заводская дѣятельность. Неудачу здѣсь должно отнести къ тому, что до сихъ поръ не было ни одного узаконенія, которое, доставивъ выгоды промышленникамъ, заставило бы ихъ употребить свои знанія на пользу горной службы. Постройка заводовъ производилась почти исключительно иностранцами, наблюдавшими собственныя пользы и нерадѣвшими о пользѣ казны. Хотя въ сіе время и явились Русскіе заводчики Строгановы, но они занимались большею частію выварокою соли, не умѣя очищать металловъ, или, находя сію операцію слишкомъ сложною и многостоющею, предпочитали меньшія, но болѣе вѣрныя выгоды, получаемыя ими отъ продажи соли.

Народная промышленность и богатство неразлучны съ гражданскою образованностію, а потому и горное дѣло въ Россіи находилось въ безсильномъ младенчествѣ до временъ Петра Великаго, принесшаго первую лепту на алтарь отечественнаго просвѣщенія и могущественною десницей снявшаго съ Россіи оковы невѣжества и, даже, дикости. Могло бы казаться удивительнымъ, что наше отечество, владѣвшее неистощимымъ Ураломъ, почти не имѣло своихъ металловъ; — но если вспомнить тогдашнее состояніе образованности, то увидимъ, что сокровищница Россіи уподоблялась въ то время, покрытому корою, алмазу въ рукахъ грубаго простолюдина. Если же къ состоянію тогдашней грубости присовокупимъ еще и зависть сосѣдей нашихъ, съ досадою смотрѣвшихъ на возрастающее могущество и силу Россіи, то намъ покажется весьма ясною причина, по которой иностранцы не только не желали научить насъ искусствамъ, вполнѣ имъ извѣстнымъ, но почему и сами, пренебрегая собственными выгодами, не желали водвориться въ Россіи и обогатиться разработкою обильныхъ рудниковъ Сибири: добывая металлы неизвѣстными намъ средствами, они могли невольно научить своему искусству Русскихъ и тѣмъ доставить имъ новое средство къ увеличенію ихъ богатства и могущества. Кромѣ этого, причиною удаленія отъ насъ иностранцевъ было и то не-

вѣжественное суевѣріе, которое въ каждомъ Ученомъ видѣло злаго волшебника и грозило ему пагубою по мѣрѣ его успѣховъ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что и горный промыселъ, на ряду съ прочими, оставался у насъ ничтожнымъ до Петра Великаго, Генія — преобразователя Россіи, поставившаго ее на стезю величія и славы.

Петръ Великій, принявъ бразды правленія и желая осчастливить, Богомъ ввѣренный ему, народъ, усмотрѣлъ, что Русскіе съ ихъ первобытною необразованностію, едва ли постигнутъ Его преднамѣренія, а потому вмѣстѣ съ мыслію о благѣ народномъ, въ юномъ умѣ Его созрѣла мысль: просвѣтить Россію. Каждый знаетъ, чѣмъ одолжена Россія этому Монарху на пути образованія, промышленности, богатства и славы. Обнимая въ высокомъ умѣ своемъ все, клонящееся къ пользѣ Его народа, Онъ увидѣлъ, что Россія, богатая подземными сокровищами, не умѣетъ извлекать изъ нихъ той пользы, которую имѣютъ другія Государства, а потому и рѣшился упрочить, у насъ едва водворившуюся, горную промышленность, и Его царствованію обязана Россія тѣми мудрыми Узаконеніями, которыми долго руководствовались при Его преемникахъ и слѣдствіемъ которыхъ было не только улучшеніе, но, судя по тогдашнему времени, и самое процвѣтаніе рудной промышленности.

До временъ Петра Великаго горные заводы,

не имѣя собственныхъ узаконеній и слѣдовательно управленія, зависѣли отъ *Посольскаго Приказа, Приказа большой казны, Оружейной палаты, Пушечнаго двора,* и *Приказа большаго дворца.*

Въ царствованіе Петра Великаго, въ 1700 году, учрежденъ въ Москвѣ *Рудный Приказъ* и 2го Ноября того же года издано первое узаконеніе, которымъ дозволялось каждому пріискивать золотыя, серебреныя и мѣдныя руды. Въ 1719 году Рудный Приказъ замѣненъ учрежденною въ С. Петербургѣ Бергъ-Коллегіею, въ вѣдѣніи коей находились всѣ дѣла и лица, принадлежавшія заводамъ и въ это же время изданъ манифестъ подъ именемъ Бергъ-Привиллегіи, которымъ опредѣлены права и преимущества рудоискателей и заводчиковъ.

По изданіи Бергъ-Привилегіи обнародованъ (1721 Февраля 20) указъ Правительствующаго Сената, который каждаго заводчика освобождалъ отъ службы и купцамъ даровалъ право покупать къ заводамъ крестьянъ съ дозволенія Бергъ- и Мануфактуръ-Коллегій съ тѣмъ, чтобъ крестьяне сіи навсегда оставались принадлежностію заводовъ и безъ оныхъ отдѣльно не могли быть продаваемы. Указъ о пробѣ желѣза изданъ въ 1722 году, а въ 1724 повелѣно, вмѣсто десятой части, брать въ казну съ наличнаго чугуна по копѣйкѣ, а съ ручныхъ доменъ по деньгѣ съ пуда.

Кромѣ Бергъ-Коллегіи, по управленію гор-

ными дѣлами, существовали слѣдующія Начальства: Контора Олонецкихъ Петрозаводскихъ заводовъ, бывшихъ въ вѣдѣніи Адмиралтействъ Коллегіи и потомъ отошедшихъ къ Бергъ-Коллегіи, при чемъ Контора переименована Канцеляріею, — Бергъ-Контора въ Москвѣ, завѣдывавшая казенными и частными заводами Московской и смежныхъ съ нею Губерній, — Высшее горное начальство въ Тобольскѣ для Сибирскихъ заводовъ.

Слѣдствіемъ такихъ узаконеній было прибытіе къ намъ иностранцевъ, вызванныхъ Посолькимъ Приказомъ, и съ этого времени горный промыселъ началъ утверждаться въ Россіи.

Говоря о предпріятіяхъ благодѣтельнаго Монарха на пользу горнаго промысла, кто умолчитъ о тѣхъ лицахъ, которыя ревностно содѣйствовали Ему въ этомъ подвигѣ и между которыми первыя мѣста занимаютъ Нассау — Зигенскій уроженецъ, Генералъ-Маіоръ отъ Артиллеріи де Геннинъ и Тульскій купецъ, Демидовъ родоначальникъ нынѣшней фамиліи Демидовыхъ, который въ послѣдствіи былъ Коммиссаромъ и за истинно патріотическія пожертвованія во время войны съ Швеціею получилъ дворянство?

Горное производство во времена Петра Великаго, было столь обширно, что не можетъ быть здѣсь изложено во всей его

подробности, а потому мы укажемъ только на важнѣйшія открытія и устройства по сей части.

Въ царствованіе Петра I открыта въ Нерчинскомъ уѣздѣ серебряная руда, и посланными Греками построенъ заводъ, на которомъ въ 1704 году выплавлено серебра 1 фунтъ, 74 золотника.

Въ 1699 году, Петръ Великій проѣзжалъ Тулу и, посѣтивъ Тульскій заводъ, полюбопытствовалъ узнать, могутъ ли на ономъ выдѣлываться вещи, которыя добротою своею не уступали бы заграничнымъ? На вызовъ любимаго Государя явился кузнецъ Демидовъ, сдѣлавшій къ обратному пріѣзду Императора точно такую же алебарду, какая для образца была ему дана Высокимъ Посѣтителемъ. Искусство мастера понравилось Петру I, который, увидѣвъ въ немъ человѣка, полезнаго для Россіи, пожаловалъ ему, выстроенный въ послѣдствіи, *Невьянскій* заводъ.

Пріискъ богатыхъ желѣзныхъ рудъ въ Уральскихъ горахъ послужилъ поводомъ къ постройкѣ Каменскаго, Уктусскаго и Невьянскаго заводовъ. Первый чугунъ на Уралѣ выплавленъ въ 1701 году. Сіи заводы, сперва весьма незначительные, были родоначальниками того огромнаго Уральскаго горнопроизводства, которое теперь надѣляетъ Россію благородными металлами и цвѣтными каменьями, то необходимыми для существованія каждаго Государства, то служащими къ удовлетворенію утонченной ро-

скоши образованнаго общества. Изъ сихъ заводовъ въ особенности замѣчателенъ Уктусскій тѣмъ, что на немъ началъ поприще горной службы В. Н. Татищевъ, обогатившій горную промышленность многочисленными открытіями, а литературу ея полезными сочиненіями. Онъ управлялъ Уктусскимъ заводомъ вмѣстѣ съ Блюэромъ, изслѣдовавшимъ земныя нѣдра Россіи, и много способствовавшимъ къ упроченію у насъ горнаго дѣла.

Успѣхи горнаго дѣла на Уралѣ побудили предпріимчиваго Демидова перенести заводскую промышленность на берега Нейвы и построить на хребтѣ Уральскомъ болѣе 10 заводовъ. Демидовъ, славный своею отважностію, не менѣе отличился и, свойственнымъ Русскому, патріотизмомъ. Въ трудную и славную для Россіи войну съ бранолюбивымъ Карломъ XII, онъ, отливая на одномъ изъ своихъ заводовъ воинскіе снаряды, отсылалъ ихъ въ Пушкарскій Приказъ по 12 коп. за пудъ, и, равнодушный къ почестямъ, не желалъ принять за это никакой награды.

Но изъ всѣхъ, посвятившихъ въ царствованіе Петра I, свои силы на пользу горной службы, по способностямъ и усердію, занимаетъ первое мѣсто де Геннинъ, который въ послѣдствіи былъ отправленъ на казенный счетъ въ чужіе краи для усовершенствованія себя въ горныхъ наукахъ. Неутомимость этого мужа на поприщѣ службы неимовѣрна. До выѣзда своего за границу онъ

управлялъ Петровскими, Повѣнецкими и Кончезерскими заводами и на первыхъ до того усовершенствовалъ отливку орудій, что изъ 1000, приготовленныхъ на заводѣ, не выдерживали пробы только три. Возвратясь изъ чужихъ краевъ, онъ вывезъ оттуда искусныхъ мастеровъ и завелъ въ Олонцѣ разныя вододѣйствующія фабрики. Кромѣ этого онъ построилъ заводы: Екатеринбургскій, Верхъ-Исетскій желѣзодѣлательный, мѣдные заводы Ялинскій, Ающихинскій, Верхъ-Уктусскій; улучшилъ и распространилъ заводы: мѣдный Полевской, Молотовый, Алапаевскій, Уктусскій и Каменскій. Весьма замѣчательно, что издержки на устройство сихъ заводовъ окупились въ теченіе 6 лѣтъ; а въ 1726 и 1727 годахъ, онъ доставлялъ до 10 т. пудъ мѣди и отъ 140 т. до 150 т. полосоваго желѣза, кромѣ жести, стали, проволокъ и мѣдныхъ приборовъ. Сверхъ постройки заводовъ, Россія обязана ему учрежденіемъ школы въ Екатеринбургѣ, въ которой образовалось много офицеровъ, доставившихъ большую пользу горной службѣ; ему же принадлежатъ и изданіе наказа заводскому Коммиссару и различныя учрежденія столь полезныя и хорошо обдуманныя, что они служили руководителями долго по его смерти.

Заслуги де Геннина были награждены довѣренностію и уваженіемъ мудраго Государя; память о немъ слилась съ достославною исторіею Монарха — преобразователя. Де Геннинъ, вмѣстѣ съ

Демидовымъ, успѣшно подвизался на пользу Россіи, и оба, чуждые почестей, безкорыстно предложили свои способности и усердіе на алтарь наукъ и промышленности; но де Геннинъ, какъ иностранецъ и непривязанный къ Россіи узами природнаго патріотизма, долженъ занять первое мѣсто: ибо его дѣйствія проистекали изъ чистой приверженности къ Монарху и новому своему отечеству. Но, говоря о де Геннинѣ и Демидовѣ, мы не должны умалчивать о Строгоновѣ, Блюэрѣ и Татищевѣ, коихъ имена также нераздѣльны съ исторіею горнаго промысла въ Россіи: ибо и они, почти на равнѣ съ первыми, способствовали къ упроченію его состава.

Изъ краткаго обзора успѣховъ горнаго промысла въ Россіи видно, что до Петра Великаго горное дѣло у насъ было въ совершенномъ младенчествѣ и что мудрыя предначертанія Его поставили заводскую и горную промышленность на прочномъ основаніи и изъ неисчерпаемой сокровищницы Урала извлекли сокрытые металлы, обогатившіе Россію.

Въ 1720 году открыты въ Алтайскомъ хребтѣ около озера Колывана мѣдныя руды, а въ 1727 году въ царствованіе Императрицы Екатерины I, выстроены Акинѳіемъ Никитичемъ Демидовымъ мѣдиплавленные заводы. Вскорѣ найдены въ тѣхъ мѣстахъ серебрянные руды, и заводы взяты въ казну, а строителю возвращены всѣ

издержки. Нынѣ сіи заводы, составляя собственность казны, ежегодно выплавляютъ до 1000 пудъ серебра.

Въ царствованіе Анны Іоанновны произведены открытія различныхъ рудъ въ разныхъ мѣстахъ Имперіи и въ томъ числѣ въ Верхотурскомъ Уѣздѣ обрѣтена гора магнитнаго желѣзнаго камня, получившая изъ устъ Императрицы названіе *Благодати*.

Казенные заводы безпрестанно приходили въ худшее состояніе, и по Высочайшему Указу, Главнымъ Начальникомъ Сибирскихъ заводовъ назначенъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Татищевъ, которому предоставлена власть строить вновь и уничтожать заводы, донося объ этомъ Императрицѣ, и производить самому въ чины до Поручика.

По прибытіи своемъ къ заводамъ, Татищевъ осмотрѣлъ оные и далъ наставленія къ лучшему устройству ихъ; а потомъ, собравъ промышленниковъ, заводскихъ прикащиковъ и другихъ горныхъ людей, предложилъ имъ составить горный Уставъ, что Высочайшею волею возложено было на него при вступленіи его въ должность. Уставъ былъ сочиненъ; но, по неизвѣстнымъ причинамъ, оставленъ въ бездѣйствіи. Онъ же Татищевъ опредѣлилъ на частные заводы Смотрителей подъ именемъ *Шихтмейстеровъ* и начерталъ *Наказъ Шихтмейстеру*.

Въ это время Екатеринбургскій Оберъ-Бергъ-Амтъ переименованъ въ *Канцелярію Главнаго заводовъ Правленія*, съ чѣмъ вскорѣ все измѣнилось.

Могущественный Биронъ обратилъ вниманіе на горные заводы и вмѣсто Бергъ-Коллегіи, соединенной съ Мануфактуръ-Коллегіею (въ 1731 году), учредилъ, подъ непосредственною властію Императрицы, Государственный Генералъ-Бергъ-Директоріумъ, которому присвоены преимущества Бергъ-Коллегіи. Имѣя необходимость, для исполненія своихъ замысловъ, въ преданномъ человѣкѣ и не надѣясь найти его въ Россіи, онъ Президентомъ, учрежденнаго имъ, Правительственнаго мѣста, назначилъ, вызваннаго имъ изъ Саксоніи, Оберъ Берггауптмана Барона Шемберга, которому подчинились не только заводы, но и самъ Татищевъ. Этотъ человѣкъ, въ руки котораго надмѣнная власть Временщика ввѣрила судьбу горнаго промысла, по отзыву Татищева, не имѣлъ никакихъ свѣдѣній въ горномъ дѣлѣ и *никогда не видалъ желѣзныхъ заводовъ*.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ управленія было издано на Нѣмецкомъ и Русскомъ языкахъ новое узаконеніе подъ именемъ *Бергъ-Регламента*, которымъ горный промыселъ отдѣленъ отъ гражданскаго управленія и подчиненъ Бергъ-Директоріуму, какъ главному мѣсту послѣ Высочайшей власти.

Частные заводы приносили пользы гораздо

болѣе, нежели казенные, а потому и положено отдать сіи послѣдніе частнымъ людямъ, что произвести въ дѣйство предоставлялось Берг-Директоріуму, а потому Шембергъ получилъ мѣдные пріиски въ Лапландіи и строившіеся Гороблагодатскіе заводы, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось и завѣдываніе Татищевымъ казенными и частными заводами въ Сибири. Но онъ вписалъ свое имя въ скрижаль исторіи: ибо Сибирскіе заводы въ его управленіе улучшились и имъ же построены заводы: Кушвинскій, Сылвинскій, Юговскій, Висимскій, Верхнетуринскій, Сѣверскій и другіе.

Съ возшествіемъ на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны уничтоженъ Бергъ-Директоріумъ и возстановлена Бергъ-Коллегія.

Заводы подъ управленіемъ Бергъ-Директоріума были совершенно разстроены, а потому въ царствованіе сей Государыни наряжена особая Коммисія для разсмотрѣнія заводскихъ дѣлъ, которая нашла полезнымъ передать заводы въ управленіе частнымъ людямъ.

Вѣкъ Елисаветы Петровны ознаменованъ важными открытіями благородныхъ металловъ. Золото въ 1745 году найдено въ горахъ Олонецкихъ, Уральскихъ и Алтайскихъ, и тогда же открытъ сей металлъ въ заводахъ Екатеринбургскихъ. Въ 1752 году началась обработка золотыхъ рудъ, а въ 1754 доставлено въ Петербургъ *первое золото* около 16 фунтовъ, котораго во все

царствованіе сей Императрицы получалось не болѣе $1\frac{1}{2}$ пуда.

Въ это же время въ горахъ Алтайскихъ открытъ знаменитый серебросодержащій *Змѣиногорскій* рудникъ. Въ слѣдствіе этого, въ 1745 году, заводы куплены въ казну и въ томъ же году доставлено въ С. Петербургъ *въ первый разъ* около 45 пудъ серебра, изъ котораго набожность Императрицы указала соорудить великолѣпную раку Св. Благовѣрному Князю Александру Невскому.

Въ 1761 году, по докладу Д. С. С. Олсуфьева, управлявшаго Кабинетомъ, Императрица, *по сходству математическихъ наукъ* сравнила горныхъ Офицеровъ въ рангѣ и жалованьѣ съ Артиллерійскими и Инженерными. Хотя сіе положеніе составлено собственно для Колыванскихъ заводовъ, но въ послѣдствіи распространено и на другіе.

Такимъ образомъ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны ознаменовалось въ исторіи Горнаго дѣла не только важными открытіями, обогатившими государство, но и тѣми постановленіями, которыя, возвысивъ Горную службу предъ гражданскою, доставили первой хорошихъ Офицеровъ, привлеченныхъ, дарованными ей, преимуществами.

Съ изданіемъ Учрежденія о Губерніяхъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Берг-Коллегія уничтожена и заводы подчинены Горнымъ Экспедиціямъ, учрежденнымъ при Казенныхъ

Палатахъ. (!!) Но вскорѣ Колывановоскресенскіе заводы, по предстательству Кабинета, получили особаго Начальника, которымъ назначенъ Сп. С. Качка, извѣстный своимъ усердіемъ къ службѣ и глубокими познаніями Горнаго дѣла. Въ его управленіе не только сіи заводы улучшились, но и количество (1000 пудъ) выплавки на оныхъ металловъ доведено до той точки, съ которой оно сдѣлалось постояннымъ.

Въ царствованіе Екатерины II Нерчинскіе заводы были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, до котораго въ послѣдствіи никогда не достигали: сначала на нихъ выплавлялось до 600 пудовъ серебра, а въ послѣдніе годы до 250.

Къ этому же времени относится улучшеніе и чугуннаго производства въ Россіи. Въ 1786 году былъ приглашенъ изъ Англіи извѣстный Гаскоинъ, который и получилъ въ свое управленіе Олонецкіе заводы. Прибывшіе съ нимъ, мастера устроили новыя машины и ввели особый способъ отливки и отдѣлки пушекъ и снарядовъ.

До царствованія Великой Екатерины горная служба, если и имѣла достойныхъ Офицеровъ, то они были иностранцы или же Русскіе Практики, мало знакомые съ многосложною теоріею горнозаводскихъ Наукъ. Императрица, видѣвшая необходимость имѣть образованныхъ Офицеровъ, учредила для воспитанія ихъ въ С. Петербургѣ (въ 1774 г.) Горное училище, которое доставило обра-

зованіе многимъ чиновникамъ, отличившимъ себя на поприщѣ горной службы.

Въ царствованіе Императора Павла I предположено было преобразованіе горнаго промысла на началахъ, совершенно новыхъ для Россіи. Сіи преобразованія, умышленныя М. Ѳ. Соймоновымъ, были разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ, Высочайше утверждены и въ 1800 году обнародованы.

Полагалось опредѣлить на заводы непремѣнныхъ мастеровыхъ, а заводскому Управленію, отъ сдѣланныхъ прибылей, выдавать четвертую часть въ награжденіе.

Возстановленная Бергъ-Коллегія составила дополнительныя статьи, удостоившіяся Высочайшаго утвержденія въ 1801 году. Въ слѣдствіе сихъ учрежденій образовано въ Екатеринбургѣ горное начальство о двухъ Департаментахъ, вмѣсто Канцеляріи Главнаго заводовъ Правленія, а также основано начальство Гороблагодатское и Пермское. Банковское же осталось въ прежнемъ видѣ. На заводы опредѣлены горные начальники, которымъ даны особыя инструкціи и при заводахъ учреждены школы для приготовленія людей въ штейгеры и другія горныя и заводскія должности.

До царствованія Императора Павла I заводы всѣми открытіями были обязаны только случаю: ибо рудоискательныя партіи почти ни-

куда не посылались, исключая экспедиціи въ концѣ XVI столѣтія и развѣдки горъ въ царствованіе Петра I. Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ М. Ѳ. Соймоновъ, славный на поприщѣ горной службы и отличавшійся всеобъемлющимъ умомъ, составивъ инструкцію офицерамъ, занимающимся горными развѣдками, исходатайствовалъ позволеніе на отправленіе рудоискательныхъ партій въ разныя мѣста обширной Россійской Имперіи; слѣдствіемъ чего было открытіе присудствія золота въ восточномъ Уралѣ, въ мѣстахъ, орошаемыхъ рѣкою Міясомъ, гдѣ нынѣ обрѣтены богатѣйшія золотоносныя розсыпи; а въ дачахъ Богословскихъ заводовъ открыты мѣдныя руды.

Въ началѣ царствованія Императора Александра I, Берг-Коллегія существовала нѣкоторое время, но заводское управленіе было измѣнено.

Императоръ Александръ I, ревнитель просвѣщенія, повелѣлъ преобразовать Горное училище. Оно переименовано въ Горный кадетскій корпусъ (въ 1804 году Генваря 19), гдѣ курсъ наукъ былъ распространенъ, и воспитанниковъ корпуса Высочайше повелѣно выпускать практикантами, а по представленіи ими описанія по заводской технической или горной части, они производились чрезъ два года въ офицеры. Въ послѣдствіи сему корпусу предоставлены права Московскаго Благороднаго пенсіона и воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ семъ заведеніи,

положено производить безъ экзамена въ 8 и 5 классы.

Съ учрежденіемъ Министерствъ, Берг-Коллегія подчинена Министру Финансовъ и заводы получили преобразованіе на началахъ проэкта горнаго положенія, которымъ назначены цѣны за обработку издѣлій и металловъ, на заводахъ, чѣмъ понижалась цѣнность заводскихъ произведеній и заводы начали получать прибыль, которая дѣлилась между казною и мѣстнымъ начальствомъ. Вмѣстѣ съ этимъ въ С. Петербургѣ учрежденъ Горный Департаментъ, а въ Москвѣ и Перьми Горныя Правленія. Заводы раздѣлены на округи, въ которыхъ главный заводъ названъ *Горнымъ городомъ*. При заводахъ учреждены школы и богадѣльни, а власть горныхъ начальниковъ увеличена почти до той мѣры, въ какой пользовались оною нѣкогда де Геннинъ и Татищевъ.

Начальникомъ заводовъ назначенъ А. Ф. Дерябинъ, который своею опытностію и знаніемъ горныхъ наукъ, усовершенствованными въ чужихъ краяхъ, улучшилъ многіе изъ заводовъ и на нѣкоторыхъ изъ нихъ усилилъ добычу металловъ. А. Ф. Дерябинъ, участвуя въ составленіи или, лучше сказать, составивъ проэктъ горнаго положенія, много способствовалъ къ выгодамъ горной службы и усовершенствованію и развитію горнаго дѣла, а потому имя сего мужа должно стоять на ряду съ

де Генниномъ, Татищевымъ, Соймоновымъ и другими.

При новомъ преобразованіи Министерствъ въ 1811 году, Горный Департаментъ названъ *Департаментомъ Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ.* Въ завѣдываніе онаго вошли: Соляное управленіе, бывшее при Министрѣ Внутреннихъ дѣлъ и Монетный Департаментъ. Съ этого же времени начались измѣненія проэкта горнаго положенія.

Для сохраненія единства власти, въ Уральскіе заводы опредѣленъ Главный Начальникъ.

Разрушающіяся начала проэкта горнаго положенія требовали новаго преобразованія, а потому въ концѣ 1824 г., по распоряженію правительства, составленъ особый Комитетъ для лучшаго устройства заводовъ. Комитетъ, по истребованіи подробныхъ описаній заводовъ, принялъ за непремѣнное правило учредить ихъ на прочныхъ штатахъ и положеніяхъ, то есть, опредѣливъ количество ежегодной добычи металловъ и выдѣлки издѣлій, установить изъ произведенныхъ опытовъ уроки, назначить по нимъ, вмѣсто жалованья, задѣльную плату для рабочихъ, улучшить вообще состояніе чиновниковъ и мастеровыхъ, и изъ всего этого вывести мѣстную на содержаніе заводовъ сумму, такъ чтобы всякой вещи вычислена была своя цѣна. На семъ основаніи въ 1829 г. составлены штаты и положенія для всѣхъ заводовъ, исключая Колывано-Воскресенскіе и Нерчинскіе,

бывшіе тогда въ вѣдѣніи Кабинета Его Величества. Весьма замѣчательно здѣсь то, что, не смотря на важное улучшеніе состоянія каждаго, цѣна на металлы по симъ новымъ штатамъ не только не увеличена, но по опредѣлительности заводскаго дѣйствія даже уменьшена. Сіе преобразованіе тѣмъ болѣе важно, что съ онымъ, судя по мѣстной возможности, Высочайше повелѣно соображаться и частнымъ заводамъ, какъ скоро на какомъ либо изъ нихъ содержаніе рабочаго народа окажется стѣснительнымъ.

Къ царствованію же Императора Александра принадлежитъ и учрежденіе при Горномъ корпусѣ въ 1825 г. Ученаго Комитета по Горной и Соляной части, которому предоставлено право издавать журналъ съ тѣмъ, чтобъ Русскихъ знакомить съ новыми открытіями по части горныхъ и заводскихъ наукъ, а иностранцевъ съ Россіею въ горно-заводскомъ отношеніи. Нынѣ польза этого изданія уже несомнѣнна: ибо оно доставляетъ возможность горнымъ офицерамъ преслѣдовать горно-заводскія науки на пути ихъ усовершенствованія, чему прежде отдаленная Сибирь противопоставляла почти непреодолимыя затрудненія.

Говоря о благодѣтельныхъ учрежденіяхъ правительства на пользу горной службы, не можемъ умолчать о томъ, что и частные люди посильно старались распространить горныя зна-

нія. Такимъ образомъ Графиня С. В. Строганова учредила въ С. Петербургѣ школу Сельскаго Хозяйства и Горно-заводскихъ наукъ, въ которой для сихъ предметовъ приготовляются люди изъ крѣпостнаго и податнаго состоянія. Н. Н. Демидовъ, богатый заводчикъ, посылаетъ отличныхъ изъ заводскихъ людей въ Фрейбургъ и Парижъ для усовершенствованія ихъ въ горныхъ наукахъ.

Горная служба, обязанная своими преимуществами Императору Александру I, благословляетъ Его же за полезныя постановленія, распространившія горный промыселъ. Сюда принадлежитъ указъ 1812 года, позволившій частнымъ людямъ разработывать золотые и серебряные рудники.

Необходимымъ слѣдствіемъ этого указа было расширеніе частнаго горнаго промысла, обогатившаго подданныхъ и доставившаго немалыя выгоды правительству. Открытіе богатыхъ золотоносныхъ розсыпей на Уралѣ, а вмѣстѣ съ ними и платины, не только обогатило заводы, но даже поддержало иные изъ оныхъ, клонившіеся къ совершенному упадку и дѣйствовавшіе въ убытокъ казнѣ. Такимъ образомъ Богословскіе заводы съ открытіемъ въ нихъ богатыхъ золотоносныхъ розсыпей, стали на чреду полезныхъ заводовъ.

Добыча золота, ограничивавшаяся 25 пудами, чрезъ десять лѣтъ по изданіи сего Указа и съ распространеніемъ открытія золотоносныхъ роз-

сыпей, возрасла до 200 пудъ. Золотые и платиновые самородки, которыми славилась золотоносная Америка, оказались ничтожными въ сравненіи съ достоинствомъ тѣхъ, которые начали добываться въ Сибири: слитокъ самороднаго золота вѣсомъ 24 фун. 69 зол., найденный въ Царево-Александровскомъ рудникѣ Златоустовскихъ заводовъ и платиновый въ 10 фун. 35 зол., открытый въ дачахъ Н. Н. Демидова и пожертвованный имъ правительству, вѣрно долго еще не найдутъ себѣ соперниковъ.

Нынѣ благополучно царствующій Императоръ Николай I, мудро пекущійся о благоустройствѣ всѣхъ частей великой своей Державы, обратилъ особенное вниманіе на горную службу, чему доказательствами служатъ важныя преобразованія по управленію заводовъ.

Колывановоскресенскіе и Нерчинскіе заводы, находившіеся подъ управленіемъ Кабинета Его Величества, въ 1830 году переданы въ Министерство Финансовъ вмѣстѣ съ горнымъ отдѣленіемъ, въ завѣдываніи котораго состояли.

Съ поступленіемъ заводовъ въ Министерство Финансовъ, они подчинились Департаменту Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ и, по примѣру Уральскихъ, получили особенныхъ горныхъ начальниковъ, изъ которыхъ одинъ зависитъ отъ главнаго начальника Колывановоскресенскихъ заводовъ, а другой отъ Генералъ-Губернатора восточной Сибири,

дѣйствующихъ на правахъ главнаго начальника Уральскихъ заводовъ.

Колывановоскресенскіе и Нерчинскіе заводы разрабатывали руды изъ древле открытыхъ рудниковъ, а Алтайскій кряжъ и Яблоновой хребетъ оставались неизслѣдованными, хотя уже давно въ горахъ сихъ подозрѣвали золото, а потому Министръ Финансовъ съ Высочайшаго разрѣшенія опредѣлилъ ежегодно по пятидесяти тысячь рублей на развѣдки горъ, входящихъ въ округъ заводовъ. Къ этому наиболѣе побуждало и то, что горная промышленность, особенно въ Колывановоскресенскихъ заводахъ, истощили уже рудныя мѣсторожденія богатой порфировой формаціи, и Змѣиногорскій рудникъ, Несторъ Алтайскихъ рудокопней, столь знаменитый своимъ богатствомъ, не представляетъ нынѣ почти никакихъ выгодъ для горной промышленности.

Разводочныя партіи въ Алтайскомъ кряжѣ и Яблоновомъ хребтѣ открыли въ первомъ золотоносныя розсыпи и значительныя мѣсторожденія серебряныхъ рудъ. Хотя въ Яблоновомъ хребтѣ разводки были и не столь успѣшны, но по крайней мѣрѣ онѣ доказали, что и тамошнимъ горамъ золото не чуждо.

Кромѣ казенныхъ рудоискательныхъ партій разводка Алтайскихъ горъ обогатила и частныхъ промышленниковъ, которые вмѣстѣ съ казен-

ными получили въ 1830 году золота 69 пудъ 34 фунта.

Развѣдки доставили заводамъ новые источники для добычи рудъ, а самая обработка металловъ требовала улучшенія, и для этого были посыланы чиновники въ Саксонію и другія мѣста для изученія усовершенствованныхъ способовъ обработки рудъ, выплавки металловъ и способа амальгамаціи. Сіи офицеры, возвратясь изъ чужихъ краевъ, нынѣ занимаются опытами надъ улучшеніемъ плавки и другихъ предметовъ горно-заводскаго дѣла.

Всѣ сіи преобразованія клонились къ пользѣ казны, при чемъ, однако жъ, и частные выгоды не упускались изъ виду. Положено было улучшить скудное содержаніе чиновниковъ и сравнить ихъ въ содержаніи со штатами Уральскихъ заводовъ. Вмѣстѣ съ этимъ установлена въ пользу служащихъ денежная награда изъ выручки за металлы, а именно: за выплавку свыше 1000 пудъ на Колывановоскресенскихъ и 200 на Нерчинскихъ положено давать по 150 руб. ассигнаціями съ каждаго пуда. Въ слѣдствіе сихъ предположеній Нерчинскіе заводы сравнены въ штатахъ съ Уральскими, а Колывановоскресенскіе хотя еще и не воспользовались благодѣтельнымъ предположеніемъ правительства, но попечительное начальство и безъ того несравненно противъ прежняго улучшило ихъ состояніе.

1го Генваря 1834 года горная служба получила совершенно новый видъ.

Для завѣдыванія распорядительною и искуственною частію горнаго, монетнаго и солянаго производства, учрежденъ корпусъ Инженеровъ, коего Главноначальствующимъ назначенъ Министръ Финансовъ. Корпусъ Горныхъ Инженеровъ на первый разъ комплектованъ изъ отличнѣйшихъ горныхъ чиновниковъ.

При Министрѣ Финансовъ назначенъ Начальникъ Штаба, который завѣдываетъ Инспекторскою частію по горной службѣ и самымъ горнымъ Институтомъ, а также и Техническою школою, учрежденною для приготовленія механиковъ къ построенію разнаго рода горныхъ машинъ. Самый Горный Институтъ, переименованный изъ Горнаго кадетскаго корпуса, получилъ новое преобразованіе; при немъ учреждены два офицерскихъ класса, въ которыхъ преподаются горныя науки въ видѣ Академическомъ. Институтъ получилъ особаго Директора.

Изъ этого видно, что власть, прежде принадлежавшая одному лицу, завѣдывавшему Департаментомъ Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ и Горнымъ Институтомъ, нынѣ раздѣлена между Управляющимъ Департаментомъ, Начальникомъ Штаба и Директоромъ Института. Вмѣстѣ съ раздѣленіемъ власти раздѣлилось и производство дѣлъ, и тѣмъ высшему начальству предоставлено болѣе

возможности преслѣдовать дѣйствіе заводовъ, что необходимо должно повести къ усовершенію оныхъ. Съ образованіемъ же Корпуса Горныхъ Инженеровъ, содержаніе горныхъ чиновниковъ гораздо улучшилось противъ прежняго.

Офицерамъ горной службы, переведеннымъ въ корпусъ Горныхъ Инженеровъ, присвоенъ военный мундиръ и такимъ образомъ, кромѣ существенныхъ преимуществъ предъ другими частями, горная служба получила и новое украшеніе, которое сравнило ее и въ этомъ отношеніи съ военною, вездѣ справедливо занимающею первую степень.

Послѣднее преобразованіе по управленію горною частію составило блестящую эпоху въ горной исторіи, а изъ историческаго обозрѣнія горнаго дѣла въ Россіи мы видѣли, что оно утвердилось при Петрѣ I, а важнѣйшими улучшеніями обязано царствованію Императора Александра I и нынѣ благополучно царствующему Императору.

Говоря о двухъ послѣднихъ царствованіяхъ, можно ли забыть о томъ мужѣ, который, мудро исполняя предначертанія правительства, стремится къ тому, чтобъ поставить горную промышленность на пути совершенства? — Гнъ Министръ Финансовъ, Графъ Ег. Фр. Канкринъ, съ самаго вступленія своего въ управленіе обширнымъ Министерствомъ, всегда обращалъ вниманіе на улучшеніе заводовъ и состоянія горныхъ Чиновниковъ. Это дало ему право на

вѣчную благодарность послѣднихъ, а мудрыя предначертанія на пользу горной службы указываютъ ему почетное мѣсто въ исторіи Россійскаго горнаго производства.

Нынѣ горная служба, имѣя образованныхъ офицеровъ, доставляетъ имъ всѣ средства къ усовершенствованію ихъ познаній, неразлучно связанному съ почестями и отличіями, и всѣмъ этимъ она обязана попечительному правительству, которое отъ горныхъ чиновниковъ въ правѣ ожидать полнаго усердія и стремленія къ улучшенію ввѣренныхъ имъ частей, и нѣтъ сомнѣнія, что мы скоро увидимъ плоды благихъ предначертаній правительства, и дождемся того времени, когда Россійское горнозаводское производство сравнится съ иностраннымъ и принесетъ ту пользу, которой ожидаетъ отъ него мудрый Монархъ, отечески пекущійся о благѣ многочисленныхъ своихъ подданныхъ.

П. Любимовъ.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
и
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О ПЧЕЛОВОДСТВѢ ВООБЩЕ И ВЪ ОСОБЕННОСТИ О РОССІЙСКОМЪ.

Пчеловодство есть одно изъ самыхъ пріятныхъ, невинныхъ, и легчайшее изъ всѣхъ сельскихъ занятій. Доставляя хозяину и удовольствіе и прибыль, оно избавляетъ его отъ тяжкихъ трудовъ и необходимости видѣть страданія животныхъ, какъ бываетъ то на охотѣ и въ рыбной ловлѣ. Произведенія пчелъ столь чисты, что медъ въ древности слылъ Божественною пищею, а воскъ служитъ и до нынѣ лучшимъ приношеніемъ Святынѣ. Пчеловодство считалось занятіемъ священнымъ, требовавшимъ непорочности нравовъ; древніе Галльцы, въ Англіи, приписывали пчеламъ райское произхожденіе; у насъ доселѣ крестьяне, болѣе слѣдующіе сердечнымъ вѣрованіямъ, полагаютъ, что пчелы только у того хорошо водятся, кто добръ сердцемъ и чистъ совѣстью.

Пчелы бываютъ *дикія* и *домашнія*. Первыя водятся, гдѣ имъ придется, въ дуплахъ древесныхъ, въ ращелинахъ и т. п.; вторыя водятся въ мѣстахъ, по назначенію человѣка, — въ ульяхъ,

колодахъ, бортяхъ, нарочно для нихъ устроиваемыхъ. Пчелы живутъ многочисленными семействами, которыя называются *роями;* каждымъ роемъ предводительствуетъ одна изъ пчелъ, особеннаго вида, *матка.* Въ рояхъ, которые помѣщаются въ ульяхъ, бываетъ иногда тысячь по 40 пчелъ. Весною и лѣтомъ, когда въ ульѣ выйдутъ изъ яичекъ молодыя пчелы, составляются изъ нихъ особенные, новые или молодые, рои, имѣющіе своихъ матокъ. Они отдѣляются отъ старыхъ, вылетаютъ изъ родныхъ ульевъ, и подъ предводительствомъ матокъ ищутъ удобнаго пріюта. Въ это время пчеловоды наблюдаютъ за роями, и стараются ихъ залучить въ новые ульи. Когда матка сама сѣла, или посажена пчеловодомъ въ улей, то за нею летитъ и съ нею остается все новое поколеніе. Размноженіе роевъ считается для хозяина благосостояніемъ. При бортяхъ рои не наблюдаются.

Ульи и колоды ставятся вообще около дома или хутора, а борти устроиваются въ лѣсахъ, т. е. выдалбливаются нарочно въ вершинѣ растущаго дерева.

Пчелы начинаютъ работать, т. е. собирать медъ и воскъ съ самой весны, при появленіи первыхъ цвѣтковъ и продолжаютъ во все лѣто, до самыхъ осеннихъ холодовъ. Осенью хозяинъ вынимаетъ собранный ими медъ и воскъ, оставляя

имъ небольшое количество для пищи и запираетъ ульи. Зимою пчелы остаются въ безчувствіи.

Медъ и воскъ собираются пчелами съ цвѣтковъ. Пчела всасываетъ медъ въ желудокъ, а воскъ собираетъ лапками, приноситъ тотъ и другой въ улей, и составляетъ изъ нихъ *сотъ*. Доброта и цвѣтъ меда бываютъ различны, и зависятъ отъ цвѣтковъ, съ которыхъ собраны. У насъ въ Россіи замѣчено, что медъ, сбираемый съ липы, малины и кипрея, бываетъ цвѣтомъ бѣлый, и пріятнаго вкуса, съ ели—зеленый съ смолистымъ или сѣрнымъ отзывомъ, съ дуба — полубѣлый или сѣроватый, съ сосны и гречи — красный.

Въ сотахъ медъ находится жидкимъ. Онъ вытекаетъ или самъ собою или при посредствѣ теплоты и давленія, и садится, т. е. густѣетъ, и даже крѣпнетъ. Когда ему даютъ садиться спокойно, онъ кристаллуется, и тогда называется *крупичатымъ*.

Воска изъ улья вынимается, среднимъ числомъ, около одной тринадцатой доли противъ меда.

Пчеловодствомъ занимаются по всему свѣту: въ Европѣ, Азіи, Африкѣ и Америкѣ. Россія, Польша и Булгарія всегда славились своими медами и воскомъ. Какъ торговая статья, воскъ привозится въ Европу изъ Варварійскихъ владѣній, изъ Турціи и изъ Соединенныхъ Штатовъ.

У насъ, въ Россіи, разводятъ пчелъ почти въ каждой Губерніи, хотя не во всѣхъ въ значи-

шельномъ количествѣ. Прежде занимались пчеловодствомъ болѣе: повсемѣстное употребленіе питейныхъ медовъ, кои встарину замѣняли совершенно нынѣшнія виноградныя вина, благопріятствовало сей отрасли сельскаго хозяйства. Въ губерніяхъ: Казанской, Пермской, Вятской и Украинскихъ, успѣшнѣе, нежели въ прочихъ, у насъ, занимаются пчеловодствомъ. Лучшихъ медовъ выходитъ болѣе изъ Казанской.

Мнѣ знакомѣе пчеловодство первыхъ трехъ изъ выше упомянутыхъ губерній; по сей причинѣ я скажу о немъ подробнѣе. Большая часть жителей сихъ губерній разводитъ *медоточивыхъ* насѣкомыхъ безъ дальнѣйшихъ попеченій, руководствуясь весьма не многими правилами, пріобрѣтенными по наслѣдству и по преданію. Особенно замѣчательно заведеніе лѣсныхъ или бортевыхъ пчелъ, которыхъ можно назвать средними между домашними и дикими. Бортью называется дупло, нарочно выдолбленное въ деревѣ, обыкновенно близъ вершины, стоящемъ въ лѣсу, и устроенное съ выходомъ для пчелъ по образцу улья. Рой прилетаетъ въ пустую борть и заводитъ соты. Около населенныхъ уже пчелами бортей, устроиваютъ новыя пустыя и сверхъ того ставятъ ульи. Пчелы, роясь, выбираютъ, по своему инстинкту, безъ всякаго посторонняго присмотра, какую нибудь борть или улей, гдѣ и *заживаютъ домкомъ*. Такимъ образомъ, людямъ остается

только дѣлать борти и вынимать медъ. Есть хозяева, въ сихъ Губерніяхъ, имѣющіе отъ 300 до 1000 ульевъ и бортей.

Большіе охотники до меда медвѣди; они лазятъ на деревья и таскаютъ медъ къ ущербу хозяевъ. Для охраненія бортей отъ этихъ *косолапыхъ лакомокъ* употребляютъ разные способы, изъ которыхъ упомяну объ одномъ, и простомъ и забавномъ. Предъ бортевымъ отверстіемъ привѣшиваютъ чурбанъ, и этотъ отрубокъ дерева составляетъ всю защиту. Когда медвѣдь, взлѣзшій къ борти, начинаетъ доставать медъ, то висящій отрубокъ ему въ томъ препятствуетъ, а медвѣдь отталкиваетъ его лапой въ сторону; чурбанъ, откачнувшись, какъ маетникъ, возвращается и ударяетъ медвѣдя; медвѣдь разсердившись, снова и сильнѣе отталкиваетъ, отрубокъ снова и сильнѣе поражаетъ его; и такъ далѣе, пока чурбанъ или собьетъ вора или заставитъ его удалиться.

Употребленіе меда и воска и нынѣ въ Россіи велико. Изъ меда не только приготовляютъ извѣстный напитокъ — *медъ,* но употребляютъ его, особенно по постамъ, вмѣсто сахара съ чаемъ и кушаньемъ. Хорошимъ бѣлымъ медомъ щеголяютъ и платятъ за него дорого. Чистый медъ составляетъ весьма здоровую пищу; бѣлый хорошій медъ, съ хорошимъ чухонскимъ масломъ, намазанный на поджаренный бѣлый хлѣбъ, состав-

ляетъ отмѣнно вкусный завтракъ. Воска идетъ у насъ много, кромѣ комнатнаго освѣщенія, на церковныя свѣчи; также отправляется не мало за границу.

Хотя трудно теперь опредѣлить точно количество всего меда и воска, у насъ производимаго; однако можно получить о семъ нѣкоторое, приблизительно вѣрное понятіе, вотъ какимъ образомъ! Въ послѣдніе годы, воска отпускалось отъ насъ за границу около 50,000 пудъ; на собственное употребленіе выходило вѣрно неменѣе 100,000 пудъ, что конечно очень не много на 50 слишкомъ Губерній. Если примемъ, что воскъ составляетъ тринадцатую часть произведенія улья, то найдемъ, что меду производится у насъ ежегодно до двухъ милліоновъ пудовъ. Положимъ за пудъ воска 35 руб., за пудъ меда 12 р.

Воска 150,000 по 35 руб. . . .	на 5,250,000
Меда 2,000,000 по 12 руб. . .	на 24,000,000
	29,250,000.

Слѣдовательно, пчеловодство доставляетъ въ Россіи ежегодно дохода до 30 милліоновъ рублей, слишкомъ по 50 коп. на душу. Какъ удивительна природа и непостижимъ Творецъ ея! Маленькое насѣкомое,—пчела, какую можетъ доставить человѣку пользу! Мудрено ли, что не вдругъ найдешься съ отвѣтомъ на вопросъ: какой классъ

животныхъ полезнѣе для человѣка? (*) Мысль съ перваго раза невольно поражается огромностью четвероногихъ; но для вѣрнаго отвѣта надобно принять въ разсужденіе и другіе классы.

Продолжимъ, изъ любопытства, изчисленіе. Если примемъ, что каждый улей и каждая борть даютъ кругомъ по 10 фунтовъ меда въ годъ; то выйдетъ, что въ Россіи около 8 милліоновъ ульевъ.

С. Усовъ.

(*) На экзаменѣ былъ мнѣ дважды предложенъ такой вопросъ.

ГЕОГРАФІЯ.

О

ВѢТРАХЪ ЗНОЙНАГО ПОЯСА.

Въ жаркихъ, и частію въ теплыхъ странахъ, вѣютъ вѣтры, кои, соединясь при движеніи своемъ съ различными вредными испареніями, бываютъ нерѣдко *смертоносны*. Отечествомъ сихъ вѣтровъ можно почесть песчаныя степи Африканскія. Масса воздуха, накопившаяся и сгустившаяся на центральной плоской возвышенности *Судана*, имѣетъ по временамъ сильные порывы. Послѣ зимняго солнцестоянія изъ внутренности Африки на Западъ сперва въ Гвинеѣ (съ Декабря по исходъ Марта), и потомъ по Сенегалу (въ Апрѣлѣ) дуетъ знойный, изсушающій и, густымъ туманомъ сопровождаемый, вѣтръ *Гармаштанъ*, содержащій много жизненнаго воздуха (кислорода), и потому весьма вредный для растеній, но сносный и, даже иногда, цѣлебный для здравія людей. Онъ дуетъ отъ 3 до 5, и даже до 12 дней, и люди спасаются отъ него, запираясь въ домахъ. Вѣтръ сей, чрезвычайно жаркій и сухій, послѣ весенняго равноденствія, получивъ направленіе отъ Ю + З, къ С + В, подъ именемъ *Хамсина*, въ мѣсяцахъ Апрѣлѣ и Маѣ, сряду 2 или 3 дня, свирѣпствуетъ въ Египтѣ и, содержа въ себѣ много азота, при-

чиняетъ людямъ совершенное удушье. Отъ него спасаются, укрываясь въ домахъ, или опускаясь въ ямы. Весьма сгущенныя массы воздуха, притекающія отъ Сѣвернаго полюса, преграждаютъ Хамсину путь къ С., и заставляютъ его уклонишься на В. и на З. — На Востокѣ отъ Египта въ Каменистой Аравіи и около Персидскаго залива, съ половины Іюня до половины Августа, господствуетъ убійственный, къ счастію непродолжительный вѣтръ *Самумъ* или *Саміель*, появляющійся со свистомъ и трескомъ, и испускающій сильный сѣрный запахъ. Онъ продолжается около $\frac{1}{4}$ часа, и убиваетъ людей и другихъ животныхъ на мѣстѣ, подобно молніи. Путешественники и животныя спасаются отъ него, падая ницъ на землю и закутываясь, гдѣ можно, въ сырыя покрывала. Хамсинъ, при переходѣ чрезъ Средиземное море, теряетъ свою силу и раздѣляется какъ бы на двѣ отрасли, изъ коихъ *одна* направляется въ Сицилію и Италію, — гдѣ именуется *Сирокко* и даже въ Швейцарію подъ именемъ *Фоенъ*; а другая въ Испанію и называется *Солано*. Сирокко разслабляя, наводитъ всеобщую тоску и уныніе; а Солано особенно примѣчателенъ тѣмъ, что сильно наклоняетъ къ нѣгѣ. Тотъ и другой вѣтръ обыкновенно подымаются въ Іюлѣ мѣсяцѣ (*).

(*) Подобные знойные вѣтры дуютъ между прочимъ на Коромандельскомъ берегѣ (*Haafners* Reise in: *Biblioth.*

Разсмотримъ каждый вѣтръ порознь.

1. *Гармаштанъ* есть Восточный вѣтръ, дующій на Западныхъ берегахъ Африки, при Сенегалѣ въ Апрѣлѣ, а въ Гвинеѣ въ Январѣ. Онъ обыкновенно продолжается отъ 3 до 5 и по большей мѣрѣ до 12 дней. Впрочемъ, днемъ всегда наступающій С + З — дный или морскій вѣтръ тогда совсѣмъ утихаетъ. Онъ весьма зноенъ и пронзителенъ; густый паръ или туманъ, едва солнечными лучами, да и то въ полдень проницаемый, сопутствуетъ ему, хотя на небѣ нѣтъ ни облачка. При вѣяніи его нерѣдко въ 20 шагахъ нельзя ничего видѣть; трава увядаетъ, когда онъ дуетъ, и, подобно сѣну, дѣлается жесткою. Вѣтви деревъ склоняются и листья блекнутъ, такъ что, послѣ 10 дневнаго вѣянія сего вѣтра, можно оныя разтереть въ пыль между пальцами. Двери и панели ссыхаются, спаи кораблей, полы въ комнатахъ даже изъ стараго, совсѣмъ сухаго дерева сдѣланные, даютъ въ палецъ шириною трещины, но опять разжимаются, коль скоро вѣтръ перестаетъ. Виннокаменная соль, вмѣсто того, чтобы таять, еще болѣе высыхаетъ ночью; и ежели смочена для разпущенія, то скоро опять принимаетъ свой сухій видъ. До-

---

der Reis. XXXIX, 102), и на островѣ Новой Голландіи въ Портъ-Джаксонѣ (*Peron* Reis. I, 331; *Collins* account of New-South-Wales p. 153 и 237).

колѣ онъ дуетъ, обыкновенно запираются тщательно въ домахъ и стараются преградить ему доступъ. У тѣхъ, кои съ нимъ встрѣчаются, глаза, ротъ и небо весьма скоро сохнутъ, губы раздвояются, кожа трескается и изъ трещинъ оной выступаетъ кровь; въ теченіе 3 дней лупится также кожа на рукахъ и другихъ частяхъ. Потъ бываетъ очень сильный и уподобляется разведенному водою спирту изъ оленьяго рога. Дыханіе при вѣяніи сего вѣтра скоро становится труднымъ и тотъ можетъ задохнуться, кто идетъ ему на встрѣчу. Напротивъ того Гармаштанъ, прогоняя дожди прежняго ненастья, изцѣляетъ, съ гніеніемъ сопряженныя, болѣзни, течи и перемежающіяся лихорадки (*). Увѣряютъ также, что онъ весьма цѣлебенъ въ ушибахъ.

2. *Хамсинъ*, у Коптовъ *Хамсинъ - Яумъ* (**), есть Ю + Ю + З — дный вѣтръ, который въ Египтѣ въ теченіи 50 дней, послѣ весенняго равноденствія (отъ чего онъ получилъ Арабское свое названіе) дуетъ обыкновенно 2 или 3 дня сряду и имѣетъ всѣ свойства вѣтра Сирокко только въ высшей степени. Небо, въ сей землѣ всегда чи-

---

(*) *Dampiers* Reise um die Welt, Lond. 1697 — 1703 m. K. 3 Bd. Deutsch Lpz. 1708; *Dobson* in philos. transact. vol L XXI und daraus in Goth. Magazin 1 Bd. 4 Stck. neue Aufl. s. 41 ff.

(**) *Хамсинъ-Яумъ* означаетъ *пятьдесятъ дней.*

стое и ясное, помрачается и солнце кажется фіолетовымъ кругомъ. Воздухъ бываетъ сѣрый, какъ бы наполненный тонкою всепроницающею пылью, несносно жаркій и столь сухій, что вода, которою вспрыскиваютъ комнату, въ нѣсколько минутъ испаряется; растенія быстро увядаютъ, деревья лишаются своихъ листьевъ. Легкое, не скоро наполняясь весьма разжиженнымъ воздухомъ, сжимается, дыханіе становится краткимъ и труднымъ, кожа сохнетъ, и родъ внутренней лихорадки изнуряетъ тѣло. Сколько ни полощите горла водою, — испареніе не возстановляется. Напрасно ищутъ гдѣ либо прохлады. Всѣ, обыкновенно холодныя тѣла, обманываютъ руку того, кто къ нимъ прикасается. Мраморъ, желѣзо, вода разгорячаются даже въ темномъ мѣстѣ. Тогда все бѣжитъ съ улицъ и глубокое безмолвіе царствуетъ въ полдень, какъ бы среди ночи, въ самыхъ многолюдныхъ городахъ, коихъ жители, равно какъ и селяне запираются въ домахъ, или опускаются въ ямы, дабы дождаться конца сей невзгоды. Горе путешественнику, котораго настигаетъ Хамсинъ вдали отъ притона. Вѣтеръ преимущественно опасенъ въ минуты порывовъ; тутъ отъ скорости зной столько увеличивается, что поражаетъ внезапнымъ удушьемъ. Легкое, совершенно пустое и однакожъ силящееся расшириться, обнаруживаетъ судорожныя движенія. Обращеніе крови застаивается въ сосудцахъ: вся она, вытекающая

изъ сердца, устремляется въ голову и въ желудокъ, и отъ того происходитъ теченіе ея изъ носу и изо рта, что обыкновенно случается по смерти. Для тучныхъ людей и для тѣхъ, у коихъ отъ напряженія ослабѣла сила мускуловъ и сосудцовъ, вѣтръ этотъ особенно опасенъ. Долгое время трупъ остается теплымъ; потомъ онъ вздувается, багровѣетъ и скоро приходитъ въ гнилость. Верблюды погружаютъ морду въ песокъ, въ чемъ подражаютъ имъ и люди (*). Симъ отличается Хамсинъ отъ другихъ знойныхъ и убійственныхъ южныхъ вѣтровъ въ песчаныхъ степяхъ Аравіи и Египта, которые болѣе изсушаютъ тѣло. Путешественникъ *Шоу* разсказываетъ, что въ Сайбагѣ, на нѣсколько дней пути отъ Расъ-Семъ къ Египту, цѣлый караванъ съ верблюдами, ослами и проч. усматривается еще очень хорошо сохранившимся на мѣстѣ, гдѣ постигла его гибель. По старинному сказанію жителей тѣла сіи были такимъ образомъ настигнуты знойнымъ, изсушающимъ вѣтромъ и оцѣпенѣли (**). Вѣроятно, они были засыпаны пескомъ,

(*) *Volney* Reisen nach Syrien und Egypten, 1 Th. 4 Kapit S 47 — 50. Но *Вольней* ошибается, смѣшивая сей вѣтръ съ Саміелемъ; Хамсинъ содержитъ свой собственный газъ, а Саміель имѣетъ много электричества.

(**) *Тевенотъ* испыталъ также дѣйствіе Южныхъ вѣтровъ. „Въ продолженіе путешествія нашего изъ Савы въ Каиръ, говоритъ онъ, мы во весь день имѣли столь

который отъ сихъ вѣтровъ въ большемъ количествѣ поднимается въ высоту и далеко, далеко уносится; при чемъ тонкія его частицы проникаютъ въ замкнутые ящики и короба, и спустя нѣсколько столѣтій сыпучій курганъ опять былъ свѣянъ. Песокъ въ степи чрезвычайно высыхаетъ. Впрочемъ сей, въ песчаныя муміи превратившійся, караванъ заслуживалъ бы болѣе наблюденія и изслѣдованія.

3. *Самумъ* или *Самиель* обыкновенно обнаруживаетъ опустошительную силу свою въ Каменистой Аравіи и въ Иракъ-Араби, вдоль Персидскаго залива, между 15 Іюня и 15 Августа. Горе всякому живому существу, которое имъ бываетъ настигнуто! Большею частію появляется онъ

теплый вѣтръ, что ежеминутно принуждены были обращаться къ нему спиною, дабы подышать свободнѣе. Мы старались открывать ротъ, какъ можно менѣе; но онъ за всѣмъ тѣмъ постоянно наполнялся пескомъ. Этотъ ужасный вѣтръ почти кипятилъ воду въ нашихъ сосудахъ. Многіе изъ нашего каравана, совершенно утомленные и мучимые жаждою, непрестанно просили у насъ пить, да пить. Они съ жадностію пили, ни мало отъ того не освѣжаясь. Мы остальные, также мучимые жаждою, не могли не отвѣдать воды, горячей, однакожъ, даже для нашихъ верблюдовъ, кои отворачивали свою морду. Къ счастію порывы вѣтра продолжаются не долѣе 6 часовъ. Иначе половинѣ каравана пришлось бы проститься съ жизнію. То былъ точно такой вѣтръ, какой за годъ передъ тѣмъ внезапно настигъ караванъ изъ 2000 человѣкъ и истребилъ его въ одну ночь."

послѣ прохладной ночи, когда солнце предвѣщает прекраснѣйшій день: воздухъ тутъ приходитъ в движеніе, атмосфера кажется совершенно красно и пламенною. Это вѣрный признакъ близкой невзго ды. Она познается издали по багрянымъ, нерѣдк фіолетовымъ облакамъ, и сопровождается особен нымъ шумомъ и вихремъ въ воздухѣ, равно как весьма смраднымъ сѣрнымъ запахомъ, произходя щимъ онъ гнили Аравійскихъ болотъ. Дѣйствіе Самуна не ощущается близь поверхности земли. Плывущіе по рѣкѣ совершенно отъ него безопасны: но путешествующіе на сушѣ лицомъ падаютъ на землю; укутываются, если можно, мокрыми покрывалами и держатъ въ рукахъ узду коней своихъ, которые, по естественному побужденію, суютъ голову между переднихъ ногъ и прячутъ морду въ пескѣ. Верблюды, слоны и другія животныя предчувствуютъ приближеніе Самума, и ихъ нельзя понудить совершать путь далѣе. Тотчасъ за тѣмъ поднимается вѣтръ со свистомъ и трескомъ, и сильнымъ сѣрнымъ запахомъ. Онъ умерщвляетъ людей и звѣрей на мѣстѣ, подобно молніи (*). Тѣла скоро предаются

(*) Мелкій песокъ проницаетъ чрезъ всѣ поры и производитъ сильнѣйшія воспаленія, кои достигши высочайшей степени, влекутъ за собою смерть. Люди, вдыхающіе сей вѣтръ въ себя, дѣлаются умопомѣшанными, лежатъ частію съ открытымъ ртомъ, частію какъ бы тихо уснув-

шлѣнію и чернѣютъ. Каждый членъ становятся какъ бы отдѣльнымъ и остается въ первой рукѣ, которая его схватываетъ. По свидѣтельству *Тевенота*, въ 1665 году, вѣтръ сей умертвилъ въ Бассорѣ 4000 человѣкъ. Впрочемъ смерть въ войскѣ Сенна Херима, царя Ассирійскаго, (185 тысячъ въ одну ночь), не совсѣмъ можно ставить на счетъ сего вѣтра, свирѣпствующаго только днемъ, но на счетъ язвы, которою страдалъ самъ Езекія, царь Іудейскій, и которая въ станѣ, гдѣ продавались какіе либо заражонные товары, хранимые близь огня, долженствовала по Божію попущенію ужасно дѣйствовать и опустошать войско (4 Кн. цар. гл. XIX). Да и 24 тысячи человѣкъ, которые въ одинъ день умерли въ войскѣ Израиля (4 Кн: Быт. Гл. XXV), погибли отъ кары Господней. — *Тевенотъ* и другіе путешественники увѣряютъ, что надъ водою, какъ напр. надъ рѣками Тигромъ и Евфратомъ, равно какъ въ мѣстахъ, гдѣ обильно прозябаютъ растенія (*), Самумъ теряетъ свою силу. Отъ него въ безопасности и на горахъ, гдѣ обыкновенно идутъ дожди, вѣроятно содѣйствующіе сей бурѣ. Онъ продолжается почти $\frac{1}{4}$ часа. Какъ ско-

---

шіе. Каждый членъ, слегка потягиваемый, отдѣляется, и вскорѣ все тѣло превращается въ рыхлую массу.

(*) *Lichtenberg* Magazin IV, 338; V, 2 110.

ро онъ прекращается, небо принимаетъ прежнюю ясность (*).

4. *Сирокко*, бичъ Италіи и Сициліи, есть крайне изнурительный Южный вѣтръ, въ самое знойное время года прерываемый на нѣсколько дней Сѣвернымъ. Онъ самыхъ веселыхъ и бодрыхъ людей приводитъ въ неимовѣрное изнеможеніе и уныніе (**). Самомалѣйшее движеніе тѣла утомляетъ. Трава и другія растенія увядаютъ. Вся природа, по видимому, томится. (***) Сей вѣтръ рѣдко въ Сициліи стоитъ двои сутки, но гораздо сильнѣе, нежели въ Неаполѣ, гдѣ онъ въ замѣну того про-

---

(*) *Thevenot, Chardin, Hanway, Schaw, Niebuhr.*

(**) Одинъ отмѣнно живой Французъ жаловался путешественнику *Брайдону:* Je m'ennuye à la mort, moi, qui n'ai jamais connu l'ennuy. Mais cet execrable vent m'accable; deux jours de plus je me pende. (Мнѣ до смерти скучно; а я никогда не зналъ скуки. Но этотъ проклятый вѣтръ моритъ меня; если онъ продолжится еще денекъ, другой, то я повѣшусь). Всѣ работы останавливаются, пока онъ дуетъ; и если что нибудь очень непріятное встрѣчается Италіянцу, то ему нельзя сильнѣе выразить своего неудовольствія, какъ поговоркою: Era Scitto in tempo del Sirocco. Древніе называли его Africus, Euronotus, Vulturnus.

(***) *Брайдонъ*, въ своемъ путешествіи по Сициліи и Мальтѣ, разсказываетъ, что близь Палермо, 8 Іюля, поднялся Сирокко съ разовѣтомъ; въ большихъ и высокихъ комнатахъ, даже около 8 часовъ утра, его еще не замѣчали. Но какъ скоро я выходя, отворилъ дверь; то меня обдало жаромъ, какъ бы изъ устья печи. Атмосфера пла-

должается цѣлую недѣлю. Отъ него, особенно въ Сициліи, тщательно запираются въ домахъ. Доколѣ онъ дуетъ, не видно на улицѣ ни одного человѣка; да нельзя вообразить себѣ и крайности, которая заставила бы удальца отважиться на такую безумную *выходку*. Всѣ двери и окна крѣпко затворяются; вѣшаютъ изнутри мокрыя покрывала предъ окнами и поминутно вспрыскиваютъ комнату водою. Отъ сей ли предосторожности, или отъ кратковременныхъ порывовъ, только Сирокко въ Сициліи не имѣетъ, по видимому, вредныхъ послѣдствій для здоровья людей. При всемъ томъ люди чувствуютъ себя всякій разъ крайне слабыми и сонливыми; но Сѣверный

менѣла. Лишь только первый зной свалилъ, я отважился отворить другую дверь, которая вела въ закрытую отъ сего вѣтра, бесѣдку. Здѣсь жаръ былъ гораздо сноснѣе, хотя все еще уподоблялся жару подземной Неапольской бани. Въ нѣсколько минутъ мои и спутниковъ моихъ нервы необыкновеннымъ образомъ были утомлены, и поры кожи такъ открывались, что грозили намъ сильнѣйшимъ истощеніемъ. Этого, однакожъ, не случилось. Находившійся въ комнатѣ Фаренгейтовъ термометръ, который ночью стоялъ на $72\frac{1}{2}°$, поднялся только на 73°; когда же выставленъ былъ на открытый воздухъ, то поднялся на 110° и вскорѣ на 112°. Воздухъ былъ густъ и тяжелъ: но барометръ оставался почти неизмѣннымъ; онъ не упалъ ни на одну линію. На сторонѣ бесѣдки, открытой вѣтру, мы токмо нѣсколько минутъ могли выдерживать оный. Выложенная плитка помады разтопилася, какъ бы на огнѣ. Я покушался было

вѣтръ, всегда за нимъ слѣдующій, вскорѣ опять возстановляется. Напротивъ того въ Неаполѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ Италіи онъ часто причиняетъ гнилыя горячки, и влечетъ за собою всеобщее уныніе и тоску. Такъ какъ онъ дуетъ тутъ продолжительно; то нельзя брать противъ него предосторожности (*).

5. *Фоенъ* есть весьма опасный Южный вѣтръ, дующій въ Швейцарскихъ Альпахъ. Онъ очень тепелъ и влаженъ, и весьма ускоряетъ произра-

---

выйдти на улицу посмотрѣть, есть ли тамъ люди. Но я не могъ этого исполнить, и весьма радовался, когда опять взошелъ на лѣстницу. Удивительный жаръ продолжался до 3 часовъ по полудни, когда вѣтръ вдругъ почти совершенно переворотился, и остальную часть дня дулъ съ Сѣвера. Внезапный переходъ отъ зноя къ холоду, который мы потомъ испытывали, бываетъ столько же необыкновеннымъ, какъ и отъ холода къ зною. Струя онаго жгучаго воздуха нѣсколько часовъ текла съ Ю. на С. и, безъ сомнѣнія, вся атмосфера на нѣсколько миль далеко въ окрестности онымъ была наполнена; но лишь только вѣтръ поворотился къ С., она сдѣлалась тотчасъ холодною, и мы остававшіеся дотолѣ почти нагіе, проворно должны были надѣть платья. Въ весьма короткое время термометръ упалъ на 82°, — жаръ, который въ Англіи и Германіи почли бы несноснымъ, но который для упомленныхъ нашихъ нервовъ казался прохладой.

(*) *Brydone, Riedesel, Schwinburne, Bartels, Volkmann* hist. Nachrichten von Italien, 2 Bd. S. 794 — 795; *Winkelmann's* Anmerkungen uber die Baukunst der Alten, S. 15.

щеніе, которое, однако, за тѣмъ опять уничтожается. Слѣдствіемъ его бываетъ внезапное таяніе снѣговъ, низверженіе коихъ опустошаетъ поля, селенія и прочее.

6. *Солано* есть Южный вѣтръ въ Испаніи, особенно въ Андалузіи, имѣющій много сходства съ Сирокко и чрезвычайно наклоняющій къ нѣгѣ.

А. Брутъ.

Конецъ первой книги.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Статей, содержащихся въ первой книгѣ Лѣтописи факультетовъ.

А.

Стихотворенія.

Стран.

Пловецъ, *А. Григорьева.* Семейство розъ, *П. Ершова.* Слеза, *С. Добровольскаго* . 2 — 13

В.

Проза.

Критика.

Взглядъ на послѣдніе успѣхи Русской Словесности 1833 и 1834 годовъ, *В. Плаксина* 15 — 33

Эстетика и Археологія Искуствъ.

Роспись идеаламъ Греческой Пластики, *А. Галича* . . . . . 35 — 52

Театръ.

Вступленіе въ Исторію театра, *В. Плаксина* 53 — 58

Педагогія.

Какъ легко испортить прекрасную природу женскую и какъ трудно испорченное поправить, *В. Плаксина* . . . . . 59 — 84

Теорія Исторіи.

Стран.

Взглядъ на Исторію и преимущественно Русскую, *П. Вознесенскаго* . . . . . 85 — 93

Исторія человѣчества.

О причинахъ различія народовъ, *П. Пр. — скаго* . . . . . 95 — 117

Историческія мечты.

Нѣчто о Рыцаряхъ, *В. Плаксина* . . 119 — 139

Политическая Экономія.

О производимости богатствъ, или о трудѣ промышленномъ, *П. Дж — скаго* . . . 142 — 171

Правовѣдѣніе.

О завѣщаніяхъ по разуму древнѣйшихъ узаконеній въ Россіи, Н. Р. . . . . 175 — 183

Статистика.

Историческія свѣдѣнія о началѣ и постепенномъ развитіи и усовершенствованіи горнаго промысла въ Россіи, *П. Любимова* . 185 — 216

Промышленность и сельское хозяйство.

О пчеловодствѣ вообще и въ особенности о Россійскомъ, *С. Усова* . . . . . 217 — 223

Географія.

О вѣтрахъ знойнаго пояса, *А. Брута* . . 225 — 237

20 90 5ST2 53 005 BR 6104

90 08517
Lietopis' fakul'tetov na 1835
Stanford University Libraries
3 6105 042 993 910

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE